Зёрна из далёкого прошлого

роман

Иван Шавлюга

22.07.2017

Научно-фантастический роман о городе-колонии на Марсе. Город с куполом и искусственной атмосферы внутри. Важна не экономическая составляющая, а сама идея такого города. И в этом городе начинается эпидемия неизвестной заразы. Бактерия в спорах своих дремала и проснулась, при достаточном уровне кислорода и углекислого газа. И начались галлюцинации в стиле Фаэтона и Эриха фон Деникина. Сразу предупреждаю, что ответ неожиданный и странный. Священник, просто начитанный психолог по призванию, перенастраивает сознание и доказывает, что это всё стереотипы и внушение.

Оглавление

Глава 1.

23-й век, т.е. 2222-й год. Уже давно существует это межгосударственное образование под названием Славянский союз. Он включает в себя республики: Россию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Беларусь, весь Кавказ, всю среднюю Азию, некоторые балканские государства. Вот впервые в истории человечества строят на Марсе огромную станцию, точнее первый целый город-колонию Циолковский, в честь открывателя ноосферы. Это великий эксперимент славянской цивилизации: узнать, может ли большая группа лиц жить и работать в таком городе со своей инфраструктурой в замкнутом жилом пространстве, когда вокруг смертельно опасная агрессивная марсианская среда. Сможет ли человек здесь жить долгое время, не только просто проживая день за днём по марсианскому времени, но и совершая научную работу? Схема города очень необычайна. В центре города есть площадь первых космонавтов, накрытая серьёзным прозрачным куполом, который держат жилые пятиэтажные дома, сомкнутые кольцом. Купол держится за счёт семи гигантских колонн, которые держат купол, шесть колонн были расположены по кругу, а в центре седьмая. На этих колоннах держится сами балки. Они украшены спиральными жёлтыми, белыми и фиолетовыми линиями. Возле седьмой колонны, вот впритык к ней стоит четыре памятника может самых важных ещё советских космонавтов: Юрия Гагарина, Алексея Титова, Алексея Леонова, Валентины Терешковой. Все эти четыре статую смотрели в разные стороны света. Город окружён кремлём: системой стен, башен, ворот, пристроек и целых отдельных зданий. Всё это было окрашено в яркие жёлтые цвета. Всего у кремля двенадцать башен. Купол каждой башни оформлен в форме капля, точь в точь как у православных храмов. Первая башня и одна из главных – Знаменная башня, на ней же часы и через неё идёт железная дорога на космодром. А рядом с ней железнодорожная станция. Следующая башня – Атомная башня, расположенная рядом с атомной электростанцией. Третья башня именуется Плутониевой, так как рядом находится склад с Плутонием и завод по его переработке. Все три башни связанны Плутониевой улицы, по которой мчаться так раз трамваи. У Плутониевой башни есть ворота, естественно, как и у всех других ворот со шлюзом. Через эти ворота и едут короткие поезда с Плутонием на перерабатывающий завод и электростанцию. И естественно через ворота Знаменной башни поезда с плутонием едут на космодром. Четвертая башня, т.е. Университетская башня, расположена немного дальше Плутониевого завода и склада, рядом с ней расположен университет. В этом университете проходят переклассификацию. В местном университете не так много факультетов: биологический факультет, астрономический факультет, психологический факультет и медицинский факультет. Все деканы и ректор университета имеют полномочия в медицинской комиссии, которая может и списать, если что. Остальные башни тоже немало важные и красивые, тем более что все они связанны транспортным кольцом. Возле вокзала есть незначительное пространство, где растут привычные растения в отапливаемой теплице. Это превосходный прекрасный сад.

В городе Циолковский живёт боец войск особого назначения Андрей Валерьевич Баталов. В свои двадцать лет он уже командир своего отряда из десяти человек. У него мощное накаченное тело, атлетически сложенное. Идёт ровной и правильной походкой,

неспешно и не без демонстраций мышц. Ну, эти мышцы трудно не заметить. Лицо овальной формы, мощный нос, и превосходные яркие голубые глаза. И чётко выбритая голова. Начальство такой же комплекции встречало его с усмешкой и гордостью, как за себя, так и за бойцов. Уж что-что, а тут гордятся экспериментом под названием город-колония на другой планете. Раньше Андрей служил на земле и ловил преступников, проводил спецоперации по всему миру. А теперь его направили после стажировки сюда, чтобы проводить самые опасные операции здесь. Выйдет система жизнеобеспечения из строя и Андрей будет её восстанавливать и спасать людей. В его задачу входит патрулирование кремля: бродить по верхним коридорам кремлёвских стен, проверяя целостность купола над городом, проверяя все цифровые аналитические системы. Андрей вместе со своим другом Кириллом идёт по коридору в крыше кремлёвской стены. С чувством ужаса в глазах Андрей смотрел на аналитические системы, а Кирилл в это время говорил:

– Небо здесь такое красивое, просто превосходное. Сейчас мы устроимся здесь, докажем, что жить и в таких условиях можно. А потом пригоним сюда Цереру для начала. Запустим ядро Марса. И начнётся терраформирование. Эх, вот появятся тут вновь литосферные плиты. А под ними будет не камень, а жидкая мантия, расплавленная мантия. Сначала Церера будет гравитацией разгонять ядро Марса, и там начнутся бурные ядерные реакции. Здесь будет нормальная атмосфера, мощное магнитное поле. И не нужен будет этот электромагнитный купол. Вот эти установки отключим за ненадобностью. Это ж через сколько столетий мы прыгнем? Ведь то, какой Марс сейчас – это ненормально! А через сколько мы уже прыгнули? Мощные щиты электромагнитной защиты. Мощная система регенерации кислорода и воды. А какие тут квантовые цифровые системы. Это ж надо додуматься синтезировать аметист с правильной кристаллической решёткой и занести туда информацию. А сколько здесь плутония. Мы же озолотимся здесь. Наш Славянский союз, огромнейшая территория обгонит весь мир и улетит в будущее! Сначала забурлят вулканы! Появится атмосфера! А эти вечные льды под грунтом просто начнут таять! И будут океаны и моря! И вот тогда здесь будут расти вдоль рек огромные леса. Здесь будут бескрайние поля, на которых будет расти пшеница! Тут будет первый мегаполис. Здесь будут жить миллионы, нет миллиарды людей! Здесь будет такая цивилизация! Вот чего здесь не хватает, вот такой серьёзной мысли и серьёзной трудовой руки!

– Я, конечно, извиняюсь, вот прямо красиво и гипнотически всё излагаешь, но две параллельные аналитические системы показывают наличие неизвестных бактерий, явно смертоносных, оказывается, где-то просто утечка кислорода и сбой в шлюзовой системе, – сказал Андрей тихо, уже предчувствуя недоброе.

– Так автоматика?

– Заклинило.

Время как бы остановилось, замедлилось. Вот как только был расшифрован условный кодовый сигнал, тут же стало резко понятно, что нужно делать. Уже когда красные лампочки боевой тревоги замигали, парни уже бежали прямо по коридору в башню Первопроходцев, расположенную рядом с зоосадом. Лифт уже мчался вниз.

– Надеюсь, успеем, – сказал Андрей уже в закрытом шлеме. По инструкции всегда, когда патрулируешь кремль, то в скафандре ходишь. Уже под Землёй парни обнаружили открытый шлюз и вбежали даже без всяких разрешений в него, потом стали спускаться вниз по винтовой лестнице. Они прекрасно понимали, что об этом отсеке знают только избранные. Здесь есть прямо ход в пещеры Марса.

Когда роботы строили город, то обнаружили странные пещеры, в том числе и выходящие на поверхность. Это целая система, до сих пор вообще не изучена. Естественно, всё это засекречено, потому что это подтверждает какую-то непонятную альтернативную научную теорию о том, что происходит под поверхностью Марса. Доступ в этот сектор, в этот отсек имеют только спецслужбы, гражданских вообще в сами башни и на стены не пускают, да даже военных их других подразделений только по спецпропускам. А именно сюда, значит, кто-то проникал.

– Вот он сейчас сюда попадётся! Паразит русофоб, шпион хренов! Не смешите наши эскандеры! – кричал Кирилл. – Стоять всем!

– Нет, кому-то эта фраза адресована, – сообщила с досадой и разочарованием в голосе Андрей, уже растянуто и с наслаждением, тихо так и неуверенно.

Сначала крикнул, а потом уже увидел открытый шлюз прямо в пещеру. Чёрная пещера, огромная тянулась прямо вниз. И так манит к себе. Есть два типа людей: большинство бежит от катастрофы в противоположную сторону, а меньшинство смотрит заворожённо сначала, а потом ещё и спорит с катастрофой. Вода какая-то, в общем, какая-то жидкость, серовато- зелёная поднялась снизу и заливает самый нижний отсек через какой-то открытый шлюз! Дело всего взять и вручную закрыть тяжёлую стальную многотонную дверь. Двое бойцов взяли и потащили дверь на себя. Да гидравлика помогала, но всё равно тяжело. Им уже было плевать, что нет даже у них спецпропуска. Им было плевать уже и на то, что они приобщились к великой тайне всего человечества. Им плевать на все последствия того, что они не санкционировано здесь. Им важно закрыть дверь.

Время тянется медленно, но только в голове, в сознании. Парни ощущали чьё-то дыхание, дыхание того всемогущего космического существа, который по-отцовски смотрит на них и просто смотрит и всё. Вот такие любящие гипнотизирующие глаза, убеждающие, что есть шанс всё быстро исправить раз и навсегда. Слышно его дыхание. Ощущаешь всё родство с космосом, с этим бесконечным пространством. И этот Отец Космический растворён вот здесь, в этом отсеке, мало того, он просто управляет клетками и двигает руками, он сокращает мышцы. Ты сам себе не принадлежишь, ты сам себе не указ. Потому что то, что ты песчинка в космосе – это для тебя неоспоримый факт, и полный эффект, и полный аффект. И что когда-то этот аффект, уже сейчас погружаемый на самое дно подсознания, как-то аукнется, тебе глубоко плевать. Тебе глубоко плевать, что через пять лет ты можешь из-за этих воспоминаний сойти с ума. Тебе плевать, что тебе скажут тогда и врачи, и соседи-старушки, и родители, и одноклассники и так далее. Тебе плевать, как по отношению к тебе поступит правительство твоей страны. Главное, что время тебе удалость по чьей-то воле растянуть и закрыть вручную тяжёлую дверь шлюза. А потом, когда дверь закрылась, с серьёзностью в голосе звонишь начальнику и говоришь:

– Какой придурок открыл шлюз в запрещённом месте!? Убью гада! Шлюз закрыт! Какая серая масса поднялась, весь пол по голень залила.

Андрею ответил его непосредственный начальник, знающий намного больше, как же его имя и отчество, да и фамилия, аффект, твою мать:

– Андрюха, вы живы, мать вашу! Да вам героя я бы дал сразу! Какие-то русофобы шлюз открыли, что ли. Или… Ладно, осмотритесь там. Молодцы, что шлюз закрыли. Пробы этой гадости взять и наверх! Хотя стоп, я сам к вам спускаюсь.

– Чего, Егор Валентинович, чего вам-то рисковать?

– Я хочу понять и разобраться, тем более что я в этой башне. И уже в скафандре. Там же две дублирующей системы. Как они обе вышли из строя?

– Шпион был. Специально открыл шлюз. Нет, сначала взломал код, а потом открыл шлюз и побежал вон прочь отсюда.

– Как, так побежал? – двери лифта открылись, и Егор Валентинович уже спускался бегом по винтовой лестнице. Здесь все мускулистые и поджарые, все сильные и выносливые в этом городе, так что даже начальник особого отдела быстро бегает. – Так, что тут есть, какие улики? Вот никаких следов взлома! Шлюз открыт и никаких следов взлома!

– Может это сущность из параллельной цивилизации? – пошутил Кирилл, – Живут тут марсиане, никого не трогают, а тут мы город построили, вот давай травить.

– Да ладно, хотя ты знаешь, марсиане гиберборейцы это как-то лучше, чем Соединённые штаты Америки или Арабский союз. Но это русофобы америкосы, вот это генеральная линия.

– Мы даже толком не осмотрелись, мы только дверь закрыли. А что кислород не поступает.

– А вот сейчас проверим. Тут в этом ящике есть тумблеры. У меня и коды есть, – начальник открыл ключом дверцу, а потом нажал на тумблеры: – кислород стал поступать. Надо же, так они просто туда сбежать хотели, шпионы эти. Шпионы первые не выдержали и сбежали. Так именно здесь, вот как преступник, я взламываю его код. Не выдержали культуры русской, слишком она богатая. Не выдержали нашего языка. У них же фобия всего русского, вот в пещеры и сбежали.

– А как вы так быстро здесь оказались?

– Протоколы безопасности свои читать надо, я просто повторные ключи нашёл. Мы работаем до сих пор в режиме секретности. И вся секретность обеспечивается за счёт неповторяющихся сверхдлинных ключей, а тут повторы и несанкционированный доступ.

– Шеф, тут какие-то семена на полу. Я их все соберу и отдам биологам.

– Семена? Так, откуда семена, кто-то обронил?

– Шеф, ну это явно с жидкостью пришло и они исконно марсианские. Ой, сколько их много.

– А если это гадость, наплодится на наших фермах в городе, – сказал Андрей, рассматривая узкие и длинные стрежни, похожие на гвозди, но с утолщением посреди. Они яркого жёлтого цвета и так манят к себе.

– Андрюха, как тебе объяснить вот такую теорию: с точки зрения Разумного Космоса, Марс должен быть обитаем и главное пригоден для жизни. Была вот тут

марсианская цивилизация и возгордилась. Вот и погибла. Но человек должен возродить здесь погибшую природу и саму планету, так Разумный Космос сказал. Ну, Галактическая канцелярия так сказала, что планета должна быть обитаема, так вот мы жизнь и возродим.

– Так это было десять миллионов лет назад, нет Кирюха, любишь ты умные разговоры вести в неподходящее время.

– Ну, что, – Кирюха остановился, покачал головой, а потом сказал, аж встревоженный начальник рассмеялся, да так громко: – а космосу плевать на сроки, сказано восстановить, и всё! А где справедливость? Планета предназначена для жизни, а тут ядерной кнопкой гады погубили? Вот и восстановить, что взрывами поуничтожали, хоть пятьсот лет, хоть десять тысяч, хоть десять миллионов. Чтобы психика на место встала у души-то.

– Встала психика-то, – сказал начальник, – так семена не дают. Пришли бы и дали, или согласовали и сказали где найти. А то взломать наобум такую систему. И главное быстро и нелепо. И кто это может быть. Главное сам туда в пещеры ушёл и с концами.

– Так и не найти его уже.

– Погиб уже, успокойся, его это серая жижа и убила. Семена собрал, философ ты наш?

– Собрал, – ответил Кирилл, держа в руках контейнер.

Автоматика пока что-то пискнула, потом дверь наверху наконец-то захлопнулась, сработала очистка от вирусов и дверь захлопнулась. Медленно серая жижа стала выливаться в предусмотренные открытые водостоки. Шеф щиток закрыл, стал спокойно стоять и наблюдать за автоматикой. Потом вспомнил о телефоне и стал всему начальству своему, т.е. непосредственно мэру докладывать о том, что произошло. По рассказу Егора Валентиновича оказалось, что это был невидимка, но почерк невидимки хорошо знакомый.

Через двадцать минут, когда серая жижа ушла, а за бойцами уже следили медики, проводя обследование, Егор Валентинович отправился в здание мэрии.

Медсёстры осматривали бойцов, проверяли всё подряд и только смеялись. Хоть чувствовалось в женских этих глазах какой-то страх и бойцы скорее говорили эту философскую правду жизни только для того, чтобы девушки не понимали всего того, что случилось. Парни уже сразу поняли, что вероятность у них выжить довольно-таки низкая. И жизнь просто-напросто скоро закончится и они погибнут. Только есть шанс спасти всех остальных. Медсёстры тоже делали вид, что это чистая формальность. И получается: руки не трясутся, ноги не подкашиваются, глаза не бегут, и внимание на пределе, а сознание понимает-то, что эпидемия неизвестной дряни началась. А бойцы сами забалтывали зубы, рассуждая, пусть примитивно, о какой-то погибшей цивилизации. Специально, чтобы отвлечь, а на душе истерика.

– Просто вот обидно, – говорил Андрей, вот у нас есть такие прекрасные технологии, да что там технологии, вот был у них, у марсиан в прошлом такой-то поэт. Вот как Пушкин. Вот просто их всё. Жил за три сотни лет до этой катастрофы и гением был. Вот он в чём виноват? Вот в чём? Ему, зачем такую участь – быть забытым.

– А в этом и заключается моя философия – культура бессмертна. Всё всплывает из информационного поля и вновь воплощается в новом мире. Вот так и будет с тем поэтом. Мы о нём, так или иначе, узнаем. И его стихи могут быть в точности восстановлены. Либо он сам их восстановит, либо ситуация будет такой. Вот такая будет политическая обстановка, вот таким будет воспитание, вот такая будет комбинация генов, вот такое состояние души и стихи появились. Тоже касается и научных теорий, да даже религии.

Парней отпустили, сказав, что всё в порядке. Только никто в это не верил из парней. Они-то понимали, что это ложь во спасение. Андрей скоро уснул, после того как пришёл домой. Так в одежде и уснул. Тем временем бактерии проникали в тела граждан города Циолковского, пока службы пытались спасти. Но бактерия уже быстро распространилась и поселилась в организмах космонавтов. И простая полная замена воздуха не решит проблему.

Андрей видел во сне Землю. Видел, как дружно взлетали из шахт ракеты. Видел, как взрывался Нью-Йорк, как взрывался Мадрид, как взрывался Каир. И всё происходило практически одновременно. Сейсмические колебания активировали большинство вулканов. И быстро всё стало дымить, и вся атмосфера стала серой и даже кое-где чёрной. И страшные стоны ужаса были слышны ему во сне. Больше не было наций. Люди в безумии убивали друг друга, когда уже государств не существовало. Люди стреляли в кого угодно. Линия фронта охватывала всю планету и люди не помнили ментальной связи друг с другом. Ну, как это назвать, не было уже коллективного разумного сознания у человечества, не было коллективного сознания ни у одной нации. И все в бешенстве стреляли друг в друга. Никто не слушал команды друг друга. Власти здесь не было, и была всеобщая анархия. Коллективный разум прекратил своё существование. Человечество быстро погибало, особенно когда каждый убивал сам себя. Изменилась сама человеческая природа в результате мутаций, и мозг стал погибать медленно. Сначала стала разрушаться психика, а потом и само тело.

Андрей быстро в панике проснулся, и, не помня себя, стал издавать дикие вопли и крики, словно зверь какой-то. Глаза у него были бешеные, и тело всё тряслось в лихорадке.

Спустя полчаса продолжительных таких криков Андрей пришёл в себя, стал смотреть на себя в зеркало. Лицо было взъерошенное и уставшее, полное непонятного ужаса. Такое впечатление было у бойца, что он в своём мире и смотрит на себя со стороны. Словно душа, отделившись во сне от тела, не совсем в него при пробуждении вернулась. На него смотрели жёлтые глаза. Раньше, т.е. при рождении, у него они были именно голубые, славянские глаза. Они ими так гордился. Это был предмет его гордости. Не то, что они были совершенными, но прекрасно видели и умели целиться. А теперь у него жёлтые глаза!

Осознание быстро пришло в голову и эффект взгляда на себя извне быстро прошёл. Как жаль, с другой стороны, что эффект этот долго не продержался, ведь между прочем грехов у него много и понять то, что ему нужно сделать, и увидеть свои ошибки и способ их исправления так хочется. Но он этого не увидел. Только понял, что произошла генетическая мутация, изменившая цвет его глаз. Страх самого себя резко так не проходит, а при более пристальном взгляде в зеркало больше обостряется. Жёлтые глаза

испускали слёзы. Стыдно, страшно, грустно, безумно интересно – вот всё, что было в голове.

Можно сослаться на то, что глазам надо плакать, так как прочистить надо после смены цвета. Осталось записать всё в дневник, ведь так положено вести репортажи для медкомиссии, и ждать того неизвестного интересного.

Когда Андрей писал дневник, то ему стало безумно интересно. Ему было интересно понять себя и свою сущность. Так что впервые, ещё не зная как, Андрей стал медитировать, молясь Богу, чтобы тот расслабил его мышцы и дал успокоение и ответы.

Видно требуется личное присутствие, потому что через полчаса после начала медитации боец заснул и уже спал спокойно, судя по выражению лица, он что-то секретное от Галактической канцелярии узнал. Только молчать об этом надо.

Глава 2.

Живёт в космическом общежитии Оксана Айннет вместе с Семёном Федоренко. И ощущает безумный страх. Вокруг нормальный типичный жилой модуль. Оба они биологи и выращивают еду для космонавтов, проводят всяческие опыты по исследованию живых организмов у себя на ферме. Жилой модуль состоит из нескольких комнат. В одной комнате живёт Семён, в другой комнате Оксана, есть ещё кухня и санузел. Между прочем все так называемые квартиры соединяются во всём здании общим коридором. Сами дома так же соединены в единое жилое кольцо. Между домами есть проходы. И без труда можно попасть в любой подъезд любого дома, да и на любой этаж. Можно по соединяющему все квартиры на всём протяжении этажа коридору обойти всю площадь. Между домами есть стеклянное пространство, внушительное помещение, где можно всем встретиться, поговорить, поиграть в какие-то интеллектуальные игры, да и вообще просто не быть одному. В каждой квартире есть щиток с искусственным интеллектом, который может и квартиру при помощи робота убрать, включить и выключить прибор, передать или принять какое угодно сообщение, ну так далее. Интеллектуальные системы управления квартиры – это ещё что. А вот полностью роботизированная жилищно-коммунальная система дома – вот это круто. Роботы сами моют коридоры, убирают мусор, ремонтируют, если что-то полетело. Роботов только правильно настрой, они будут поддерживать порядок и чистоту. А ты живи и трудись во благо науки и прогресса. А ведь прогресс и наука из тебя так и прёт, только успевай тару менять. Вот Оксана Айннет, не повезло бедной девушке с фамилией, лежит и спит, приговаривая вслух какие-то коды, каких-то временных линий.

Оксана Айннет в это время ощущала в себя странном лифте и долго не могла понять, как ей двигаться. Выйти из лифта, который почему-то начинается Хроноид, невозможно. Управляется лифт при помощи чипа в голове. Лифт рассчитан только на одну её, потому что тут одно только кресло. И пристёгнута она уже по уши. На голове шлем с экраном, так что вокруг – увидеть сложно. Лифт падает вниз, буквально мчится по временной генеральной линии. Картинка лифтовой шахты, т.е. генеральной временной линии со светящимися цифровыми кодами из трёхзначных чисел, с цифрами от нуля до трёх. Их трудно разглядеть на такой скорости, а ещё через несколько, шутка ли, лет получается какая-то петля: лифт мчится по окружности, т.е. сначала вбок, потом вверх, потом снова в бок и вниз. Т.е. пролетает через какой-то узел с петлёй. Сначала Оксана слышала скандалы матери с отцом, какой-то университет. И какая-то школа, где её пытались травить бронебойными лицемерными снарядами. А потом лифт вдруг остановился после истошных явных криков в пустой комнате. Это уже объективное пространство: крики были реальными, ведь спящая девушка действительно в комнате кричала и требовала карту временных этих потоков.

Хроноид стоял и стоял в шахте, по крайней мере, были такие поганые ощущения. Сознание, не спящее в такой ситуации не капли, хотя тело лежит в постели, видит чужую планету, чужое Солнце. Планета довольно-таки противная и гадкая, потому что везде всё взрывается и горит. Планета серо-чёрная, с оранжево-жёлтыми, а кое-где и красными выбросами. В голове у девушки стоить песня-считалочка: «в юном месяце апреле», а ассоциации с ядерными взрывами. Мысли бегут по кругу о том, что нужно сохранить ДНК

всех биологических видов, собрать их всех в бункере, да ещё записать кристаллическую решётку золотых слитков какую-то информацию об этой цивилизации». В это время огромная космическая станция в форме тороида вдруг как взорвалась и дробилась на мелкие части. Огромное чувство гордости, а скорее гордыни вдруг как вдарило в голову, прямо не по-детски. И какие противные ощущения, что ты вот человек с уникальными телепатическими способностями, предсказываешь будущее. Левитацию проходил в школе в первом классе. Есть вот, оказывается у тебя, как человека, рефлекс летать, т.е. силой мысли без всяких крыльев, преодолеть гравитацию. Можешь мыслей зажечь огонь. Так и зажёг, аж столько вулканов зажёг и так затянул всё небо серо-чёрной пеленой, что аж сам сдох. И главная мысль такая, вот эти самые с Запада такие гады, что их надо ядерной бомбой, а потом ещё какой-то придурок, видно по приказ такого же идиота, как и он сам, взял и притащил гравитационным лучом астероид и бомбанул. Ну, т.е. астероид упал и унёс в небытие всю хвалённую энергию ядра. Т.е. ядро планеты остановилось и застыло в ужасе. Планета заявила громко о своей смерти: гигантские волны цунами, с гигантскими ветрами, да ещё с ужасающими по всей планете землетрясениями. Сознание только знала такую кнопочку: экстренный подъём вверх. Вот и нажали пальцы эту кнопку. И лифт помчался вверх. Девушка резко проснулась:

— Что за идиотизм уничтожить собственную планету? Это название я на всю жизнь запомню: Фаэтон. Так его не может существовать. Масса астероидного пояса недостаточна для образования планеты, да орбита бы была не стабильной, да к тому же планета упала бы на Солнце. Хотя есть такая теория, что Фаэтон – это и есть Марс.

Девушка видела мир как-то по-другому. Вот не так, не то измерение. Три пространственные координаты те, а вот есть ещё какие-то другие координаты. Вот те другие не совпадают. Искривление здесь какое-то. В правду аномальная зона в этом доме. Подошла с трудом к зеркалу и видела себя со стороны со слезящимися глазами, главное не карими, а фиолетовыми. Ну, хрусталик яркий фиолетовый и один и второй. Оксана ощущала некоторое время вне себя, т.е. своего тела. Душа летала где-то по параллельной временной генеральной линии. Словно в её душе есть две временной генеральной линии. И в её жизни постоянно происходили события противоположные по смыслу и по результату в одно и то же время. Вроде как не биолог, а журналистка, вроде не Сергей её отец, а какой-то Вадим, вроде не в Полоцке она родилась, а в Талине или даже Хельсинки. И лицо не то. В этот момент ей хочется при взгляде из параллельного времени получить озарение и найти выход из проблем с нынешним отцом и сделать так, чтобы он пить бросил, а озарения нет, она вообще в биографии своей временно не ориентируется. Внутри голос из прошлого, мол, была такая религия, где чувство вдохновения должно достигаться за счёт каких-нибудь обрядов и духовных практик. А временная линия в форме лифтовой шахты так и не выходит из головы.

Потом девушка дала страшную истерику, бившись головой об пол, сидя на коленях. Развылась, что глаза не такие, как раньше, что по всяким линиям шастает, вместо того, чтобы быть как все. И глаза болят до ужаса. Видела она глазами страшное зрелище: она видела какие-то странные линии сероватых оттенков. Ей страшно выходить в коридор. Потому что она дверь только открыла, а там серый вихрь. Некая энергия серыми клочьями проносится мимо. Проходит человек и излучает эту серость. Минуточку, всё

тело человека светится каким-то странным свечением, маги это аурой называют. Эта серость и вызывает боль. Явно проблема в глазах и в мозге. Только об этом никому ни слова, а то дойдёт до медкомиссии и спишут, а возвращаться к пьяному отцу, от которого ты сбежала, ой жуть как не хочется. И нести за пьяницу ответственность. Надо самой разобраться, только сил духовных нет.

Семён возвращался как бы невзначай, потому что просто вдруг вспомнил, что что-то забыл. У него был сейчас такой прилив патриотизма:

— Здесь стоит великий город! Здесь будет такая великая марсианская цивилизация. Здесь будет не просто город-колония, а огромная вот такая территория, вот такая огромная колония на сотни километров вокруг! Будет куча всего здесь понастроено! Главное, что здесь тихо и спокойно. И живут здесь мирно и сербы, и хорваты, и боснийцы! Ага, тут они есть и живут мирно! И живут вместе поляки и белорусы! Вон соседи мои вместе живут! И скоро их свадьба! А то скандалят там все на Земле не по-детски, готовы глотку перегрызть, вот прямо все! А тут всё тихо, мирно и спокойно! Все работают во благо родины! Только кто-то вот мешает и орёт! Да и не только она одна, тут весь этаж орёт в истерике!

В таком состоянии Семён её и обнаружил, не понимая ничего и укладывая её на кровать, прилагая серьёзную силу, чтобы дотащить до этой самой кровати.

А истеричная девушка повторяла громогласно:

— Гады, сволочи, рептилоиды ушастые цивилизацию сгубили, аж ядро остановили!

— Причём тут рептилоиды? — вдруг не выдержал Семён, после того как уложил в постель Оксану, искренно не понимая своих чувств. Странные ощущения в голове: — Ты о каких рептилоидах говоришь?

— Э-э-э, хр, хроноид существует, такая уникальная машина времени в организме человека.

— И ты увидела рептилий.

— Нет, не только, — она молчала долго. Смотрела, как бы в чём-то сомневалась в глаза. Она сомневалась, залезла внутрь своего подсознания и боится просто говорить. Вообще боится общаться с людьми. Между ними двумя стоит стена толщиной в два метра. Эти два метра нужно пробить, чтобы просто сказать слово «привет».

— Так, ну дальше, — сказал Семён. Он с силой берёт себя под контроль, осознавая свою нездоровую эйфорию. Вот он сидел там, в стеклянной комнате и обсуждал, радовался, ему было хорошо и приятно осознавать, что все вместе, все понимают друг друга и взгляд на проблему практически один. Вот обсуждали они единую свою гаплогруппу, она так официально называется. Обсуждали свои единые гены, ощущали своё единое родство. А теперь все они столкнулись с единой проблемой. И Семён, как бы ещё не осознавая всю полноту проблемы, говорил медленно, ещё больше сомневаясь с каждым новым словом: — Тут мы обсуждали все единую нашу гаплогруппу R1a. Вот все мы имеем единого одного предка. И вот не только ты в таком состоянии, но всё наше жилое кольцо. И чтобы её решить, нужно просто объединить свои усилия, а для этого нужно просто друг другу сказать, что у него болит. Вот из тебя, как и из всех сейчас,

прёт вот эта гадость. А все молчат, оттого и выхода не видно. И мы его не увидим, если будем молчать. Так просто говори.

Девушка медленно успокаивалась, а образы сами собой проходили, просто медленнее, а значит страх не проходит окончательно, он просто уходит вглубь. Странно для девушки, но она начала говорить:

— У меня какое-то страшное убеждение того, что вот то, что я просто во сне увидела, является объективной реальностью в далёком прошлом. Вот есть же этот информационный мир, вот астрал, ну информационное поле. Я оттуда получила информацию.

— О, чего у вас дверь открыта? — спросил вдруг вошедший поляк, — сосед, у тебя я смотрю такая же проблема?

— Я видела то, как мчалась во временной генеральной линии на лифте, — отчего-то продолжала Айннет, хотя поляк уже доставал таблетки: — Потом неправильную дорогу выбрала и попала на Фаэтон.

— Ну, всё понятно, единая проблема для всех – Фаэтон. Сейчас всё это опять начнётся, мол, я в прошлой жизни погибла, была в войсках и несу ответственность. Вот у нас грех, приведший к смерти Фаэтона, т.е. Марса. А я так не могу смотреть, когда наши нормальные славянские люди вот берут и начинают себя корить за то, что не могли совершить не при каких обстоятельствах.

— Я где-то в глубине понимаю, что сон этот – фигня полная. Ну, чем понимают вот в таких случаях, духом, «высшим Я», а подсознание говорит, что ты виновна в той трагедии. И по животному ощущаешь, что ты там была и воевала, и ничего не сделала для того, чтобы спасти Фаэтон. По животному ощущаешь всю полноту ответственности, и начинает это животное во мне рассуждать, что в прошлом я была той душой, а потом воплотилась и несу ответственность за Фаэтон.

— Нет, сам сон – вообще фигня, — продолжал поляк, протягивая две таблетки мощного успокоительного, — а то, что ты орала, вот это проблема. Так что таблетку пить надо. Ну, ты же понимаешь, что сон надо регулировать. И чего-то мы стали плохо спать. Главное мне понравилось, как ты стала рассуждать. Мощное успокоительное, пей, так раз животное успокаивает. Осталось найти того, кто его на это спровоцировал.

— Но ведь этих эзотериков послушать, — Айннет уснула сладким сном тут же, не договорив фразу. Заснула как младенец. Поляк и Семён сами выпили таблетки, и пошли по своим комнатам.

Наступило прекрасное марсианское утро. Тихое спокойное марсианское утро. Оксана и Семён пришли на свою ферму. Ни капельки не отдохнувшие, а даже очень уставшие. Перед ними стоял декан биологического факультета Эдуард Щеглов с каким-то контейнером. Пара всё-таки стали обсуждать погибшую планету Фаэтон, и декану пришлось ввязаться в разговор:

— Уж не знаю, как там обстоит там дела с временными генеральными линиями, с этими узлами и петлями. Но если вот как вас, молодой человек….

— Семён, — помог сориентироваться молодой биолог. Он просто обсуждал славянские мифы с Оксаной, а тут сам декан появился. Семён сравнивал веретено, которое плетёт славянская богиня судьбы Макошь с теми ощущениями, которые были у

него и Оксаны в голове. Пытался физически объяснить этот эффект. Но ничего не получалось, слова путались и получалась ерунда, когда дело касалось именно физической или исторической части.

— Семён, ладно, хватит думать об этом, пусть лучше Макошь сама плетёт, нежели вы будете в узор лезть. А генеральные временные линии с узлами и петлями у тебя и твоей подруги в душе – вопрос не науки, а вопрос веры.   Научно вы никак не докажите, как по законам физики, так даже по законам биологии. Ведь объективно сложно это доказать.   Но кармические узлы есть, это вам психологи подтвердят, следовательно, и линии есть, а вот составить физическую формулу этой кармической линии со всеми узлами? Ну, господа, это невозможно умереть и воскреснуть, и чтобы всё запомнить. Единственная временная линия, которая в вас записана – это генетический код.   Он передаётся от ваших предков. Так что ваши сны в какой-то степени правдивы – вы слышите то, как путешествуете к своим предкам. Но полную карту может дать только ДНК-анализ. Я что хотел сказать, какие-то спецназовцы в секретном помещении обнаружили пришедшие с серой жижей семена, вот коробит это такое отношение к веществу неизвестного происхождение.   Вот семена в контейнере – берите и сажайте в землю. А потом посмотрим, что из них вырастит. Уж не знаю, как там на счёт марсианской цивилизации. Уж не знаю, существовал Фаэтон или нет, но жизнь на Марсе когда-то была. Семена были заморожены, потом всплыли, и Макошь принесла нам вот эти семена. Семена хорошие, должны взойти. Гены я проверяю, просто это долго. Я сам проверю.

Трудно описать выражение лиц молодых биологов. Сначала удивление, безумное удивление. Потом страх, что аж тяпка упала вместе с ведром. И вода из ведра стала выливаться. Хорошо, что там её на донышке было до падение. Сначала пара застыла от этого страха с удивлением. В голове стиральная машина запустилась: слова взяли и побежали внутрь барабана, и после того, как по заметному щелчку крышка закрылась, машина стала выжимать из слов и ощущений столько воды. Вот и вперемежку: Фаэтон, всемирный потом, Гиперборея, Атлантида, всякие Боги и духа, форма бестелесной цивилизации. Тут пристал в голову вулкан Олимп на этом Фаэтоне, который специально создали вот таким Фаэтонцы, пытаясь спасти каким-то странным способом. Сначала руки затряслись, что пришлось обоим сесть на скамью и полчаса успокаиваться. А причин для волнения, как бы и не, ведь генетические линии наследования – это они проходили и успешно, что такого волнительного сказал Щеглов? Непонятно.

— Хорошо, что воду уже почти израсходовали, — сказал декан.

— А? — не поняла Айннет, — так что получается, альтернативная теория как бы замещает в голове главенствующую теорию.

— Ну, главное, чтобы вы в себе всегда находили аргументы. Человек не может без логической системы в голове, без аргументов и фактов, а не только ощущений, без логических выводов никто не выживет, даже гегемон имеет какую-то свою логическую систему, пусть не совершенную, но систему. Одна система замещает другую. Такое всегда происходит в истории. Сначала планомерное развитие, а потом цикл завершается или как вы говорите петля, и начинается революция. Это неизбежно, — кандидат биологических наук Щеглов сам себя успокаивал, покачивая головой, сидя на корточках,

— это закон жизни. Главное ребята, душой не заболеть. Ладно, я пошёл, — декан встал и замер, — ребят, то, что семена здесь росли – это безусловный факт, а то, что была цивилизация под названием Фаэтон, и что они нас воспитали и даже создали – это бездоказательно. Повремените с философией и докажите, что семена к жизни приспособлены, да хотя бы узнайте, что это за фрукт. Может они принесут счастье для всего человечества, в смысле будут вкусные и целебные, и главное необходимые для здоровья.

— А временные линии всё же существуют, — сказала Оксана встала и стала сажать. Как обычно взяла семя и чуть не воткнула в землю, как вдруг раздался голос Семёна:

— Вот деревня! Оксана, ты чего?

— А что? — уже сонно спрашивает Оксана, еле-еле держась на ногах.

— Робот же есть, вот берёшь все семена, берёшь робота, высыпаешь семена прямо вот сюда, — у Семёна под ногами стоял робот уже с открытым боксом для семян. Это была голубая машина небольшого размера, похожая на прекрасный маленький трактор. Робот ездил и сеял эти семена. А пара села на скамью и неожиданно уснула. Так пара и жила несколько дней. Прямо на ферме. Не появлялась просто дома в своей квартире. Прямо там, на поле, на скамейке уснут, то в лаборатории. Даже не думали домой возвращаться. Снилось им все те же временные петли. Да и сон проникал в сознание и овладевал ими порой настолько неожиданно. Было странное ощущение времени, точнее, его вообще не было. Были сложные и схожие ментальные галлюцинации, будто кто-то просто-напросто берёт и транслирует кино прямо в голову, фильм катастрофу. Лифт постоянно носится по временному лабиринту, то вверх, то вниз, то в стороны. Полная уверенность в том, что существовала, нет, даже существует и по ныне целое государство Хронофилия. Люди верят в то, что их народ пришёл из будущего, или пришли в своё будущее, из которого зачем-то ушли вниз. Т.е. и хронофилийцы совершали сложные временные петли. Аж, целый народ взял и устроил турпоход в прошлое, а потом вернулись. Ой, сколько раз так было. Ой, сколько раз их внутренняя машина времени, т.е. внутри мозга, тот самый хроноид устраивал такие путешествие. Народ был с сияющими жёлтыми глазами и чёрными волосами, угловатыми лицами и очень высокого роста. Слишком много всяких сложных слов со словом «хроно». Построить карту не получается, ведь было понятно, что координаты какие-то странные. Просто одной временной координатой описать время получается нельзя. Вот нельзя и всё тут. При использовании одной временной координаты получается прямая линия в любом случае и петли не видно. То проснутся они, то уснут. Так прошло две недели странной болезни, когда время вообще не ощущается.

Как цветы росли – им самим вообще непонятно. Само устройство фермы было следующим: было много замкнутых залов, как говорят сами космонавты – полей. Отчего, так космонавты говорят — не понятно, видимо, так говорили из ностальгии по Земле, да и размеры зала поражают. Площадь этого зала – пятьсот квадратных метров, т.е. пять соток. Есть где разгуляться. Так это ещё малый зал, есть залы по десять соток. Там всё засажено для обеспечения продовольствием горожан. Осталось только пять малых залов для экспериментов. Везде замкнутые экосистемы. Эти малые залы – резерв, их использовать можно только в случае необходимых масштабных экспериментов, или в

случае кризисов. За две недели выросли небольшие цветы. Огуречные листы располагались практически все в одной плоскости, ещё и по кругу. Из центра круга растёт стебель, на котором завязи будущих цветочков. А чего им не расти? Ведь каждую ночь льёт дождь, причём именно проливной, льёт как из ведра каждую ночь. А днём светит искусственное солнце и довольно-таки ярко. Все залы, как большие, так и малые создают и автоматический полив, искусственное автоматическое освещение. Сюда специально завезли грунт. Грунт подбирали специально, уже смешали с удобрениями и перегноем, Полметра грунта насыпали сюда специально, чтобы растения чувствовали себя комфортно и свободно. Вода так и стоит на пяти сотках, хотя от такой жары она и испаряется. Влажность стала повышенной. И это только на руку этим цветам. Они быстро стали расти, и вымахали за две недели до чуть ли не сорока сантиметров высоту и столько же сантиметров в ширину, т.е. листья были вот такие огромные и стебель был такой здоровый и толстоватый. Хорошо, что посадили их заранее свободно и редко на протяжении всего поля, так что растения комфортно себя чувствуют.

Две недели пара жила каким-то непонятным виртуальным прошлым и философствовала над вопросом о природе времени. Разрешить проблему временных деревьев, которые они, безусловно, видели. Видели в поганых снах эти временные линии каждую ночь. Каждое утро пили мощные таблетки. Весь день ходили слабыми. Только диву давались, как скакало время на квантовых часах. У себя на квартире, исследуя вплотную гелиону, рассуждали о целях эксперимента. Да и цель эксперимента под названием Циолковский – построить такой тип экосистемы, построить такой город, где люди и не только они могут жить в ней в течение десяти лет и более. Выяснить нужно уже до конца, можно ли заселить Марс и другие планеты и начать экспансию на другие планеты, или нет. Не такой это рискованный эксперимент, как считалось ранее. Ведь много чего уже до этого было известно. На месте города Циолковский находилась космическая станция. Цель эксперимента – создание нового человека, новой экосистемы. А также освоение ресурсов планеты, в том числе плутония, на котором страна может обогатиться и стать мировой державой номер один. Так что стратегически необходимо, чтобы эксперимент удался.

В двадцать третьем веке стоит острая необходимость о заселении других планет. Ресурсов не хватает. Необходимо же ресурсы получать, т.е. ядерное топливо для множества электростанций по всей планете. Особые кристаллы для электронной промышленности. Особые руды для космической промышленности. Да много чего здесь на Марсе интересного для потребления. Весь Марс можно потребить. И этот эксперимент завершить? Да никто это просто не поймёт! Это немыслимо! Это же сотни миллиардов долларов! Они сейчас весят в воздухе и ждут разрешения построить на Марсе предприятия по добыче и переработке всевозможных руд! А тут из-за какой-то эпидемии взять и выкинуть их в ту самую сеть пещер!

Глава 3.

В прекрасном строящемся городе Циолковский, где каждый должен быть при деле, сам мэр лежал. Лежал на кровати, пыхтя и воя от какой-то боли. Все административные ресурсы внутри его тела куда-то делись. Огромный в два метра роста мужчина лежит на кровати и не может поднять ни руку, ни ногу, даже повернуться на бок не может. Странный приступ паралича одолел его. Мускулистый Василий Богданович, мэр строящегося города Циолковский, испытывал паралич вместе с приступом лени. Дикие странные ощущения в голове, уже вероятно галлюцинации начались прямо здесь и сейчас. Мэр так испугался этой нервной дрожи тела, когда по всем нервам Василия Богдановича шло колоссальное напряжение, словно подключили его тело к уже действующему первому блоку атомной электростанции. И по нервам тысячи вольт так и идут туда-сюда, вызывая короткое замыкание. Оттого и жуткий жар во всём теле, и странное сильное головокружение. Всё пространство начинает быстро вращаться по часовой стрелке. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, словно ты падаешь в воронку. Жутко болят глаза, да ещё какую-то хрень показывают. А именно серовато-чёрная взвесь вокруг крепкого мужчины. Она вращается и образует ту самую воронку. В голове же слышны отчётливо чьи-то голоса. Мэр понимает, что это и есть коллективное сознание. Были слышны отдельные фразы и предложения разных людей. Хоть мэр лежал в своём кабинете, отдельно от жилого кольца, он слышал всё, что там происходило. Какая-то пьянка строителей с классной мужской дракой, полной патриотизма и шпиономанией. Диалог каких-то физиков о том, как нужно взять и корректировать время, чтобы материализовать образы в сознании, чтобы они были реальны и смогли…. Что смогли, куда смогли, серая взвесь сместилась и теперь слышны уже какие-то порталы временные. Чёткая система чужих голосов как-то вдруг установилась в сознании мэра, и вместо того, чтобы как-то что-то сделать, преодолеть себя, да хотя бы нажать на кнопку вызова врача, мэр начинает в этих чересчур реальных голосах толпы. Это была какая-то песня, чересчур матерная, да и как обычно бывает бессмысленная. Да, эстрада наша больше всех деградировала. То рыцарь в куплете, то волхв, то какая-то крепость. Но это ещё ладно, но дальше вообще пошли числа рифмоваться без пояснений: 820, 1189, 1410, 1254, 900, 740, 1777, 1812, 90,43, 1945, 2014, 450. Вот такая последовательность чисел напоминает странный шифр, и что его разгадывать. Всему виной амбиции управлять этим вихрем. Раз ты видишь это всё явление природы, в принципе, человеческой. Ну, люди перешли в вихревое серовато-чёрное образование, вполне себе материальное, то надо их расколдовать. Это даже долг, вполне себе нормальный долг администратора. Ощущение того, что сотни душ космонавтов из Циолковского и не только внутри этого вихря серовато-чёрного газа, было настолько реальным и казалось настолько адекватным, что даже пошла теория о том, что это особенная форма материи. Нервное напряжение давало эффект того, что что-то материальное и наэлектризованное касалось его. Неожиданно, прямо в комнате Василия Богдановича всё укутал серый мрак. Это определённо реально. Огромный небоскрёб в сто двадцать этажей, в котором Богданович находится. За окном превосходный мегаполис. Стоит глубокая ночь и чёткий образ спутника Марса Европы стоит перед глазами. Эффект того, что он, мэр города из 2222-го года Василий

Богданович, преодолел время и шагнул за горизонт событий, не покидало его. Он даже речь толкнул в таком состоянии:

– Товарищи, я на себе ощутил материальное время. Я на себе ощутил хрономатерию. И я вам скажу, что нужно в нашем городе в лаборатории физики времени и пространства воссоздать хрономатерию. Нужно отправить в будущее, пусть параллельное, но всё-таки будущее человека. Даёшь хрононавтику как науку путешествия во времени. Мы можем прокладывать связи между параллельными мирами и отсекать события из будущего, которые могут реализоваться. Отсекать, конечно, негативные события, и присоединять позитивные события к нашему объективно существующему мировому дереву Иве из параллельного мира. Многие скептики скажут, что это бред. Но почему бы на территории Марса, бывшего Фаэтона, не создать целую автономную область, нет лучше Циолковскую республику, входящую в состав Славянского союза. Да что я говорю, – так и слышалась последняя фраза в голове. С этого момента появилась и повторялась в сознании, возвращая с небес на Марс реальный, но под действием вихря, который был уже в подсознании, опьяневший от воображения Василий Богданович, стал говорить дальше: – Мы сможем, это я как президент Циолковской республики говорю, да что я говорю, мы будем за свой счёт, ибо Земля не позволит. За свой счёт пригоним спутник Юпитера Европу, и гравитация сделает всё сама. Она возьмёт и начнёт разогревать почти мёртвое ядро. На квантовом уровне уже при подлёте бывшего спутника Юпитера к Марсу, гравитация Европы начнёт там внутри Марса вызывать ядерные реакции распад атомов. Довольно быстро появится жидкая мантия. Конечно, дремлющие в недрах Марса вирусы под ледяной сферой Марса, уже на первых этапах проснуться, и начнут разрушать наши организмы. Но мы знаем, что есть способы преодолеть любые атаки вирусов – это мгновенная эволюция. Конечно, те вирусы, которые дремлют в озёрах под ледяной коркой, они выйдут на поверхность. Как говорят эксперты, ледяная корка начнёт превращаться в воду. Грунтовая вода начнёт проявляться на поверхности. И у нас будет превосходная атмосфера. Конечно, процессы формирования атмосферы вызовут биологическую эволюцию тех самых вирусов, а эти процессы не так уж ясны. Но мы справимся. Да что я говорю, раскрутка ядра приведёт к сейсмическому бунту, а так же к образованию литосферных плит и вулканической активности, но у нас есть теория гравитационной коррекции. И мы справимся. Так что мы сможем построить планету! Будет новая специальность – строитель планеты! Мы будем выращивать продовольствие прямо в грунте, прямо под открытым небом. Купол вообще не будет нужен. Мы построим множество городов. Мы пустим по древним руслам, возникнут новые озёра. Мы сотворим аж целый океан воды. Будет жутко красиво. Я воображаю этот процесс. Всюду будет жизнь. На нашем русском континенте будет целые джунгли, прекрасные джунгли. Здесь будет мощная биосфера. Одни виды мы сами завезём, а другие возникнут сами собой в ходе эволюции первичных бактерий, восставших из глубины марсианской коры. Мы сможем, да что у меня с кристалликом в глазу, полностью изменить природу Марса, но и при этом мы должны сами эволюционировать, иначе вирусы нас убьют. Да здравствует ….

Последние фразы он говорил по инерции и потом уснул. Можно считать это защитной реакции организма. Столько нервной боли испытывать организм долго не в

состоянии. Какая-то бактерия поселилась в теле Богдановича и вызвала скачок напряжения в нейронной цепи. Бактерия в буквальном смысле начала жрать нейроны. И мозг решил уснуть, может уснуть навсегда. Когда воля начинает так воображать будущий Марс, когда воля стремится фантазировать грандиозное строительство, то организм начинает засыпать.

Какой-то особенный мозговой центр был задет, он перестал работать. Тот самый мозговой центр, который поддерживает резонанс во всей нервной системе.

Дверь в кабинет мэра открылась, тихо и спокойно монах вошёл в комнату и стал спокойно смотреть на умирающего градоначальника. Резко чувство паники вдруг охватило его, и он понял, что рациональности в администрации, в которую он с трудом пробрался, не найти. «И зачем я только сюда пришёл? – спрашивал сам себя отец Георгий, – ведь нет уже никого тут нормального. Этот человек уже умирает. А медик то же болен. Это не планета Земля, где помощь может прийти с другого города. Тут же бы выслали гуманитарную помощь, прислали специалиста и решили бы проблему. Как же тебе помочь, страждущий. А хочешь ли ты помощи. Я проделал долгий путь, чтобы попасть сюда. Я слышал голос в голове, ведущий меня сюда. Что хотел сказать Бог, если человек умирает, а я никак не могу помочь, только молитвой. Но это глупо. Только у Бога нет других рук, кроме моих. Так я должен взять гравитационную энергию. Я мысленно вижу болезнь. Вот беру, – он, так рассуждая, касается ладонью головы, другую руку держит вверху как антенну и продолжает рассуждать: – я концентрирую в руках гравитационную энергию и пропускаю сквозь себя. Всё тело становится резонатором. Я ощущаю, как к моей руке коснулась что-то. Такое тёплое, это явно сам Христос. Я узнаю его. Я не могу его воскресить, а Иисус Христос может. Я провожу гравитацию всего-то на квантовом уровне, а такая дрожь внутри. Что это такое? Как это описать словами, у меня и слов таких нет? Воистину, есть другой язык и надо на него перейти. У Разумной Вселенной есть особый язык – гравитационный язык. Я просто провожу через себя гравитационную речь, и она трясёт клетки в мозгу у мэра. Возникают ощутимые, ну надо же, вибрации. Такие незначительные колебания. Гравитационные эти колебания сопоставимы с диаметром атома. И я эти колебания слышу. Нет, это волнение от Василия Фёдоровича исходит. Он боится себя самого. Я слышу его предка, который давным-давно убил свою мать и страдал шизофренией. Нет, прошлые жизни это как-то не то. Ведь шизофреника нельзя пускать сюда. Я медкомиссии доверяю. Я вижу, как гравитационные колебания в этом участке мозга аккумулируются и начинают сами восстанавливать организм. Сколько дохнет бактерий. Тихо, спокойно, главное смирение и спокойствие духа».

Мужчина, лежавший на кровати, проснулся. Тихо спокойно дышал. Лёгкое волнение и головокружение. Но никакого того сильного напряжения. Тело спокойно двигается, но вставать не хочется. Грань между сном и реальностью ещё не стёрта, и Богданович воспринимал монаха так, будто и он сам, и монах на том свете. Будто это всё другая реальность. Белый ореол как символ чистоты сиял вокруг монаха, который почему-то одну руку он держал на лбу, а другую поднятую вверх. Причём над понятым вверх указательным пальцем мужчина видел белую воронку, будто вокруг него всего опять какая-то странная форма материи. И вот если приводить метафоры, то выходит, что

вся комната заполнена жидкостью, и она стекает по воронке в палец и проникает через тело монаха в мозг. От таких метафор голова, вместо того, чтобы заболеть с оглушительной силой, вопреки всем законам стала проходить. Странные ощущения того, что он в раю не покидало его, а он всё не понимал, за что он попал в рай. Только что во сне он видел свою биографию в форме ленты, где было множество грехов, а тут он в раю. И в раю администрация рая издевается, показывая вот эту воронку. Или это не рай? Может это ад и сейчас белая чистая энергия воронки возьмёт да долбанёт? Отчего-то вспомнилась таблица Менделеева, и что он так и не открыл новый химический элемент. Так ладно, можно свои элементы здесь открыть. Особенное состояние материи уже и так видно.

Невероятной красоты белое существо стояло перед кроватью. Стояла перед кроватью Ангел. Женщина сорока лет с крыльями. Лицо с лёгкими морщинами, превосходные жёлтые волосы, завязанные в косу. Всё тело сбалансировано и прекрасно. Умеренная грудь в соответствии с высоким ростом. Прекрасная талия и элегантные бёдра. Чувствуются наличие мускул. Белоснежная одежда и вовсе не старинная, а последней моды. Высшая сила, как ей и положено, сверкала. Она держала в руках какие-то бумаги. Какие-то бумаги приходилось подписывать. Запоминались не они. Так какие-то аттестационные ведомости и курсовые проекты. Оценки Богданович тут же забыл, только вертелась словосочетание: «Божественная Школа Жизни. Галактика: Млечный путь. Сектор R. Эра: Космическая Межпланетная». Отчего-то фиолетовые глаза ему мешали. Они бросались в глаза и вызывали уверенность, что и с его глазами, пожалуй, всё в порядке. Куча всяких документов, ещё какие-то направления на исследования. Такие фиолетовые маленькие документы с печатями и подписями, ценными указаниями. Только теперь что-то перемкнуло в голове, когда мэр города Циолковский Василий Богданович прочитал графу ориентир в одной из них:

– Древний временной портал и машина времени. Кристаллы с цифровой информацией. ДНК-архив. Хрономатерия. Далее что, минуточку, какой ДНК-архив, а дальше направления: Эпидемия, ну это как хештеги в соц. сети, бунт. Мумия, гаплогруппа FR1. Параллельный исторический поток, чего?

Длилось всё это преставление несколько минут, а Богдановичу казалось, что прошёл аж час. Сонливость при чтении направлений куда-то попало. Осталось ощущение, что эти бумажки есть как бы генетические программы, особенные коды для ориентации человеческой души во времени. Ангел сейчас размещала что-то наподобие флажков на ленте времени, как ориентиры. Дальше уже в направлениях он видел своё далёкое будущее, где был жених его дочери и превосходную свадьбу. Значит его дочь, больная жутким каким-то заболеванием, и на которую уходят все деньги, выздоровеет и выйдет замуж, если только он сейчас не сломается. И полноценный город тоже возможен, уже флажок выставлен, если он сейчас сможет побороть эпидемию.

– Минуточку, так я не в раю? – спросил Богданович, приходя в себя.

– Нет, но чуть туда не попали, – ответил отец Георгий.

– А что за воронку в пальце вы устроили или это галлюцинации? Что говорит наш Господь Иисус Христос по этому поводу?

– Воронка была настоящая, и самая гравитационная. Есть у Бога свой язык, гравитационный. Я ему помолился, и он гравитацией на микроуровне стал вас лечить. Только через меня эта гравитационная речь прошла, так что я пойду и отдохну.

– Так минуточку, только на один вопрос ответьте: что за фиолетовые глаза у меня, что это такое? Это негативное решение эволюции или позитивное? Ну, ясно, что это мутация, а хороша ли она?

– У вас глаза таковы должны быть, чтобы выжить в марсианских условиях. Т.е. вы бы иначе погибли бы. Так говорит Природа. Вы должны привыкнуть к своим красивым фиолетовым глазам – это новая ветвь в эволюции. И дело не только в фиолетовой радужке, а ещё в особой гравитационной линзе, которая на квантовом уровне видит особые живые поля. Вы видите живую энергию природы. И к этому нужно привыкнуть. Эта живая энергия может гипнотизировать и ваш мозг должен и сможет выработать защиту против этого. Но с Божьей помощью у нас сейчас это получилось и потом получиться.

– А что за воронка?

– Это ещё мало изученное явление природы, невидимой обычным глазом живой энергии. Ну, это воронка пси-энергии. Вы видите проявление человеческой психики на квантовом уровне. Эта линза улавливает определённые частицы. Эти частицы настолько необычные, что мы долго будем открывать эти пси-частицы, но наверняка это гравитационные частицы. Сама гравитационной линза имеет кое-какие нити, словно паутинки. Вот как в антенне мобильной связи есть фрактал, огромный фрактал, который улавливает волны особой частоты. А как бы это объяснить? Есть же такая антенна у вас в глазах, вот такой фрактал, улавливающий такое излучение. Не знаю, – отец Георгий, уже осознавая свою речь, стал сомневаться: – конечно, глаза надо проверить. Офтальмолог должен увидеть эту гравитационную линзу. Врачи это чётко определят. А пси-частицы то же надо открыть. А на синхрофазотроне это сложно. Вообще доказать это всё надо логически и материально, при помощи микроскопов, других устройств. А так надо взять и материально подтвердить, но какой же извилистый сложный путь, узкий через горы недоверия, непонимания и сомнений, а также болезненных приступов. И без веры во Христа нечего не выйдет. Вера – это навигационный сигнал той свечи, светящейся в руках Господа нашего.

– Получается, что это Господь, – вдруг сказал собеседник, почесав затылок. Потом встал и пожал руку.

На иконе изображена Богоматерь с младенцем на руках, на фоне тёмного синего неба с несколькими звёздами. Та самая икона доселе неизвестного мастера. Мэр коллекционировал иконы, и вот одну, очень красивую и реалистическую. Яркие краски, такие естественные и живые. Вдруг мэр увидел, видно эти нити-уловители гравитации всё-таки чересчур сильно работают, увидел, как гравитационная энергия Бога из какой-то дыры в потолке проникает на икону непонятным светом. Если бы это был ультрафиолет, как вдруг подумалось ещё перед приступом Богдановичу, но нет, это было нечто другое. Обычный ультрафиолет не подходит. Техническое излучение мэр не видел. Именно пси-излучение видно. И видно настраивать глаза надо, чтобы не видеть странную картину снисхождения кроваво-багровой жидкости. Тонкая струйка сюрреалистично попало на

икону мастера Трубецкого. Трубецкой уже стал знаменит, когда Богданович просто заявил о том, что взял именно его икону. До этого его никто не знал. Теперь от заказов у него нет отбоя, а теперь, когда икона стала мироточивой, всё станет ещё лучше. Потребительское чувство, противное такое чувство, греховное, которое всегда преследует мэра по жизни и добивается своего, смешивалось ещё, Бог знает с чем. Чувство стыда, да ещё чувство ужаса и страха. Поджилки трясутся, а душа щебечет: Отдай просто так. Тело вообще начинает само идти к иконе. А руки уже по инерции отдали икону с какими-то капельками. Голос сам тоже говорил по инерции и что-то уже самим мэром не слышимое.

Изумлённый монах выбежал на крыльях из кабинета. Отец Георгий забыл уже о том, что он хотел сказать и какой план спасения предложить. Тем более что мэр сам уже давал ценные указания, созвать через полчаса совещание.

Богданович во время этого совещания вещал какую-то уверенность, хоть по ощущениям он испытывал чувство автопилота. Быстро анализировал, быстро давал указания и быстро что-то говорил. Всюду было это «что-то». Словно кто-то внутри него поселился и говорил вместо него, а он сам ленился, бился в душе в истерике. Ему казалось, что он сейчас лежит на кровати и спит. Да именно спит. Спит вон там в кабинете. А может он вообще умер и уже в раю пытается доиграть ситуацию до победного конца.

Автоматика говорила одно, как сам пояснял Богданович. Руки сами действовали на уровне какой-то цифровой автоматической системы что ли. Ну как этот автопилот иначе объяснить.

Чувство времени, которым он когда-то гордился, вдруг пропало. Даже дочка его была уже на периферии сознания, а в центре его безумное желание попасть в ту дыру под потолком. И поговорить серьёзно и без протокола с Ангелом. Та женщина с крыльями, у которой с пропорциями всё в порядке, просто давала как какой-то чиновник ей бумаги и принимала от него же бумаги. А безумец Богданович полагал, что он умер и что это подготовка к страшному суду. Его поражало, что страшного суда до сих пор нет.

Когда уже совещание подошло к концу, и надо было просто подождать, пока все уйдут, резкая боль вдруг поступила к сердцу, и тело, до сих пор нормально функционирующее, вдруг дало знак: «Я вообще-то живое». Живая острая боль в сердце и голове привело мэра в чувства, но пока все не ушли по своим делам, выполнять его указания, мэр не упал на пол. А потом резко и неожиданно рухнул.

Секретарь вдруг вбежала, и стала его откачивать как-то. Но всё не помогало. Точнее препараты попали в желудок и стали там растворяться, но на это нужно время. Мэр понял, что он не труп, когда, во-первых, Ангел пропала, а во-вторых когда неожиданно шприц вошёл в вену.

Какие-то медики уже стояли рядом с ним. Он неуклюже встал, и уже эффекта автоматики не было. Испуганная секретарша стояла и дрожала. Она была и сама специалистом по выживаемости, но и та была под сомнениями. Да и все в этот момент сомневались буквально во всём. Говорить о главном никто не решался.

– Он же крепко держался, – говорила секретарша дрожащим писклявым голосом, – А тут упал. Я не знаю, что делать.

– Как было совещание? Я на Марсе, я не в раю? – вдруг спросил Богданович так искренно и даже наивно, с такой лёгкостью сорвались скандальные фразы: – Автоматика выдержала и дала ценные указания. Я же душой летал в другом месте. Ой, что глаза со мной делают.

Врачи и секретарь с изумлением смотрели друг на друга, на мэра. И поражались тому, что все видят существо с крыльями, дающее какие-то бумажки. Врач сам себе сделал укол того же средства, но вдруг мэр сказал:

– Это всё глаза наши фиолетовые. Новый эволюционный скачок, мать его! Просто верить надо. А я не могу, не могу как отец Георгий просто верить, да пусть нас всех, всех граждан города Циолковский Бог берёт за шкирку и ведёт к спасению. Где этот начальник грёбанных спецслужб?

– Он от вас так вышел, с таким, – секретарша уже нормальным голосом сказала, а на последнем слове сделала большую паузу, а потом добавила: – настроением.

– Что? – не понял этого мэр.

– Ну, готов был уже сейчас полгорода отправить на Землю.

– Если надо, то весь город надо отправить на Землю, а всё здесь законсервировать. Жизнь дороже миллиарда долларов! – крикнул последнюю фразу и схватился за сердце: – И именно поэтому мне сегодня так плохо, чуть не умер.

Глава 4.

– Андрей Баталов, ты берёшь своих бойцов и отправляешься в шахту, в самый низ, где грязную воду добыли. Да Баталов, ведь проверка показала, что вирусы в воде, вызывающие панику в городе. Так что ваша задача спуститься в ту пещеру и конкретно, как первоклассные спецы берёте и исследуете. Каждый квадратный сантиметр пещеры. Всё необычное, выделяющееся и непонятное, а уж тем более опасное. У вас будут специальные приборы. Связь будут держать с вами постоянно. Скафандры не открывать, хотя, что я говорю. А всех своих ощущения и догадках вы мне же и будете докладывать, обо всех ваших теориях и гипотезах. Считайте, что я сканирую ваше сознание. Я буду всё слышать, я буду вами руководить. Вы можете обнаружить всё, что угодно. Странные пещеры из ниоткуда в никуда. И вам надо будет их проверить. Там может быть всё, что угодно. Вплоть до черепов и костей человека, остатков папоротников или медведей. Увидеть какую-то странную технику, точнее её остатки. Там точно есть дальше проход, хоть никто дальше и не рыл. Там есть какие-то ходы. Конечно, то, что марсианская цивилизация когда-то существовала, является скорее лишь осознанным предположением. Что вот там мы найдём погибший город. Ну, так это, эх. Скорее инопланетяне над вами поставят эксперименты, нежели вы обнаружите там скелеты людей, или даже мумии. Нет, но имейте в виду, что обнаружить на Марсе можно всё, что угодно. Это неизвестная планета. Вот Землю мы знаем. А вот Марс мы не знаем вообще.

Андрей вместе со своими десятью бойцами слушали внимательно приказ начальника и понимали, что тут что-то не так и все подробности им не скажут, а вернее даже, что они их сами не знают.

Пройти до величественной башни, расположенной возле улицы фантастов. Эта улица начинается с площади Фантастов и идёт вдоль самого кремля. Там расположены здания почты, здание библиотеки, здание дома культуры и творчества. Это самые популярные места в городе Циолковский. Книги здесь читают и берут постоянно, в том числе и бумажные. Почту отправляют постоянно. Причём слишком много почты отправляют. Пытаются удержать связь с родными. Шлют именно почему-то бумажные письма. Хотя есть интернет связь, есть телефон, но пишут на бумаге, чтобы космические корабли фотонолёты, т.е. на фотонной тяге раз в неделю привезли на Землю посылочку или письмецо.

Электробус едет по этой улице. Здесь автобусов большинство. Андрей ехал в спецтранспорте и ощущал всю полноту ответственности вперемешку со страхом. Вот страх нахлынул уже сейчас. Это враньё, что вот такие специальные бойцы, повидавшие многое, не испытывают страха. И это враньё, что они всегда полны смелости и решительности. Есть люди реально бесстрашные. Вот они инвалиды. Они ничего не соображают и идут на красный свет перед мчащейся машиной. И их не остановить! У них нет внутреннего барьера, т.е. страха. Они и погибают быстро, даже если опекуны их постоянно ведут по улице и по жизни. Спецназ ощущает такие страхи, которые обычным людям порой и не снятся, просто у них есть просто-напросто ещё и другие чувства, которые страх перевешивают. Страшно бойцу не умереть. Смерть для него, как бы это не звучало парадоксально, не предел. Он убеждён, что у его воли, в каком-то смысле, нет

пределов. Вот он сам умрёт, но вот его воля воплотиться вновь, как гласят все мировые религии. Страшна эта неизвестность. Сначала были мысли именно о том, что никто не знает, что в этих пещерах. Но есть и другие чувства. И перевешивает именно чувство долга. Ты обязан и всё. Чувство ответственности не только за свою жизнь, но за жизнь минимум тысячи человек. Вот это ощущение ответственности в сознании, в голове, прямо в мозгу чувство долга. Воспитан так с детства быть должным государству и народу, вот и быстро отвага просыпается и смелость, что ты не за себя, а за других. И не только спасёшь каких-то там чиновников и богатых буржуев, а вот простых и немощных, просто слабых и больных людей. А больных людей в городе множество. Многие заболели если не все. И они на учёте у врача. И их нужно спасти. Каждое действие бойцов Андрея, по идее, и должно вести к спасению. Да и нужно, в конце концов, обследовать шахты.

Андрей появился в башне Первопроходцев, как и все его бойцы вместе с начальством. Бойцы стали одевать яркие белые скафандры. Всё проверяли, ну, с такой педантичностью. Каждый клапан, каждый рычажок, всё буквально проверялось и простукивалось. Потом десять человек спустились в лифт. Дверь закрылась. Кислород из кабины весь вышел. И лифт помчался вниз. Вот тут прислушиваются бойцы ко всему. Слышно, как звенит трос, как спускается лифт. И в остальном тишина. Спускались довольно таки быстро. Двери открылись и бойцы вышли. Открыли тугую дверь, вошли в тоннель, закончившейся трещиной. Та самая серая жижа куда-то исчезла, словно испарилась или вытекла через какие-то щели. С лёгкостью десять бойцов спустились в этот обвал. Пошли дальше вниз. И действительно широкая и длинная, уходящая в глубину пещера со слоистыми породами коричневого, фиолетового и красного цветов. Здесь уникальные породы. Таких пород больше нет негде и быть не может. Эти породы могут принести столько прибыли. С остановками для взятия проб и передышки спецотряд идёт дальше.

Они шли прямо под городом, потом повернули и пошли перпендикулярно, а затем ещё развернулись. Пещера петляла и шла в глубину, а потом, когда уже относительно города они оказались за кремлём, когда были обнаружены следы проходческих своих машин и уже созданную вертикальную шахту для дальнейшей добычи, тогда и настал шок. Потому что пещера не кончалась, а уходила в глубину ещё и ещё, а к тому же разветвлялась на множество тоннелей. Появился огромный лабиринт. Они шли буквально наугад по всем этим тоннелям.

Вдруг появилась светящаяся фигура. Было понятно, что это призрак. Призрак девушки в белом странном наряде манил и гипнотизировал. Чёрные роскошные пряди волос до плеч, удлинённый череп, жёлтые глаза и стройный силуэт манил к себе, а потом откровенно побежал. Связь отключилась. Запаса воздуха ещё на шесть с половиной часов. И можно в принципе побегать по лабиринту за девушкой, которая была сексуальной и эротичной, да к тому же её эвакуировать надо. Как она может быть здесь без скафандра. Воздух ядовит и здесь какой-то газ, скорее всего метан или что-то похожее на него. Ещё тут холодно. Ещё тут просто слишком много тоннелей и заблудиться здесь просто-напросто проще всего. А тут ещё мозг отключился. В смысле логическое мышление напрочь отсутствует. И бегут десять человек непонятно куда. Да такой прытью, что дух захватывает. И вопрос один в голове: а что я делаю? Но делают это:

бегут в непонятном направлении при отсутствующей связи за призраком. Это просто игра света и тени. Может быть даже всеобщие галлюцинации. Может быть, но какое это имеет теперь значение, если они увидели какой-то череп в стене тоннеля, когда светящаяся девушка соизволила остановиться и представиться, т.е. зазвучал её голос, аж динамики услышали, и связь резко включилась:

– Мы здесь родились. Мы здесь жили. Мы здесь погибли. Нас здесь бросили за грехи наши. Отпустите нас.

– Отпускаю вас, – сначала сказал Андрей, потом уже стал думать, потом мысленно прочитал молитву. Просто так сказал, в шутку, не веря в существования чего-то подобного. Просто так, чтобы в себя прейти и двигаться дальше.

Девушка расхохоталась, крикнув слово «спасибо» растворилась в воздухе. А бойцы вдруг резко спросили, ну наконец-то:

– Что это было? Где мы? Как сюда попали? Сколько времени прошло?

– Прошёл час. У вас кислорода на пять часов, – ответил знакомый голос. Ну, теперь можно снять с себя волнения и осмотреться.

– Череп тоже видите? – спросил Андрей.

Вечно спокойный голос говорит:

– Вижу, доставайте его. Это не галлюцинации. Я и призрака видел. Так, давай без раздумий лишних. Там я увидел кости на полу.

– Вижу тоже, так я не могу без рефлексии. Значит, дух умершей цивилизации нам сообщил, где их искать. Это факт первый.

– Ну, в принципе да.

Бойцы пока молчали, но напряжённо думали. Попросту боялись, даже не зная чего больше: себя или окружающего пространства. Андрей рассуждал дальше:

– Второй факт: марсианская цивилизация была и погибла. Третий факт: явно отсюда идут вирусы. Ах, вот почему датчики пиликает, уже заколебал. Ёж, твою медь, сначала говорю, потом думаю.

– Командир, что делать? Если мы не будем что-то делать, мы с ума сойдём, – сказал Кирилл, один из бойцов.

– М-да, – сказал другой боец, – значит, они все погибли. Или вот породили нас. Ладно, мы конечно не археологи, но будем реально тут раскопки проводить.

– Не хватало, чтобы тут ещё археологи были, – сказал Андрей, – Так Кирюха бери и доставай всех погибших. Так что там дальше. Итак, вот я вижу тут, О боже, вот вы посмотрите все на этот кусок льда. Он просто вот захватывает.

– Значит, здесь раньше была поверхность, я так понимаю, – сказал Кирюха, повернулся, чуть не упал, а присел на корточки с мужественным видом на лице и с отвагой в глазах, т.е. внутри: – Так, это уже мумия. Ну, оттуда вирусы и идут.

Это был реально мужчина в куске люда, они стоял, держа в руке какой-то излучатель. На нём была чёрная одежда. Явно были знаки отличия даже: на плечах маленькие белые звёздочки. Сохранилось почти всё. Даже русые волосы, кожа, даже эмоции на лице можно было легко прочесть. Это был и страх, и смирение со своей участью. Именно смирение, было, может быть даже главенствующим. Однако сама кожа была, как бы, не цельная, а состоящая из хрупких кусков, между которыми нелепые

трещинки. Запомнились тусклые глаза, цвет их трудно различим, но бойцы пришли к выводу, что это фиолетовый цвет. Нет, рассуждать о том, каким человек был при жизни – это мёртвое дело. Трудно строить догадки, каким было тело.   Но мышцы накаченные, костей не видно. Лёд заморозил человека и не отпускал. Оптимальные условия для мумификации, поэтому вид впечатляет.

– Так, ребята, осторожненько. Вот начнём отсюда, так здесь какой-то проход ещё есть. Так никуда не идём больше не при каких обстоятельствах. Достаём это и уходим.

Жутковатая картина этой мумии, которую прозвали отчего-то Вадиком. Вадик стоял во льду стоя, ноги были сведены вместе, словно он был на посту. Носки слегка в стороны. Перед собой на уровне груди он держит какой-то излучатель. И вот непонятно, как он до сих пор не упал.   На правой ноге разрыв одежды и жуткая рана прямо на коленке в форме креста. На левой ноге тоже разорвана одежда и на голени серьёзный такой порез. Непонятно, отчего Вадик умер, но вот нужно сказать, что держался Вадик до последней секунды молодцом. Вот может быть, он и хотел выстоять. Постоянно бойцы говорят сейчас: за что ты их господи? Но вот есть именно то ощущение, что всё несёт в себе какой-то смысл, который не постигаем. Вот не постигаема эта истина. Что он делал явно по указу правительства? Если это гравитационный излучатель, то, как они собирались такой пукалкой остановить астероид!? Это маленькая параболическая антенна, приделанная к коробочке, такого же серебристого цвета. Вот что поразительно, даже кнопочки сохранились. Вадик умер, умер давно. Но всё отчётливо со всеми подробностями видно. Видно каждую мышцу, видно каждую вену.   Видна атлетическая структура его тела.   И фуражка такая есть на нём. Вот чётко в память врезается эта фуражка с каким-то красным лучом, идущем вверх из голубого шара. Какие-то буквы на форме. А тут ещё и ещё подробности. Лёд раскалывают и убирают аккуратно прочь.

– Так, осторожненько, вот большой кусок откалывается, – говорит тихо один боец, – так Вадик, сейчас мы тебя освободим.

Бойцы вдвоём взяли большущий кусок льда практически треугольной вытянутой формы и потащили. Аккуратненько положили неподалёку.   Тело погибшего бойца с излучателем чуть приоткрылась. Ещё чуть-чуть и получат доступ к сумке бойца.   Откуда-то идёт странный неизвестный газ, но все так увлеклись главной сенсацией, т.е. костями и мумией, что на источник заразы, неизвестными бактерии реагировать нет времени. Газ полупрозрачный, но странный по составу. О присутствии в нём бактерии звенит один из анализаторов. И тут надо найти источник. Но мумию тоже нужно достать.

– Как-то легко у нас, получается, – говорил Кирилл, таская блоки льда, – странно, но вот в чём беда. Мне кажется, что лёд здесь бы сам раскололся.

– Так сумка освобождена.

У бойца на плече висела какая-то сумка чёрного под цвет формы цвета.   Трогать её сейчас нельзя. От вечного холода она порвётся или даже рассыплется. Теперь свободными ото льда стали руки и верхняя часть излучателя. Позже освободили голову и грудь. Поразительно, но открытые глаза сохранили это последнее состояния сознания. Было по ним ясно, что Вадик куда-то перешёл, в какое-то другое состояние, нет в другое измерение. В его глазах полное ощущение бессмертия его духа, его памяти. Может он блуждает до сих пор по этому измерению и охраняет нынешнюю солнечную систему.

Может он там учит нас. И ему не нужно вовсе физическое тело. Потому что он нас во много раз опередил. Но дело не только в глазах. Он испытывал довольно-таки страшные муки, просто нужно взглянуть на лицо. На щёках огромные волдыри и трещины. Подбородок весь в огромных бородавках. И на лбу волдыри и бородавки. Шея так же полная всяких бородавок. Бородавок столько много, что свободного от них пространства просто нет. И явно это было при его жизни. И он зачем-то стоял вот так и излучал какую-то энергию, входя в это особенное состояние сознания. И сознание вышло из уже ненужного тела. Когда тело извлекли из ледяного гроба, Андрей посмотрел на время:

– Осталось три часа. Нам надо возвращаться. Так пошли отсюда. Мы нашли источник бактерий. А мы уже взяли пробы воздуха. Может это достаточно. Пошли. Так понесли мумию и эту сотню найденных здесь костей. Я смотрю, мы тут и обработанные кристаллы какие-то нашли.

Андрей смотрел на самоцветы на полу тоннеля где-то вдали. Он подошёл и взял все, что смог. Взяли достаточно много. Потом они стали решать, куда им двигаться. Бойцы не спорили, а пытались определить, в какой стороне город. Они не могли этого вспомнить, оттого и злились на самих себя. Андрей увидел следы обуви. И полчаса они проверяли, откуда они шли. Затем, потащились домой со всеми находками. Просто шли по своим следам. Шли не так уж и медленно. Группа с мумией отставала на несколько метров. Постоянно проверяли следы. Слава Богу, что додумались надеть специальные ботинки, которые оставляют особенные следы особенной краской. Интуиция у начальства просто незабываемая. Достаточно посветить на пол и всё видно.

По очереди поднимались на лифте. По очереди снимали скафандры. Радовались общему успеху. А потом по такому случаю выпили немного водочки две рюмочки и разошлись по своим квартирам в общаге. Как пили и о чём целый час говорили в кафе внизу, Андрей уже не помнил, как впрочем, не вспомнят и все. Это вылетит из памяти сизой птицей. Сизая птица заберёт собой и другие воспоминания, а может случиться что-то и посерьёзнее. Но вот навсегда в голове у Андрея стоять будет в памяти уродливое лицо, флаг государства: на чёрном фоне жёлтый шар с жёлтой окружностью вокруг. Радиус жёлтой окружности на один сантиметр больше, нежели чем у круга. В центре жёлтого шара белая большая русская буква «Ж». Та самая, которую используют все в этом современном мире. Она в русском алфавите до сих пор! Не верит Андрей в эти совпадения! Это основатели русской цивилизации. Стоит в памяти этот флаг и всё тут. И лицо стоит в памяти! И излучатель! И странная чёрная форма. И изуродованное лицо. И странная девушка. А вот всё остальное, что было в этот день Андрей забудет. Забудет он, что говорили родители, которые живут на Земле. Забудет, что у него когда-то на Земле осталась любимая девушка, забеременевшая от его друга. На несколько часов, а то и все сутки он будет рассеян до невозможности. И будет дрожать как банный лист ни с того не сего. Ночью ему будет сниться этот парень, живой и говорящий на странном диалекте русского языка, который будет успокаивать его, как небесный отец. Его монолог и этот сон он запомнит на всю жизнь, как отче наш.

Вот он, этот сон. Вот Андрей идёт по этому лабиринту, по этой пещере вновь и вновь. Вновь и вновь, он как безумец плачет и плачет. Он буквально душой ревёт, что в жизни себе не позволяет. У него тотальная в душе истерика от осознания того, что когда-

то происходило, словно он был там и погибал там, словно не было этого огромного срока. И еле-еле идёт, шатаясь и крича из-за всей мочи. И жутковатое эхо его истерики доносится до самых окраин тоннеля. Он подходит совсем один к тому месту, где он объективно был. Здесь он был объективно и душой он до сих пор там. Словно место, та самая мумия совершила привязку к этому месту. Сознание не вмещает этот ужас, всё то, что произошло. Андрей боится и себя, и этого лабиринта. Он ощущает, что тут какой-то мистический магический портал. Он перебирает в памяти заклинания, чтобы что-то сделать. Чтобы отпустить всех умерших душ. Андрей хочет, чтобы все они жили, жили объективно, физически, сейчас и в этом мире, чтобы государство процветало, и дальше развивалась, как и вся планета Марс. Потому что невозможно вместить в себя этот ужас. Как бы странно не звучало для него самого эта вся истерика, как бы это не выглядело со стороны, но это происходит. И он понимает, что он спит сознанием-то своим. Он понимает, что он душой ищет ответы. Он воспринимает себя не как тело, а как душу. Он ощущал всё своё тело, тяжело дышал и плакал, да ещё и кричал. Потом появлялся этот парень Вадик как живой, хотя нет именно живой и говорил с ним как отец с сыном на странном диалекте:

– Сыну я прошу тебя, успокойся и прекрати плакать. Мы не погибли, мы просто ушли, оставив свои тела здесь. Мы просто взяли и эвакуировались в будущее, мы ушли в при помощи машины времени и теперь тут живё. Мы учим вас, мы направляем вас, как сынов своих. Мы слышим вас. Мы лечим вас. Мы спасаем вас. И у вас есть все силы и возможности опередить нас и избежать ошибки наши. Мы и должны, и будем спасать вас, и учить вас. В этом наша святая миссия. Сыну не надо приступов таких, ты же боец, а не безумец. Ты должен наш град найти, наше цифровое золото найти, наш ковчег найти.

Андрей просыпался в холодном поту. С трудом ровно в четыре часа утра заваривал кофе. Озирался по сторонам и кого-то ждал, с кем-то разговаривал. Никого не было. Никто не звонил. Потом вышел одетым на балкон, закурил и стал ждать чего-то в небе, приговаривая минут десять:

– У них должны быть тарелочки, они должны летать и светить.

Потом посмотрел вниз. Вздохнул, ещё раз вздохнул с таким страхом на лице. Тишина в голове настала неожиданно. И в городе было тихо. Никто не звонил. А так хотелось вернуться в тот тоннель и …. Только что и? Договаривать теперь не надо. Просто нужно понять, что жить как-то надо с такой информацией, с такой инфекцией, с такой неожиданной эпидемией. Просыпается чувство долга и начинает побеждать страх. И ощущение гордости за себя, что ты справился, стоит в сознании, что ты не упал, не погиб. Уверенность проснулась и уже весь день не покидала его, только вот спать Андрей больше не мог. Только где-то, в четыре часа дня уснул. И всё это время в дневнике писал правдивую историю того, что он сделал, и даже изложил теорию. Но на середине рассказа вдруг засомневался: а была ли мумия? И ведь по первым впечатлениям, которые до сих пор сидят в голову, вот будто и погиб Вадик вчера, вот буквально на днях. А была ли мумия, а там ещё что-то было. Нет, мумия всё перекрывает. Да нет, если жизнь здесь была, то она давно превратилась в метан и всякую гадость. Ну не могло тело сохраниться и будто бы вчера умерло. Да к тому же есть одна проблема. Когда астероид и ядерные бомбы упали, то такие сейсмические волны понеслись по всей

планете, да так, что все вулканы стали извергать кроваво-красную лаву. Были такие страшные землетрясения по всей планете. А ещё смог по всей планете. Куча радиоактивных частиц с пеплом. Всюду будут разрушенные города. Тут такое будет, что тело не сохранится. Тем более как говорили одни какие-то альтернативщики, что ядерное оружие применялось вполне себе рядом. Так что сгорели здесь все. Так что, галлюцинация? Нет, откуда здесь плутоний? Скорее всего, оттуда, из ядерной бомбы, да и не одной. Да ещё тут атомные станции были. Жаль, что фотоматериалы пришлось отдать. А начальнику звонить – дело тёмное и безумное, ты просто добытчик материала, который принадлежит не тебе.

Глава 5.

Андрей шёл в бои с самим собой, преодолевая страх. Странно, когда его отряд шёл по пещерам в первый раз, он боялся меньше чем сейчас. Квантовая связь работает сейчас нормально. Никаких квантовых барьеров как в прошлый раз нет. А страх жуткий, ибо слышит Андрей внутри себя какую-то страшную сущность, требующую вот прямо сейчас начать истерику. Они куда-то повернули, стали спускаться вниз сквозь расщелину.

Тихо спокойно спускались вниз вертикально сквозь узкую расщелину сквозь слоистую породу. Спускались недалеко от города. Спускались полтора часа по узкой щели. Активно переговаривались не о чём.

– По сути дела, – говорил Кирилл, – здесь именно живёт бестелесная цивилизация. Здесь живут Ангелы. Они эволюционировали в информационную форму.

– Ну, если это те самые Ангелы, тогда чего мы боимся, – говорил боец Артём с азартными уже во всю жёлтыми глазами.

– Только где гарантия, что информационная цивилизация не застыла во времени?

– А вот у меня да, образ призрака такой, что призрак – он зацикленный человек, некая зацикленная программа. И вся эта цивилизация зациклена и постоянно здесь в пещерах повторяет одну и ту же программу.

– Кто-то повторяет, в наказание, – стал говорить Андрей, далеко спустившийся вниз, так как шёл первым. – Это грешники в их понимании. Кто-то вселяется в наших детей при рождении, т.е. начинает новый цикл воплощений на Земле. И поэтому им не нужно восстанавливать Марс терраформированием, иначе бы они, имеющие Ангельскую, т.е. безмерную власть, додумались бы сразу и заставили уже сейчас нас начать вот это самое восстановление. Они это тормозят, как могут. Именно потому, что они надеются на то, что Ангел с Марса воплотится на земле и начнёт цикл воплощения. Им хочется этой жизни. А нам наоборот сюда тянет. Почему мы все боимся, вернее чего мы все боимся: мы боимся живой активной героической жизни и хотим летать в этом информационном измерении. Поэтому и орём не от боли того, что здесь давно случилось, а потому что надо жить и работать. Вот в чём причина. Странно, что это пришло сейчас прямо в голову.

– Извини командир, но у меня странное впечатление от твоих слов, – боец Артём остановился, разглядывая странный фрагмент породы. Он только сейчас заметил, что вся эта порода странная. Вся порода странная с самого начала. Весь Марс странный с самого начала. А сознание и вообще психика тормозит, считает свои теории правильными и что теории правдивы, и всё, что мы наговорили в этих теориях – истина. А ведь теоретики эти никогда на Марсе не бывали, а ты им веришь, ибо ничего другого сделать не можешь. Артём вдруг сказал резко с вдохновением, испытывая инсайд: – Андрей, я тебя хорошо знаю, я не понимаю твоей наивности сейчас.

– Не понимаю, ты извини, ничего личного, я просто осматриваю, как дальше двигаться, – сказал Андрей с инсайдом в голове, который уже достал: – У меня эффект того, что я на экскурсии в музее.

– Когда ты ощущал себе на экскурсии? Когда ты был потребителем культурных ценностей?

– Как грубо, потребитель культурных ценностей.

Отчего-то весь отряд расхохотался. Потом все оказались в каком-то широком огромном пространстве, наполовину заполненным какой-то жидкостью. Это же метан. Обыкновенный метан. И аккурат Андрей взял бы и упал в этот метан, если бы не трос. Дёрнулся раз, другой, потом, чуть не расшиб, лоб об стену. Вот и завис над этим чудом. Фонарь скафандра скудно освещал огромное подземное метановое озеро. Плавать в метане Андрею не хотелось. Отчётливо слышен чей-то плач. Но Андрей не придавал этому значения. Он, опираясь ногами о стену, спустился вниз на узкий выступ и отсоединил трос. И легонько пошёл по выступу, слушая плески метанового озера. Через минуту Андрей оказался на слишком прямоугольном выступе. Вот ровно прямоугольник. И в стене ещё один прямоугольник. Высокая такая стена, короче говоря. Присмотрелся к стене, посветил фонариком – странные письмена, довольно знакомые. Явно здесь была цивилизация. Здесь руины какого-то здания. Вот здесь метан образовался в результате гниения, фактически, трупов. Плач доносился совсем рядом, и всё равно было понять откуда. Скорее всего, сам метан в озере издавала подобные звуки, потому что вот нету призраков на крыше погибшего здания.

Вскоре все парни оказались на этой крыше, и им было реально тесно. Дальше этой крыши есть ещё один выступ с чудом уцелевшим скелетом. Его чудом достали. Бойцы брали пробы жидкости в озере и убедились через полчаса, что это метан. Но, правда, поняли, что это одна из фракций. Озеро глубокое, и там, на дне есть ещё другая фракция, а потом ещё и ещё. Там всё распадается и разлагается до сих пор.

– Как здесь скелет оказался? – не понял Кирилл.

А потом через минуту всё стало ясно. Резко посыпались всякие мелкие камушки прямо в этот метан. Начался обвал чего-то там. Стал образоваться новый тоннель. Оказывается, тут были какие-то колебания, мать его!

– Что же это такое! – кричал вдруг Кирилл. – Почему я?! Почему со мной! Что это – плачь в голове?! Что за истерика в голове? Почему меня оставили? Где мой дом! Куда это всё делось? Было прекрасное правительство! Была прекрасная физическая жизнь! Была прекрасная жизнь в обычном человеке! Мы летали меж звёзд. Было целое межзвёздное союзное государство! Была уникальная религия! Мы поклонялись прекрасному молодому Солнцу! А Солнце это божество, которое своими лучами породило ДНК на нашей планете и управляло эволюцией по всей планете! Что стало с планетой! Я только сейчас начинаю вспоминать, как сначала мы в золото писали информацию обо всей планете, а потом передали Солнцу. Но почему Солнце нас погубило? И почему я не слилась с Солнцем, как предсказывала в физическом теле?

Бойцы никогда не видели Кирилла именно таким. Лицо у него было женское. Вот как тут сказать, мышцы напряжены неестественно, глаза не те. Жесты странные и непонятные. Не соответствуют привычным.

– Я должен проверить город! Здесь город! Я ныряю в город! – тут же стал кричать Артём, уже готовясь прыгнуть в метан. – Я проверю город. Я там найду богатства. Там несметные богатства. Там бриллианты! Там украшения! Там документы! Там вся жизнь! Там же всё дно в бриллиантах! Там же столько бриллиантов!

– Стоять оба! – адекватная реакция командира Андрея, – бойцы держать этих одержимых любой ценой! Чтобы они не говорили!

Четверо бойцов держали двоих обезумевших. Т.е. шестеро миссию не выполняли. Только четыре бойца во главе с командиром работали: обследовали руины, проверяли электромагнитный фон, проводили исследования при помощи переносных радаров на разных частотах. А для этого нужно сначала развернуть это оборудование, тяжеленое до ужаса. А потом протестировать в автоматическом режиме. А потом произвести замеры пять раз сначала на одной частоте, потом на второй, и так далее. Вплоть до рентгеновского излучения. А двое что-то кричали.

Артём орал, что там золото, что он будет богатым. Он уже описывал трёхэтажный дворец во Франции. Ему хотелось, чтобы там был дворец. Он уже воображал себя с десятком голых девушек, с понятно какими услугами. Ему хотелось всё и сразу.

– Да как ты не понимаешь Андрей! – кричал Артём, – ты думаешь, я одержимый? Да я реально хочу бриллианты! Я же всегда жил в бедноте. Я всегда на всём экономил! Как же мне эта экономия надоела! Как же мне надоело это чувство долга! Нашими руками делается здесь всё, а нам платят так мало! А ты знаешь, сколько я мог погибнуть? Когда мы были в Сирии, я мог погибнуть каждый день и каждую секунду, мать вашу! Почему я не могу компенсировать! Все говорят о принципе компенсации! Вот судьба даёт шанс! И я должен его взять!

Андрей молчал, он просто работал.

– Что ты молчишь? Ты точно рисковал? Ты точно мог погибнуть? Или ты штаны просиживал? Чего тут страшного? Скафандр выдержит! Я тут всю жизнь воевал! А тут у меня шанс взять и жить безбедно. Тем более, что меня всё равно спишут, рано или поздно. Почему нельзя взять и нырнуть?

Андрей знал откуда-то, что вот-вот здесь есть кислота, которая разъест скафандр и убьёт. Но что доказать двум ненормальным парням?

– Причём тут риск?! – стал доказывать Андрей, – Там кислота, которая тебя съест. Она съедает всё!

Он показал экран анализатора, он показал эти отчёты. И в голове мысль: как их тащить наверх. Тем временем в голове у Кирилла было раздвоение: одно «Я» видело себя как бы со стороны, внутри временной петли, а другое «Я» говорило другим голосом, и было чужим. Вот Кирилл, его истинное «Я», видя как весь отряд уже скандалит, стал искать во времени то, что может всё остановить.

А тем временем отряд перешёл на личности, вспоминал подробности тех спецопераций, которые они проводили на Земле. Они скандалили из-за того, что каждый мог друг друга убить. Вот с чего они взяли, что каждый мог предать друг друга. И откуда эти корыстные мотивы? Откуда эта лень? Откуда это желание вот всё закончить, всю эту службу государству, все эти рискованные задания, все эти силовые тренировки? Как хочется вдруг им лежать на этом странном участке и горевать, что у всех всё получается и жизнь нормальная, а вот у них странная. Они имеют доступ к государственной тайне, они имеют доступ к таким технологиям. Да поголовно все мальчишки мечтают быть как они, так или иначе. И они знают, что они – элита, а вот всё равно хотят просто отдохнуть. Да отдых на лазурном берегу, нет кругосветное путешествие по двенадцати странам. Увидеть как турист Париж, Сидней, Рим, Пекин. А вот хочется на Тибет. Уйти в эту Шамбалу и покончить с террористами, с наркобаронами, с всякими идиотами. А мол тут

есть такой способ уйти от всего прошлое в светлое райское будущее, вот прямой дорого в рай идёте, товарищи. Где ты вот по эту длань Христа. И тихое беззаботное будущее. Никаких тревог и страхов и сплошное бессмертие.

Ни с того ни сего Кирилл стал поклоняться Божеству, растворённому в кажом представителе человечества, что-то там ещё упомянул. Что-то треснуло, громыхнуло и зашипело. Он читал странную мораль, пытался выкинуть странную девку из головы. Он видел её и ощущал всем тело. Голоса в голове продолжались. В добавок к голосам добавились лучи и искры перед глазами. Ну, лучи понятное дело. Вверху какие-то узкие щели, сквозь которые проникает робко свет. Ещё что-то сыпется вниз. Видна даже уходящая в узкую пещеру улица, какие-то тени вокруг. И странное желание на всякую игру света и теней отвечать какими-то вопросами-загадками. Бойцы все как один услышали голос, наверное того Бога:

– Я охраняю по-прежнему живых людей и жителей Земли, прежде всего, а мёртвых душ с Марса я отпускаю. Ибо срок их испытания прошёл. А вы успокойтесь, ибо вы переступил через порог открытия. И за это я вас награжу наградой большей, чем бриллианты.

Так вот как оказывается надо поступить. Бойцы успокоились. Зафиксировали какие-то сгустки энергии, т.е. всяких сущностей. Сущности медленно уходили, а в голову приходило осознание того, что происходит. Также медленно и неспешно. Начальник их оказывается, что-то там кричит, хрипит.

– Андрей! – кричит начальник свирепо как никогда, – Ты командир и должен тащить команду назад! Весь отряд должен идти назад! Вам жизнь дорога?

– Я вижу сущностей, – сказал Андрей, – так раз тех самых, которых должен фиксировать этот аппарат. Чёрт возьми, мать вашу, как их много! Да тут целый город, мать вашу. Да идите вы все в зад со своими тупыми выражениями! Тупорылые, все тупорылые! Всё, все ваши грёбанные теории нужно засунуть в ад вместе с вами и вашими финансами! Прямо вот в ядро Земли засунуть, чтобы вы там горели как тупые черти! Черти грёбаные и вольтанутые. Это же как-то странно. Шеф, да хватит вам орать! Сейчас успокоимся, силы восстановим, и будем возвращаться. Всё равно ничего нельзя больше сделать. Но вы только посмотрите, что здесь есть! Черти грёбанные! Да тут руины города. Вот улица, вот здания. А вот упавшая стена. А вот улица вот так идёт, прямо под прямым углом. Здесь руины города, шеф!

— Я понял, возвращайтесь, всё наш проект закрыт, — вдруг сказал шеф и отключился. Напоследок был услышан звук открытия бутылки и звон рюмок. Зато кое-где нашли какие-то остатки проводов, какие-то странную игру. Повсюду были клетки со всякими надписями, а рядом валялись какие-то диски с надписями и фишки разных цветов. Нашли какие-то причудливые статуэтки. Статуэтки изображали человека внутри какой-то спирали. Основание у статуэток: маленький цилиндрик с резьбой. Забрали всё с собой. Некогда разбираться – кислород закачивается.

Через пятнадцать минут бойцы медленно стали подыматься обратно. Все уже были в сознании. С трудом подымались по тросу. Как же болят мышцы, но это ещё что. Нервы шалят. Какая-то словомешалка в голове. Мысли перемешались как у больного страшной депрессией, клинической депрессией. Мало того, жуткое желание покончить с

собой. Так как информация в голову не влезает. Не помещается всё это, хоть ты тресни. Кирилл рассказывал о том, что эта временная петля существует, и что зороастризм тоже религия. И что шанс выжить есть в любой ситуации. Кирилл говорил бодрящие слова инертно и с неуверенностью.

С трудом поднялись наверх.   Паника в глазах. Андрей говорил уставшим голосом:

– Вы знаете, я ничего не понимаю. Вот раньше у меня была целая теория, целая доктрина. А вот она не работает, не даёт ничего делать.

Прошли одну треть и упали все. Стали тяжело дышать. Стали готовится к концу света, в смысле к смерти. Вдруг явилась вот просто так в воздухе девушка в лёгком платьице. Взяла серьёзная девушка явилась. И сообщила суровым голосом:

– Я явилась по приказу космоса.

– Чтобы забрать нас? – спросил Андрей с надеждой

– Куда забрать? Вот к нам? Нет, – девушка отчего-то рассмеялась, – уж скорее я к вам. Нет, я пришла дать вам энергию. У меня есть десять бутылочек.

– Девушка, у нас физическое тело, мы здесь ещё пока физически, и ваши виртуальные напитки нам не помогут. Да к тому же скафандры открывать нельзя.

– Зачем открывать скафандры?

– Скафандры спасают наши тела от морозу. От ядовитых здесь газов и бактерий. Это вот наша защита.

– Мы знаем.

– Да кто это мы, коллективный бред, продукт коллективного разума. Да нет здесь никаких призраков, ну как это, ну все сроки вышли, да вы, те самые души марсианской цивилизации, давно на другие звёзды переселились. Перешли в мир мёртвых, и перешли на другую звезду. А вот это от бактерий всё.

– Пусть так, это с вами говорит ваш некий архетип по Юнгу, – веселилась девушка, она так расхохоталась, – да зачем же мне реинкарнироваться, зачем же мне это бренное тело. Когда я могу летать по космосу и так. Я посланница с параллельного потока. Вот есть временные потоки, вот такие реки. Они пересекаются с вашими и у меня полномочия вам помогать.

– Вы нас убейте, ибо жить с информацией о том, что здесь было, мы не можем. Вот пусть шеф слышит. Мы с детства всех спасали. Мы вот в детстве спасали от хулиганов в школе. Мы вот служили в нашей славянской службе безопасности.   Мы устали душевно.

– Вы и будете служить дальше.

– Даже если умрём?

– Да с чего вы взяли, что вы умрёте. У вас в книге судеб другое сказано. Я не понимаю, вот им дают спасение, а вот им всё равно. Вот современные спецназовцы – им всё равно. Вот что хочешь, то и делай. Вот всякие черти взяли и накачали их мозг убеждениями, вот они и рабами стали. Чертей этих.   Чертей наш Ахура Мазда изгнал, кстати, тот, кто первый стал всё восстанавливать, а тут надо просто идти через «не могу», а не хочется. Всему виной, оказывается, психосоматика.   Им хочется быть слабыми. Слава Космосу и Солнечному Банку Информации, что Ахура Мазда приказал проследить и

применить спецсредство. Итак, глотки делаем. Вот точно так же применяю такой же принцип внушения, что самое интересное, только противоположный по знаку.

Бойцы ощущали, что что-то выпили. Вкус напоминал кофе, крепкий горячий кофе с каким-то препаратом. А потом пошли далее уже бодрячком. А девушка растворилась в пространстве. Но эффект непонимания в голове всё же присутствовал.

Только Артём спросил, когда уже фигура рассосалась:

— А причём тут зороастризм?

— Не знаю, может это как-то работает, — ответил Андрей. — Во всяком случае, она доказала, что это не воображение, гадина. Я думал о Христе вообще-то.

— А-а-а, и чё им надо, хренотень какая-то. Нет, я пойду в больничку сдамся, — сказал Артём и сдался психиатрам, после того, как дошёл. Ему это дух не понравился. В будущем он может мемуары напишет куда-то в стол, чтобы память привести в порядок. Но то, что его скоро спишут на Землю, уже был факт неоспоримый.

Вновь наступила ночь. Вновь Андрей спал и видел сон. Он видел Вадика, который что-то говорил. Так во сне происходило осознание того, что произошло. Андрей стоял там, где Вадика обнаружили. Он говорил с ним как живым.

– Мы понимали, что выжить было нереально, ещё в момент гибели, – говорил Вадик, – мы при помощи устройств копировали на золотые слитки информацию обо всём, находили и сохраняли молекулы ДНК. Всё мы спрятали на Марсе. Это и есть ковчег, архив. Одни эвакуировались на другие звёзды, другие на Землю, она уже тогда была обитаемой. А большинство эвакуировалось в мир мёртвых. Тогда и был страшный суд истории. История сама судила нас тогда, подводя итог. И мы были все уверены, что всё закончилось. Но здесь, в информационном измерении, ничего не кончилось, а только началось. Мы видели, как погибал Марс, и как зарождались вы. И наши поселения в мире информации, зафиксировали то, как сама информация нами управляет. Мы записали на Солнце всю информацию. И теперь эта информация даёт нам силы. И вам даёт силы. Наступит день и он близок, когда наши поселения опустеют, и все мы вернёмся на Марс. Но дело в вас. И вас надо воспитывать. И мы не можем просто так уйти. Нам нужно вас поднять, чтобы вы жили, как и всё наше наследство. В вас есть наши гены и это самое главное. И вы восстановите всё и не допустите наших ошибок. Цивилизации не умирают, ибо они бессмертны. Весь мир – это программа. И программа способна на многое.

Андрей проснулся и долго не мог заснуть. Хоть дали его отряду отдых, Андрей рассуждал об этих словах. Слёзы текли сами собой. Текли долго и уже наяву. И сложно было представить, как это так могло произойти. И понимал Андрей, что именно потому гены есть общие, поэтому и происходит это всё. И понятно было ему, что покажут проверки его ДНК с ДНК Вадика. А медики взяли кровь для анализа. Там проверяют.

Какие участки ДНК бактерия воспроизводит? И может вся эта паника и все эти воспоминания прошлой жизни, всё это сделано специально. В голове у Андрея стоит сложная схема. Сначала всё законсервировали в какие-то формы, т.е. золотые слитки, ДНК-молекулы, ещё в Солнце, саму звезду засунули информацию. Это вообще парадоксально. Оказывается, что как-то взяли и засунули информацию на Солнце. Это такова природа Солнца – квантовый источник информации. Во сне может быть всё, что

угодно, в том числе и манипуляции с Солнцем. Расскажи кому-нибудь с Земли, что квантовыми процессами можно нанести информацию на Солнце, все рассмеются. Всё бурлит, всё там взрывается буквально. Там же ядерные реакции, термоядерные реакции. Сталкиваются вещество и антивещество. Там же нет стабильных зон. Там такие взрывы материи, раскалённой. А из школьного курса знаешь, что это невозможно записать на Солнце информацию. Вот ушли марсиане. Просто ушли в информационную реальность. Вот создали себе как-то странным способом информационную базу в этом измерении и ушли туда, слившись с нею в каком-то странном состоянии. Если бы эти фантазии не подтверждались мумией. А ведь что-то в этом есть. Любая альтернативная гипотеза имеет право на своё мнение, которое противоречит науке или даже религии. Ты выслушай в голове, проанализируй, а потом синтезируй своё новое мировоззрение. Время бежит. И если раньше марсианскую цивилизацию считали фантастикой, то теперь нашли мумию и образцы письменности. Значит, найдём и те архивы. Каждая доля временной ленты твоего сознания чего-то стоит, и может эта рефлексия тоже важная для тебя, чтобы понять, как двигаться дальше и с этим откровением жить.

Глава 6.

В одном экспериментальном малом зале растут странные растения. Листы, лежащие на почве, похожие чем-то на привычные листья огурца или тыквы или дыни – все они похожие. А вот цветёт странным образом: толстый высокий стебель с множеством звёзд с длинными такими узкими концами. Сейчас имитируется ночь и видно то, как эти самые звёздочки светятся, медленно мигая всеми цветами, создавая странные ощущения в голове. Мистика какая-то, страшно-то как, и какая же фантастика тут какая! Фантастические растения.

– Как же время понять, а оно утекает, – говорила Оксана, смотря на мигающие цветы. – Мистика какая-то! Я больна! Я больна странной неизвестной заразой! Я ненормальная! Я сумасшедшая! У меня психоз, я потеряла ориентацию во времени! Пусть у времени три измерения, но я в них никак не ориентируюсь! И смерть так близка! И страшная эпидемия в городе! И мы погибнем все! А смысл сопротивляться? И ведь мы всё равно погибнем! Мы погибаем! Мы всё равно погибнем, так смысла нет сопротивляться, и есть смысл раньше умереть, когда страданий будет меньше! Как я боюсь смерти, а ещё я боюсь жизни! Я боюсь такой жизни, когда на меня все насядут и все будут, твою мать, требовать от меня и требовать, а ещё вещать. А тут же агрессия просыпается у всех! Все будут убивать друг друга! – она по-женски разоралась, стучала руками и ногами, билась головой об стену, ревела страшно: – Я хочу умереть, я боюсь ответственности за эту дрянь под названием жизнь! Я мутант, раз у меня фиолетовые глаза! Осознание всего приходит ко мне в голову! Я больна, тяжело больна, я вижу всякие потоки и не знаю, что с этим делать! Вот есть же страшный суд, мне там скидку сделают! Да эти хронофилийцы те же самые гиперборейцы! Вот это же Боги! Они мне скидку сделают! Так что лучше ад, чем такие страшные мучения! Я боюсь этого! Напоследок делаю вывод! Мне не надо даже намеренно резать себе вены! Мне не надо намеренно пить гору таблеток! Мне надо просто поймать тот временной поток, чтобы он меня убил! А для этого просто не надо трогать кнопки хроноида и он сам по инерции меня убьёт. Ох уж эти фаэтонцы, ох, уж хронофилийцы! Да не существуют они! Нет, разумом я понимаю, точнее её остатками, а вот эта болезнь даёт эффект Фаэтона. Почему я их называют именно так: хронофилийцы или фаэтонцы. Болезнь такова, что можно выдумать всё, что угодно! Я не могу так больше жить, ибо всё в голове болезненно смешалось! То я верю в странный Фаэтон, то не верю. То начинаю работать, то болезненная лень охватывает меня и начинаю засыпать. А ещё странные эффекты путешествие во времени, что мне то противно, то начинаю получать такое удовольствие словно я наркоманка. А сейчас я устала от всеобщих сомнений и галлюцинации всяких потоков.

– Что ты начинаешь фигню говорить? – спросил Семён, напарник Оксаны, войдя с документами в зал: – опять нас гипнотизируют. Я всё понял, я всё понял, и это причина успокоится и продолжать исследования, – говорил Семён, уже показывая пальцем на растения, – как вам, так и нам. Я выявил ген этого самого светового языка Гелионы. И это явно искусственного происхождения. Природа такой язык придумать не может, – задумался на секунды Семён, потом сказал с исследовательским видом: – Правильно

будет те растения, которые язык утратили вырвать из земли как неправильные и больные, а здоровые растения оставить.

Жёлтенькие звёздочки сначала мерцали быстро, как только можно, потом медленно, а потом зажглась световая спираль, идущая сверху вниз довольно-таки медленно. А далее началась световая феерия. Были световые различные картины. То какие-то кольца, то какие-то мерцания в шахматном порядке, то ещё что-то. Тут Семён понял, что цветы сами себя проверяют. Заворожённо пара смотрела на эти картины.

– Это же целое искусство! У них есть что-то больше, нежели просто нервы. Помилуйте, ну какие нервы, они просто выполняют программу погибшей цивилизации, – вдруг ради хохмы сказал Семён, – они прописали им такие гены и такую генетическую программу: пролежать десять лет в вечной мерзлоте, потом родится так сказать и проверить себя, а….

Тут Семён понял, что сигналят они более чем разумно, и он стал просто говорить то, что слышит его сознание, словно кто-то вкладывает в его уста мысли:

– Мы, вот ровный свет – это означает мы. Вот сверху вниз огонёк – это родились. У, хорошо. Да, то бишь вверху огонёк – истина. Стало быть, какая истина?

Семён тут же сел рядом с Оксаной, стал успокаивать, что-то говорить, но говорил дежурные фразы:

– Тише-тише, ну что ты. Мы нашли их, вот они живы. И исследования только продолжаются. Даже язык расшифровать надо.

– Это разум, понимаешь, это разум, – говорит Оксана, плача и рыдая, – вот вокруг каждого из них такой жёлтый ореол, видишь? Ты его видишь?

При последних словах Оксана схватила за воротник Семёна и стала трясти.

– Тихо, тихо, – говорил Семён, но, не зная, что сказать, – может я виду сейчас себя противно…. У меня то же фиолетовые глаза, как и у тебя и я же собой кончать не собираюсь. Я просто знаю, что всё это означает.

Не смог найти подход и сказать правду, сказать свои догадки Семён. И он лишь отделался дежурной фразой, а в душе такие же сомнения, а главное ощущение того, что его не поймут.

– А то, что у нас эпидемия, пси-эпидемия. Ты это понимаешь? Что у нас конкретная бактерия в клетках, ты это понимаешь. И она так раз и погубила тех, кто их создал? Я вижу три временные координаты. Вот такой цилиндр времени, и я мчусь по этому цилиндру, – она собиралась уже в сотый раз говорить о времени, уже трёхмерном, говорить, но вдруг смелость проявилось. Тут или погибать, или говорить, и Оксана стала вещать: – Я вижу вокруг каждого живого существа ореол разных цветов. Вот у тебя серый такой цвет. У некоторых красный цвет. И вот всякие световые вихри перед глазами. Они гипнотизируют, понимаешь. Ты видишь тоже самое?

–Хорошо, тогда надо бояться и погибать? Давай возьми себя в руки и продолжай работу. Мы не погибнем. Если будем верить в себя, то не погибнем. И надо жить! Надо бороться за жизнь! Пусть они опасны, пусть они могут нас отравить эти цветы, но они должны выжить! Назло эти богам, надо жить! – сначала говорил дежурные фразы Семён.

– Ты видишь или нет? – настаивала Айннет.

– Вижу, и они меня гипнотизируют, – не выдержал Семён.

– Значит, всему виной фиолетовые глаза.

– Вот как, я думал, что бактерия устраивает.

– Прекрати говорить общие дежурные фразы.

– Я думаю о цветах, – послышались обманки самого себе с уст Семёна.

– Не обманывай, мы должны либо высказать друг другу всё, либо умереть.

– А чем это дело поможет. Галлюцинации – это частный случай личности. Глюки общими не бывают.

Дальше Оксана просто описывала формы всяких бликов, которые видят фиолетовые глаза, всякую гипнотизирующую странную световую материю. Семён удивился, и по сверкающим ярким фиолетовым глазам было видно, что он соглашается. Его лицо говорило и даже кричало, что он соглашается с Оксаной, что видит тоже самое. Его мускулистые руки дрожали как никогда. Очевидно, что парень волнуется и даже из-за нервозности и стресса говорит с трудом, и с усилием спотыкаясь на каждом слоге:

– Только не говори никому. Нас спишут.

– Погоди, галлюцинации общими не бывают, – вдруг любопытство у Оксаны резко вдарило в голову, и желание познать что-то высокоэнергетическое ударило в голову, от суицидального настроения резко ничего не осталось: – Значит, дорогой мой, мы видим странное излучение этими фиолетовыми глазами. И увидеть это излучение можно при помощи фиолетового реагента в глазах. Минуточку, ты сейчас сверкал глазами как кошка?

– Ты тоже сверкала, и что? – Семён спросил, явно чего-то не понимая, но поразился тому же жёлтому эффекту вокруг Оксаны, а потом добавил – Жёлтый эффект вокруг тебя, т.е. аура жёлтая стала, а сейчас вновь противно серая. То жёлтая, то серая. Ну, оттенок между жёлтым и серым цветом. Вот как бы пульсируешь.

– Ты пульсируешь между серым и жёлтым цветом. По-видимому, жёлтый цвет – цвет любопытства, а серость – депрессия.

– Ну, значит, есть шанс, только что мы видим?

– Скорее всего, информационную энергию. Ты не замечал, что цвет ауры порой опережает мысли, а главное поступки окружающих?

– Да так, совпадают. И зачем нам какие-то странные сущности сделали?

– Не надо философии, я с таким трудом пульсирую.

– И что делать, мы же за эту Гелиону несём ответственность? Но нет у меня воли! Воля – это действие, а психика требует рефлексии! Но мне не до рефлексии! Здесь действовать надо!

От этих причудливых растений действительно исходит странный запах. Он дурманит, зовёт в какие-то дебри подсознания. Голова кружилась, тело расслабленное. Ничего не хотелось делать, и была такая всеобщая усталость организма от этой паники. Выдрать бы эти светящиеся кусты из земли, а вот сил нет. Только повторяли все, что действовать надо. Все хотели действия, а мозг требовал рефлексию, и души их вынуждены были давать всякие рассуждения, включая не те участки мозга. Это уже замкнутый круг: рассуждаешь о всякой потусторонней цивилизации, берёшь какой-то шар, в сознании концентрируешь, и посылаешь его в пространство. Когда таким

странным образом все трое уснули несладким сном, вдруг ведро, стоящее у входа зазвенело. Потом послышался агрессивный пугающий и атакующий голос кошки. Кошка сверкнула глазами и не раз, и не два, а раз пятнадцать. Она на кого-то вечно набрасывалась. Стоп, на кого? Ведь нет никого, только трое этих спящих? Кошка носилась по грядкам и кого-то гоняла. В итоге вся колония марсианских цветов наблюдала за кошкой и как-то даже с ней говорила. Только по истечению сорока минут кошка успокоилась, находясь посреди этого искусственного поля светящихся кустов, которые лучами ярких жёлтых фотонов исследуют кошку. Кошка только сейчас запаниковала, фыркнула, но мяукать сначала не стала. Зато сверкала глазами. Любопытство взяло вверх, и хранительница порталов в потустороннее стала лапой трогать листы цветов, да и сами цветочки. Стала с ними играть и чего-то требовать. Кошка словно договор подписывала. Цветы даже не испугались, а тоже играли с кошкой.

Кошка общалась с цветами глазами и лапами. Медленно хранительница порталов переходила с дорожки на дорожку, с цвета на цветок и лапами передавала информацию, как и глазами. Есть ещё у кошки какой-то отдел мозга, который посылает какие-то сигналы. Вот она при помощи этого отдела и общается. Мистику тут творит по полной программе. Зараза малая, маленькая кошка гуляет по всему полю, разрывает кое-где землю и кладёт в эти ямки по камушку. Сверкая каждый раз при этом глазами. Ямки с камушками кошка сразу зарывает, при этом говоря тихое «мяу». И опять начинает трогать лапой куст гелионы, опят делает ямку, находит камушек и зарывает его.

Светящаяся фигура странного человека в чёрных одеяниях с каким-то чемоданом появилась. Он был полностью в фиолетовой одежде с какой-то эмблемой. На диске изображён какой-то странный значок в форме привычного жёлтого параграфа. Было ещё что-то, какие-то волны синусоиды, амплитуда которых возрастает. Всё на чёрном фоне. Под эмблемой флаг: на чёрном фоне жёлтый диск и окружность, слегка большая, чем диск. Все двое резко проснулись от голоса призрака, который орал на кошку что-то о том, что они здесь власть. Кошка в это время была посреди кустов. А может это не призрак, а реальный человек?

– Вы как сюда попали? – спросила Оксана. – Вы кто? Вы призрак?

– Нет, я человек, просто я обладаю странным заболеванием. Я телепортируюсь без собственной воли на разные планеты в пределах родной галактики. И всё. И мне всего восемнадцать лет отроду, – ответил молодой парень с уродливым лицом, всё в бородавках и прыщах, а также бородавках и оттёках.

– Простите, но телепортация не возможна.

– Мне тоже когда-то кто-то так говорил. Я уже не помню кто.

– А понимаете, это закрытый зал, здесь посторонним нельзя, – ответил Семён видение дохлого худого парня было весь гипнотизирующим. И Оксана описала то же самое, что и Семён. Настораживал флаг и эмблема организации.

– А я сейчас уйду, у меня приступ телепортации долго не длиться. Всему виной эту штука, – парень достал какую-то штуковину из странного фиолетового металла. – Мне на моей родной планете говорили, что какая-то цивилизация погибла…. Вот когда-нибудь это вернётся обратно им. Разумный Космос восстановит Фаэтон, так называлась эта цивилизация и планета соответственно и вернёт, всё как было. А те души, которые

причастны к уничтожению планеты, будут вечно висеть и восстанавливать. Больше они не будут мнить себя Богами, а будут серыми узниками космического пространства и времени. Они будут изредка вселять в тела на различных звёздах, и восстанавливать мёртвую планету. Вот пока Фаэтон и зацветёт. Пока на нём вновь не будет атмосферы, вот до этого времени по решению Галактической Божественной Канцелярии все они будут заложниками пространства и времени. Они никто. Т.е. у них нет имён и нет точных координат. Они уже тысячи лет просто узники пространства и времени. Что эта за штуковина и как её включить – я не знаю. Я просто кладу её на вот дорожку. И тут же меня Разумный Космос телепортирует обратно. Минуточку, у нас было пророчество, и я вижу совпадения этого самого пророчества с действительностью. А где та грань между действительностью и воображением? Вы не знаете?

Парень исчез. А фиолетовый цилиндр лежал на дорожке. Пара изумлённо смотрела, и не понимала, где реальность, а где воображение. Оба пощупали штуковину и посмотрели на неё, даже сфотографировали. Но ведь визуальные ощущения, так и тактильные ощущения мозг не раз обманывал. Не раз они щупали то, чего не было, и не раз они видели того, что не было. Так что фиолетовый маленький цилиндрик они то ли положили на скамью, то ли нет, и он просто растворился, и ощущения переключились на что-то другое и галлюцинация пропала. На фотографии ничего уже не было. Какое-то явное устройство растворилось.

– Марья, – Оксана крикнула на кошку, – что ты творишь? Себя пожалей. Иди сюда, я тебя поглажу.

Кошка Марья весело прибежала к Оксанке и стала ласкаться. Приятное мурлыканье спасает так легко и просто. Так легко и просто приходит облегчение. Вот начинает приходить уверенность, что всё будет хорошо. Кошка существует реально. Это точно. Они живёт здесь всегда. Её сюда специально привезли с Земли. Мало того, её видел декан, как и цветы сами. А ему можно верить. А вот фиолетовому чему-то там нельзя. Все сомнения даже в том, что видят глаза и слышат уши, всё это уходит, а наступает резко сон. Может одинокий галактический путник, или обыкновенный призрак из трёхмерного времени, или просто синхронная фантазия двух человек. Просто пара уснула.

Цветы спокойно светили. Запах какой-то странный. Словно вот ты в больнице. Или уже не светили? Может, раз никто больше не видит, цветы и не светят?

– Так, парень, не обманывай меня, – волнуясь, кричала Айннет, думая, что парень, тот самый пришелец с другой планеты просто ей приснился, – ты ведь бог, тот самый пришелец с трёхмерного времени! А ну прочь отсюда, нам ничего твоего не надо! Мы против этого самого урода, который уничтожил Фаэтон. Мы тебе не верим!

– Значит, нам надо заняться наукой. Она нас всегда отвлечёт и вылечит. Именно нас она и удержала от смерти, – вдруг сделал вывод Семён.

– Да, давай применим научный метод, чтобы гелиону расшифровать. Вот расшифровать их язык. А давай их дрессировать. Давай?

– Сначала нужна теория.

И они пошли разрабатывать теорию, записывая на компьютере схемы. Они смотрели на ДНК-анализ, делая предположения, за что отвечает определённый ген.

Каждый ген несёт в себе какой-то смысл. Пили крепкий молотый кофе, чтобы не уснуть. Рассуждали о том, как удобрять растения, как поливать. Какой полив нужен. Только сейчас додумались, что может, сильно обильные дожди были всё это время?

А через час Семён стал окутывать все растения, и без того напуганные всем, чем только можно, всякими проводами. К проводам цеплялись всякие датчики, которые в свою очередь прикреплялись к листкам растений. Оксана же взяла и устанавливала датчики запахов. Всё дорогущее оборудование было использовано, в том числе инфракрасные датчики.

Как только оборудование наконец-то включили, то заметили, что есть какой-то общий для всех цветов резонанс электромагнитный, и общий для всех аромат. Но есть и уникальные сигналы для каждого из растений. Кошка бегала и трогала лапами растения, и они не только лучами, но и запахами говорили с ней. И ощущения того, что кошка и цветы в некоем заговоре пришло паре как-то в голову и больше не покидало. Только теперь было заметно паре колдовство кошачье. Она же прятала камни и цветам это нравилось.

Потрясающая была феерия света. И значения некоторых световых символов медленно прояснялось. Тогда световое кольцо, падающее вниз, стало означать именно дождь, а все светящиеся цветки – семена. А вот свет вверху светового стебля – сигнал «да».

Только Оксана вспомнила, что кошку надо кормить. Достала какой-то корм, стала класть его в миску для кошки. Только сейчас она поняла, что природа, даже не наука, а обыкновенная природа – ключ к спасению. Какая разница, откуда эти гелионы и какие они на самом деле. Они спасают. Раз пахнут они так, как в больнице, значит, реально спасают. Потому что это понятный всем запах. И он рано или поздно вылечит.

Теперь Оксана поняла, что кошка её любит. Именно как только она достала корм. Кошка ведь в этот момент её не видела. Она же по полю носилась, а тут вдруг примчалась. Хвост крючком, мордочка весёлая. Муркает, ластится, и начинает жрать, да так быстро всё съедает, что диву даёшься, куда это всё лезет. Только когда вошла в лабораторию, где стояла миска для кошки, вспомнила, что нужно провести анализ крови, но гелионы увлекли за собой световыми эффектами. Да и кошка своим мяуконьем выбила эти правильные и единственно верные мысли из головы.

В поле светились и переливались жёлтым цветом световые змеи. Они носились по воздуху в безумном количестве. Так передавались данные от одного цветка к другому. Так цветы общались между собой. А ещё было массово оповещение: световые волны как волны от упавших в воду камней, расходились во все стороны. Слишком буйная и мощная световая энергия заставляла Оксану пульсировать уже тремя цветами: серым, жёлтым и зелёным. Семён понял, что уже Оксана начинает исцелять саму себя. Да и Семён точно так же сверкал.

Эта жёлтая феерия ярких кривых линий и расходящихся окружностей завораживала. Кульминацией этого представления проявления фиолетовых спиралей из центра поля. Ощущения присутствия какого-то мощного социального поля, пусть не человеческого, а растительного, проникали в сердце и душу.

Коллективный разум марсианских растений внушал своё превосходство, словно понимал прекрасно, что пара видит их тайные странные световые пляски непонятной энергии. Природу этой информационной энергии Оксана и Семён увидели ни сразу, а только когда компьютер выдал общую электромагнитную активность зарослей, которая в точности повторяла то, что передавали в мозг фиолетовые глаза.

Семён и Оксана поняли, что это, как не крути, электромагнитная активность.

– Мы видим электроны? – спросил Семён у Айннет.

– Да, только не все, а только живые, – робко ответил Оксана, а потом так же робко добавила: – слушай, как-то легче стало. Нет, ну пусть будут такие глаза, а что делать? В конце концов, можно найти достоинства, но я пока не знаю, как это использовать.

– Так и мы видели электромагнитную сущность. Такое возможно, если путешествовать во времени или пространстве. Ты можешь увидеть, допустим, прошлое, но не можешь влиять. Потому что ты находишься в гиперпространстве, вот и всё.

Глава 7.

Оксана Айннет спала в своей лаборатории вместе с Семёном Федоренко, вот прямо на диванчике. Спали оба сидя в неудобной позе опять с каким-то страхом в глазах. Правда, опять виден дурацкий лифт в шахте, который просто завис в трёхмерном времени. Да ты полностью осознаёшь проблему, полностью осознаёшь, что была цивилизация, возомнившая себя божественной цивилизацией и уничтожившая саму себя, не справившись с тем хаосом, который был внутри них. Рассуждение в осознанном сне пришло с осознания того, что ты абсолютно одинок. Есть только ты один, даже нет близких и родных людей, друзей, знакомых, начальства, странных создателей земной цивилизации, ничего нет, есть только этот лифт, за которым абсолютная пустота. Наступает тишина, ровным счётом ничего. И страшна эта тишина, потому что ты осознаёшь, что в тебе идёт страшная война между хаосом и порядком, между добром и злом, между тьмой и светом. Такие противопоставления продолжались до бесконечности, пока ручка случайно не нажала на кнопку «отсечь». Странно, как полной пустоте рушится что-то огромное, страшное и пугающее. Огромная часть лабиринта рухнула прямо вниз. Да так, что осталась только одна линия вверх. Ощущает теперь Оксана, как и Семён, частью огромного дерева, а вот оно начало человечества, нынешнего. В полной тишине пара ещё висела у корня, ощущая то, как внутри есть ДНК, внедрённое принудительно. Сомнения теперь не было, где-то на экране зависла сцена того, как какие-то странные люди создают человечество, в смысле вводят какие-то препараты, отслеживают гены, отсекают препаратами лишнее и передают какие-то знания о погибающей цивилизации шифрованном виде. Многие прилетали к этим людям и говорили об эвакуации на другие звёзды. Многие говорили, что это безумие что-то менять. Оксана медленно стала понимать, что то, что она видит, это иллюзия и не факт, что ты во времени летаешь. И чем чаще Оксана это говорила, как впрочем и Семён, тем больше эффект путешествия во времени пропадал. Правда, приходилось говорить, что будущие славянские божества – это иллюзия, что веретено само по себе – иллюзия, что сама идея в том самом виде, которая представлена, – это иллюзия. Оксана видела как бы весь свой генетический код со стороны, ощущая себя как бы вне его. И тут становится понятным, что воля и сознание как бы выше этих числе в молекуле ДНК. Когда поймёшь свою душевную природу и услышишь что-то больше, чем зов тела, тогда и поймёшь всю иллюзорность всего путешествия во времени. Тогда увидишь, что это просто набор случайных чисел, полностью диктуемых бактериями, называемых отчего-то FH1N1. Оксана вышла из своего тела, резко ощутив всю эту гадость именуемую FH1N1, уже показывающую просто всякие кляксы на белом холсте, банальные случайные бессмысленные пятна. Во сне находясь, Оксана Айннет видела себя со стороны, лежавшей в неудобной позе на диванчике в лаборатории. Семён тоже находился вот в таком состоянии. Тела их работали и были как бы биороботами. На время выхода боль притупилась, а какой-то там хроноид пропал вообще вместе со всей бессмысленной картой, шахтами, и сущностями трёхмерного времени.

Пока Семён сомневался, Оксана успела добежать до скамейки, увидеть опять фиолетовый цилиндр и принести в лабораторию. Суперкомпьютер работал на ДНК, т.е. кодировал и анализировал различные ячейки с ДНК. Оксана ощущала пальцами

цилиндр, случайно нажала снизу на кнопочку. Цилиндрик открылся. Оксана осмотрела содержимое. Внутри цилиндра была кровь. В щёлочке был какой-то тонкий пластик с надписью на непонятном языке. Крышка была с какими-то четырьмя стержнями. Оксана только теперь поняла, что пока эта реальность, надо успеть засунуть кровь в ячейку суперкомпьютера.

Только какого суперкомпьютера. Здесь лаборатории есть один, но информационной нематериальной сущности с именем Оксана нельзя пользоваться тем светящимся лампочками шкафом. Наивная, она ещё цеплялась к старой реальности. Она ещё верила в то, что есть зерно истины в этом виртуальном мире. И что бактерия цепляет за какие-то струны. Но через некоторое время душа Оксаны и душа Семёна одновременно стали видеть какой-то портал, оформленный в форме светящимся зелёным цветом диска. Через диск проходят люди и пропадают, уходят в другое время, в будущее. Лиц не запомнили, запомнили только религию. Марсианские Боги пришли из будущего в далёкое прошлое и создали человечество как предков своих. Вот они поклонялись тем Богам-родителям, которые их сотворили, спустившись из будущего на машине времени. Это дословная цитата того, что давала кровь в устройстве. Дальше фраза: народ хронофилийский совершил сакральную петлю во времени и вернулся в то будущее, из которого когда-то ушли создавать этот народ их предки. Ой, всё запуталось, всё смешалось. И тут же создалось впечатление, что всё иллюзия.

Мысленно Оксана и Семён понимали, что доступ к сакральному знанию может и будет когда-то, но только если эта бактерия FH1N1 создаёт помехи для познания истины о той цивилизации, которая создала, в том числе и их самих, то цены этому знанию – грош. И тут же они проснулись.

Через полчаса оба как заворожённые смотрели на клетки чудных растений. Сначала стали исследовать листья растений. Были видны зелёные клетки, уплотнённые до невозможности. На вид обычные клетки, какие обычно видят постоянно в микроскопе. Странностей биологи на первый взгляд не заметили. Тут обычные ряды прямоугольных клеток, с трассами, т.е. жилками, по которым транспортируются питательные вещества. Есть даже ядрышки в клетках. Ничего особенного, тоже строение клеток, что и у земных высших растений. После слабого изучения кусочков листьев марсианских цветов, стали исследовать лепестки их цветков. Там же должны быть отличия. Тот же ряд клеток, только есть в каждой отдельной клетке светящиеся участки, т.е. передающие устройства, и принимающие устройства.

В этот момент, когда Айннет записывала в редакторе промежуточные выводы, декан биологического факультета университета Циолковскийа Эдуард Щеглов вошёл в лабораторию стал за спинами исследователей и спокойно незаметно наблюдал за выводами: «Жёлтые глаза, да что ж такое, теперь практически у всех жителей города жёлтые глаза, хоть были нормальных других цветов. У всех больные нервы, у всех что-то не так с психикой. Какие там признаки. Теперь мне со странником разобраться надо. Зачем он это сделал. Даже тайное общество организовал. Захотел прыгнуть через много столетий вперёд. А на самом деле упал куда-то вниз, растворился в небытии. А с опасным вирусом что делать? Если бы не активизация резерва, то всем бы кранты было бы. Я думал, что у него в лаборатории трупы одни, и смертельно опасные вирусы, и ещё

не такие, которые во всём городе. А тут спокойно и тихо, только странная световая феерия была. Вот уже светлеет. И эти необычные растения, погружаются в сон. Невозможно прыгнуть через столько веков. Потому что невозможно изменить так кардинально психику. Сознание у нас меняется медленно. Тем более марсианская природа агрессивная, особенно бактерии, и она нас просто убьёт. Нас бактерии уже убивают. Истерика массовая и всё, все просто разбегутся или умрут в страшной панике в квартирах. Хорошо, что чипы корректировать начали. Захотел возродить Марс. Захотел создать цветущую планету. Тут же просто оказывается надо взять и вывести специальные бактерии и всё! Дело оказывается в бактериях, которые будут производить кислород, ну и так далее. Как в одной песни поётся: ну и так далее. Любопытно, а как он тепло снизу хотел сделать, чтобы ядро Марса или Новой Земли активировалось. Как показывают его эксперименты – не получилось. Вот же, как бывает. И не верил до конца своей жизни, а его трупа взгляд я хорошо запомнил. И не доказать, что на разгон ядра Марса нужны баснословные деньги! Что для того, чтобы разогнать ядро, чтобы вновь появилась лава и забурлили вулканы, нужно ну такое серьёзное тело, например тело не меньше Цереры и может даже Европы, спутника Юпитера. Как пригнать ту самую Европу к этому Марсу? Это как возможно за счёт этих квантовых эффектов можно пригнать эту чёртовую Европу? А дешифровка генетического материала, той самой чёрной дряни, так и не проводилась. Т.е. он не анализируя, что сажает, посадил. Не соображая, что он делает! Что за критин! Нет, растения конечно интересные, но я поражаюсь тому, как он их посадил! Не проводя генетический анализ семян, даже сравнительный. Он даже не изучил смесь! Он даже не запомнил, где она находится. Он даже не зафиксировал шлюзы. Нет, он намерено вывел шлюзы из строя. Странникову было пятьдесят три года, а вёл себя как двадцатилетний пацан, полный идиот в биологии. И он читал здесь лекции наши студентам, повышающим классификацию! Он проверял чужие научные теории, которые здесь многие пишут. Он учил других космобиологии, когда сам ни черта не понимал и строил идиотские концепции какого-то двойника Земли. И это тайное общество было давно организовано, ещё в юности. Он все эти годы жил этими идиотскими идеями терраформирования Марса, когда никаких средств для этого нет, когда это просто опасно для жизни. А ребятам как-то надо сказать, нельзя же их в неведении держать, что кто-то дверь просто открыл». Так рассуждал декан факультета, пока ещё кандидат наук, смотря уже на своих студентов не прикрываясь. Он был в спецкостюме, фактически в лёгком скафандре с респираторами. Дышит он через специальные мембраны, не пропускающие бактерии.

– И что нам делать теперь с этим чудом природы? – спросила Оксана у декана с жутким волнением.

– Что мне с вами делать, – со вздохом спросил Эдуард Щеглов.

– Эдуард Викторович, Так что получается, взыскание будет?

– Цирк какой-то, в городе смертельная эпидемия бушует, вы в очаге, в эпицентре, а тут вы о взыскании думаете. Как вас лечить? Как вас лечить? В вашей крови бактерия, оттого у вас постоянные сомнения, и у вас неполадки со временем. Вы же жить должны у себя дома, а не в лаборатории. У вас обоих одно заболевание, вызванное марсианской лихорадкой. И никакого Фаэтона нет. Как и пришельцев, и вас лечить надо.

Сначала было лёгкое недоумение, словно ничего такого и не было. А потом всплыли из памяти серьёзные такие сцены панического настроения, когда фактически сразу после начала заражения, они целую ночь, видели странные космические сны, при этом жутко во сне кричали. Всё это время у них были страшные галлюцинации всяких духов, бродящих по ферме. А недавние случаи? Всего-то усталость. Всего-то прошла неделя, а за эту неделю они вот прямо сейчас какие-то уставшие, а что происходило за эту неделю – не помнят. Ну, принёс Странников эти семена. Точнее не сам, а прислал автоматикой. Робот какой-то приходил. Причём почему-то пара вбила себе в голову, что прямо из каких-то пещер, которые в глаза не видели. А как спали, что ели, какие таблетки пили, а что-то пили, какие-то действия были, даже что-то записывали на бумажках, – ничего не помнят.

Всю неделю страхи казались с какими-то другими причинами. Парень и девушка были убеждены, что в прошлой жизни они жили на Марсе, потом ушли в свой информационный мир. И там существовали в форме бестелесной цивилизации. Мало того, ощущали эту странную цивилизацию, и видели её во сне. Слабость вскружила голову, пара упала со стульев. И мгновенно начался вслед за этим припадок. Пена из-за рта полилась ручейком, ноги и руки дрожали. Тела их были скрючены. И глаза были вообще непонятно куда направлены. Как-то закосили они сразу что ли. Декан сразу же набрал в шприц мощное средство и влил вену сначала Семёну. Потом достал другой шприц и всё то же средство влил уже в вену Оксане. Правда до этого пришлось набрать код на сейфе, открыть его и достать это средство. Помочь оно может только слегка, т.е. снять приступ. Затем уложил их на диван, взял и надел ввёл специальный код для коррекции чипов, тут же увидел странности:

– Это что за вещества вот эти? Так, это же, по сути, по сути таблетка успокоительная. Это же вещество есть, где-то я у них видел. Ой, какая доза слабая. Надо только понять принцип работы бактерии. Бактерия воздействует на центр видения всяких сущностей. Так, берём и направляем нанороботов в этот центр связи с духами и блокируем бактерий, убиваем их. Для этого нам надо. Минуточку, ещё у них сон нарушился. Как это болезнь называется? Нарколепсия, когда засыпаешь прямо на ходу. Вот этот отдел, отвечающий за режим сна и бодрствования, повреждён. Нужно взять и изучить сначала, а у меня нет времени. Так рассуждаем так: тут сложный полимер есть. Этот полимер, назовём его полимеров Федоренко, испускается этими растениями. Нет, я без опытов не могу. Так, вот кровь, – кандидат биологических наук взял кровь, как у Оксаны, так и у Семёна, а потом стал выделять из сорванных лепестков эти самые полимеры. – Ай, мало их. Для опыта достаточно.

Сначала проверил, если бактерии. Они были зелёного цвета, как видно в электронном микроскопе. От того кровь была зеленоватого оттенка. Долго Эдуард цедил полимер. За это время он вспотел. И очень даже нервничал. Какой-то странный старичок сидел рядом с ним на стуле. Весь с белой бородой с седыми волосами. Картинка была в данный момент чёрно-белая.

– Так спокойно! Не спать! – крикнул Эдуард.

Взгляд старичка был серьёзный и с такой укоризной, с таким злорадством. И лицо типично русское и оттого знакомое. Одежда была типичного крестьянина начала

двадцатого века. Вот словно предок явился и тут контроль устраивает. Полимер выделился. Маленькие капельки полились в чашки Петри. Началась реакция. Старик кашлял и ругался на каком-то странном наречии. А потом и вовсе растворился.

– Что за старик здесь был? – спросил сам у себя декан, а потом закричал от счастья, что зеленоватая кровь стала алой. Он быстро посмотрел на поле, выбежал к цветам, без того напуганным, поклонился им до самой земли, щедро аж три раза и с криками «Слава Разумному Космосу!» стал рвать нещадно лепестки у цветов. Причём нарвал аж целое ведро. Долго вспоминал какой-то код и опять явился ему в этот момент какой-то Ангел с крыльями. Молодой ангел, с длинноватым лицом, узкими губами, широкими глазами и яркими жёлтыми волосам. Крылья такие роскошные и пушистые. Была странная форма со знаками отличия. Их он уже не запоминал. Руки сами вводили новый код уже в другом сейфе, где и хранятся нанороботы.

– Они же исцеляют нас, – тут же дошло до Эдуарда, когда дверца поддалась, –Так лучше вот этот. Он так раз от нарколепсии. Одна бутылочка. Я всю перепрограммирую. У меня так раз ведро. Так, не спать.

Теперь, когда кандидат наук Эдуард Щеглов выделял прямо из лепестков полимер Федоренко, вокруг слышались странные звуки. Бульканье, но это понятно, тут реактивы издают какие-то звуки. А тут слышно чваканье. Потом послышались другие частоты: словно пилили по металлу. Скрежетало до ужаса. Какая-то установка в уме у Эдуарда действовала, как-то крутилась и вертелась, и воображение рисовало дивные картины причудливого устройства. Будто-то бы медленно вращается в открытом цилиндре какой-то молот. Сам цилиндр из металла. Как и странный молот, зафиксированный странным образом в установке. Медленно молот вращается и даёт такой скрежет. Что это за бессмыслица? Можно подумать, что здесь завод, ну какой-то цех, где занимаются обработкой металла. Словно тут завод: вот такой шум стоит в голове. И шум вентиляторов в лаборатории, какие-то сигналы систем безопасности, включение и выключение клапанов, переключение каких-то миниатюрных устройств, проще говоря, рычажков. Ещё гудение компьютеров, гудение исследовательской аппаратуры. Тут же всё странно и необычно. Не должно скрежетать по металлу в любом случае.

Только вот полимер Федоренко выделился назло всем этим ментальным галлюцинациям. Осталось только запрограммировать нанороботы, а для этого надо сначала вылить два сосуда в один, потом поместить в электромагнитный резонатор. Этот резонатор включается и начинается реакция.

– А что тут происходит? – спросил Семён, находясь в жуткой растерянности, шатаясь, он стоял и смотрел на нового декана факультета биологических наук. Сюда приходил сначала один декан Странников, который умер, а вот пришёл другой уже какой-то. Новостей вроде как не слышал. Вообще так эти дни прошли, как будто ничего не произошло. Вокруг бушует эпидемия, а как именно она бушует?

Эдуард Щеглов взял и налил в два стакана нанороботов, приговаривая:

– Вы космонавты, без пяти герои страны, а тут надо сделать шаг и вы вот в таком состоянии. Взяли и выпили вакцину! Живо! Бойцы! Вы ещё десять лет как минимум в космосе работать будете! Сами посудите. Ведь Разумный Космос, в смысле Бог, специально где-то рядом взорвал сверхновую звезду. Нет, сначала он создал сверхновую,

потом развил её, взорвал. И из получившегося гигантского газового пылевого облака создал звёздную систему. Эта пыль и газ образовали сначала две звезды: нынешнее Солнце и нынешний Юпитер. Потом Юпитер остыл. Бог и планеты специально так расположил, и условия вам создал: кислород, азот, углекислый газ, динозавров, а потом из них нефть. Так скомбинировал нуклеотиды в ДНК, в смысле гены, чтобы вы не просто родились, а чтобы вы здесь оказались. Специально сохранил и возродил эту гелиону, чтобы вы получили премию, чтобы вы стали героями, чтобы вы стали знаменитыми. Всё так удачно складывается, и вакцину Бог вам в руки специально дал, вот прямо на блюдечке с голубой каёмочкой, в смысле в стакане вакцина!

Ошеломлённые такими речами студенты выпили залпом. Просто без пяти профессор говорил так убедительно и артистично, что невозможно не выпить. Это была натуральная актёрская игра, такой натуральный гипноз, что невозможно устоять. На вкус что-то похожее на странное вино из киви, такого китайского крыжовника. Нанороботы тут же стали лечить, и больной паре уже на глазах стало легче. Осознание того, что Бог создаёт ситуации так, чтобы из них выйти, медленно приходит в голову вместе с тонусом и бодростью, а так же активностью и свежестью. И приходится участнику такой комбинации просто идти туда и туда, и просто делать выводы, ощущая, что ты находишься в музее, а вокруг божественная красота. Вокруг красивая сенсация, вокруг такой аттракцион и ты главный участник. И тебе уже уготован данный приз. Осталось его взять. Ты просто наслаждаешься с ропотом всем этим музеем, понимая, что в любой момент не стыдно и не страшно его и покинуть, раз увидел такое. Божественная красота этих растений. Они были красивы и светили так красиво, будто всё понимали. А ведь понимали эмоции человека и как-то светящимися лучами успокаивали. Они решили всей семьёй, что если просто поговорить, то успокоишься. И светили так ярко. Только понятно теперь стало, что они всегда так ярко светят. Девушка, практически молчавшая две недели, да и до этого избегавшая общения, стала болтать резко с цветами. И становилось спокойно и даже радостно, что Семён, гелионы и декан, – все рядом. Только что там было с Фаэтоном – вопрос не этого столетия.

Все трое сошлись на мнении, что всё это иллюзии, что нет никакого Фаэтона, а даже если и был, то доказать сейчас это не реально. Все были уверены, что шанс уже есть спасти не только себя, но и весь этот безумный город Циолковский.

Декан говорил что-то диспетчеру из ЦУПа. Они там что-то согласовали, говорили о том, что есть, оказывается, время. Вот кто видит ситуацию со стороны, как диспетчеры на космодроме, и центр реагирования, центр координации действий колонистов.

Эдуард Щеглов сам выпил вакцину. А потом диспетчер сообщил код от склада с биороботами, резервного склада. И забрела надежда, но диспетчер сказал, что вакцины мало даже на этом складе. И что использовать надо всё равно с насторожённостью.

Щеглов всё равно делал вакцину, хоть диспетчер требовал провести исследования. Все трое были чрезмерно оптимистично настроены. Им казалось, что практически всё закончено. Найдена вакцина, придёт ещё помощь. И всё будет хорошо. И фиолетовые глаза пропадут. И жизнь пойдёт по-старому.

Оксана докладывала о том, что у растений есть коллективный разум. Что у них множество символов, чего-то там означавших. И жизнь уже потекла привычна. Ну, и

жизнь, обычная жизнь биолога идёт уже с этой секунды, только то, что цветы светят в темноте – вот главная проблема. Фиолетовые глаза – то же проблема. Но фиолетовые глаза пропаду, обязательно пропадут. Все трое с фиолетовыми глазами в это верили, только не понимали, почему диспетчер в это не верит. Слишком он как-то со стороны всё это видит.

Глава 8.

– А я тебе говорю, – говорил поляк Коморовский сосед Семёна, находя в комнате между двумя домами, – что это реальность и вот прямо сейчас она у меня в башке сидит. Огненная такая реальность, что есть эта цивилизация, которая нам противостоит.

Айннет с опаской в этот момент вошла в так называемую комнату переговоров. Вместо того чтобы вести переговоры, девушка разглядывала секции, стоящие по обе стены. Там стояли, лежали как в развёрнутом виде, так и в закрытом, так и в порванном виде книги. На полу стояли кучи книг, ваялись какие-то листки. По центру комнаты стоит большой стол. У прозрачной стены кресла и диваны. Вот на фиолетовый диван Оксана и села, держа крепко бутылку с лекарством на всякий случай. Видно, что везде эпидемия: у поляка больное измученно лицо, у серба постоянно дёргаются руки, литовец вообще бряхнулся спать прямо на пол, таджик с каким-то джином разговаривал. Хотя в комнате было всего шесть человек, и никакого джина не было. Поначалу Семён о чём-то спорил с поляком Коморовским. Коморовский говорил:

– Да надо идти до правительства и начинать переговоры, как земляне с фаэтонцами. Чтобы спецслужбы были. Нам нужны их технологии внушения. Да вот нужно, чтобы был пакт о ненападении. Тут политика, вот та самая политика.

Оксана сидит на диване и удивляется тому, как реальность проникает в голову, и хочется говорить, вот уста сами говорят:

– Ребят, я дико извиняюсь, но вот откуда столько бардака в палате?

– Какой палате, у нас, как его? – ответил Коморовский.

– Бардак, я же говорю, пройти негде. Все коридоры завалены.

– Да тут духи разноцветные, носятся по всему дому как ненормальные, и даже предлагают чего-то там. Есть доклад об цивилизации ангелов. Я о нём сейчас говорю. Вот как всегда, психопатологическая чушь очень гипнотизирует. Тут такая классификация, а вот вектор даже задан для развития общества. А схемы резонаторов для связи с ними. Тут всё занято докладами, научными, ну в какой-то степени, докладами. Даже до политики дело дошло. Круто так всё описано, что хочется скорее себе таблетку выписать, чтобы вот такой доклад сделать. Тут между прочем конференция по поводу Ангельской цивилизации, а ты тут о бардаке говоришь. Ты вон на, почитай доклад о теории, позволяющей при помощи генетических препаратов сотворить живого Ангела с крыльями и перьями, очень убедительно. Чего стоит фраза: «проверено на себе путём включения и выключения сегментов ДНК».

Мимо по полностью открытому коридору кольцевого единого дома пробежало нечто. Точнее попыталось, пробежать, Семён видел этого ненормального. Белые кудрявые волосы, жёлтые глаза, лицо в каких-то пятнах, одежда вся рваная и помятая. Вообще-то говоря, это бывшая пижама. Семён остановил его, и силой притащил к дивану, на котором сидела Айннет.

– Что это за чудовище? – спросил Семён, – Мы же тут одни только с тобой нормальные. Всё лицо в прыщах. И откуда они только берутся? А бородавка на шее, где-то три-четыре миллиметра. Ах, Боже мой, на щеке куча бородавок, можно сказать, что вся щека в бородавках. Но это ещё ничего, но ведь вся кожа зелёная, словно перед

нами реально пришелец. Противный больной цвет у кожи. Мутация тут что надо. Да ещё какая-то слизь.

– Чего? – спросил Коморовский, а потом вдруг неожиданно сказал: – Я вот что подумал, а что я сплю и просто во сне то, что объективно, а наяву то, что субъективно. Т.е. вот временные генеральные линии, призраки и вот эти провода мироздания, как их физики называют – суперструны – это есть реальность для меня.

– Как тебя зовут? – спросил Семён у рваного чудовища.

– Я это есть я, – ответило чудовище.

– Чего?

– Оксана, вот ты тут новенькая, – говорил между тем Оксане Коморовский, усевшись на кресло рядом с ней, – Вот ты знаешь, сколько временных измерений. Вот я насчитал три как минимум. Я когда-то жил в пространстве, а сейчас живу в многомерном времени, и я просто с тобой в качестве призрака.

– Семён ты скажи, зачем ты меня домой привёл? – спросил Айннет.

– Погоди, не истери, ради всего святого, – ответил тут же Семён, а потом вновь спросил у пижамного чудовища, всего испачканного: – Ты кто, с какой квартиры, кем работаешь?

– Айннет, так как мне быть: сон – это реальность, а реальность – это сон. И в реальности я лечу по временной оси до Фаэтона, а во сне я с вами разговариваю. А где портал на родину?! И где моя родина?! – последние слова поляка произнёс так громко и скандально, с таким ужасом, что потерял самого себя, свою сущность, своих предков, своё главное богатство. Он повторял эту фразу пять раз подряд: – Где моя родина? Где моя родина? Где моя родина? Где моя родина? Где моя родина?

Айннет взяла с пола валявшейся на боку хрустальный стакан, налила нанороботов по полной со своей бутылки и дала Коморовскому:

– Бери и пей, а потом поговорим.

– Что это? – не понял Коморовский, но выпил.

Все четверо: Коморовский, Федоренко, Айннет и пижамное чудовище смотрели друг на друга с одним вопросом: что вообще с ними происходит?

– Вот! Вот! – сказало чудовище, Семён так и не смог понять, кто он и откуда, а парень начал в рваной пижаме говорить, читая свой манифест: – Объективной реальности не существует! Мозг обманывает сам себя. Вселенная – это информационная модель, которую сам мой мозг создал! Нет других звёзд, нет и Солнца, планеты да всего нет! Нет материи, а есть лишь информация! И я создатель информации! Есть только те законы, которые мы все создали коллективным сознанием! И наших тел не существует! И мы сами создаём себя! Есть только информационные измерения! Да даже времени нет! Мы его тоже выдумали! Всё это – продукт нашего воображения, даже Боги и дьявол, даже сам история! Да вот этот ваш Фаэтон, он же Марс, он же Нибиру – всё это воображение. Весь мир мы сами коллективно воображаем! И материальной вселенной не существует!

– Киви понравился, только почему он жёлтый? – ответил Коморовский уже спокойно, – вы биологи что-то там нахимичили, киви зелёного цвета. И киви выращивать здесь не возможно согласно плану.

– Я хочу избавиться от галлюцинаций! – крикнул парень в рваной пижаме и вскочил, оттолкнув Семёна, и отбежал в сторону, найдя нож: – Материальное ощущение нужно убрать полностью! Человек изначально райской эпохи Эдема был информационной субстанцией и потому надо вернуться к первородной информационной субстанции. Ведь если я ощущаю объективную реальность, то я болен, если объективной материальной реальности не существует. И единственный путь избавление от этой болезни это избавление от ощущения физического тела! И я стану информационной первородной субстанции! Все ощущения материальной реальности – это иллюзия, а точнее навязчивая галлюцинация! Я даже сам себя фантазирую. Я вот сфантазировал физические ощущения своего тела! А его-то нет, есть только информация в моей башке. И она должна править мною, а не галлюцинация моего тела! Чтобы лишиться материи и стать информацией, нужно взять и убить себя. Сама информация останется, а тело исчезнет.

Коморовский думал о том, почему киви жёлтого цвета, ему было не до того, что парень взял нож в руки и собирался попасть прямо в сердце. Он держал в руках нож и целился в сердце. Семён и Айннет, да даже Коморовский видят черноту вокруг тела странного безумного человека. Время для Семёна остановилось. Была полная тишина в голове, не смотря на то, что парень орал по-звериному на таких децибелах, что у Оксаны было ощущение инфразвука или ультразвука. Семён умудрился в застывшем времени правильно рассчитать свои движения, рассчитать силу и наброситься на парня. В результате оба остались живы, и нож лежал рядом на полу. Даже пореза не было. Оксана встала уже тогда, когда оба лежали на полу. Сомневаясь в том, что было в эти две недели, Оксана положила нож на стол, а потом, передумав, спрятала в карман своей мастерки.

– Где-то должны быть верёвки или пояса, – сказала Айннет.

– Давай быстрей, он же вырывается, – ответил Семён, с силой держа руки парня.

У Айннет было полное ощущение, где должна быть верёвка. Она разбросала, к чертям собачим книги, и под ними нашла моток верёвки. Уже связанного через некоторое время парня положили на диван.

– Коморовский, – вдруг сказал Семён поляку, который как бы ушёл глубоко в себя: – Ты чего застыл. Таблетки, где твои?

– Почему киви жёлтого цвета? – ответил вопросом на вопрос Коморовский. Он с трудом выходил из какой-то норы восприятия. Как бы чернота пациента молодого врача загипнотизировала, да к тому же глаза фиолетовые видят эту странную электромагнитную энергию. Коморовский медленно приходил в себя. Ещё сделал большие глубокие вдохи, потом выпил значительную долю нанороботов.

– Сядь, сейчас объясню, вот сядь справа, а я слева, тут самоубийца есть один, оказывается.

Они так и сидят: Коморовский справа, Федоренко слева, держа крепко больного самоубийцу, а Оксана вливает жёлтых нанороботов в рот самоубийцы после таблеток Коморовского, при этом приговаривая:

– Сейчас фотки посмотрим и убедимся где реальность, а где больное воображение.

Оксана взяла и подключила смартфон и стала смотреть со всеми какие-то странные фотографии. Одни фотографии были вообще непонятно о чём. На них были просто какие-то блики и линии. Все от ярко жёлтого до красного цвета. Таких испорченных фотографий навалом на карте памяти. Вот чёткая фотография, где изображён контейнер с семенами. Он появился на экране уже тогда, когда пижамное чудовище.

– Я не пойму, – говорил Коморовский, – ты НЛО у себя на ферме сфоткала?

– Чего? – не поняла Айннет.

– Ну, плазмоиды – это ясное дело, а что за семена?

– Вообще-то исконно марсианские растения, цветочки какие-то светящиеся. Листья как у огурцов, только в одной плоскости, стебель один вертикальный и толстый, на котором светящиеся в форме звёздочек цветочки. И у них есть речь, – Оксана понизила тон и вовсе на последней фразе остановилась, так и не окончив предложение. Потом долго смотрела как быстро, по фотографиям это было видно, быстро росли так раз непонятные растения.

– Тихо, минуточку, – Федоренко тоже с трудом соображал, а потом спросил: – Слышь, Коморовский, а что ты за таблетки чудовищу дал?

– Я медик, минуточку, так на коробочке написано должно быть, – Коморовский смотрел на коробочку, а потом зачитал надпись: – Восстановление режима сна и бодрствования. Минуточку, так я не спал. Я вот всё думал, что за хрень у нас. И пришол к выводу, что нарколепсия. Так раз нарушение сна. Человек может заснуть сразу же на ходу, что-то там у таких больных со временем то же бывает. Да и вот такие ощущения гиперболизированной первичности информации. Так почему киви жёлтого цвета?

– Декан нашего факультета, – стал спокойно объяснять Семён, – создал вакцину на основе полимеров, которые позволяют победить FH1N1, ну твою бактерию. Вот это и есть та вакцина из цветов гелионы. Смотри, какая гелиона красивая.

Коморовский скептически посмотрел на парочку и спросил:

– И нарколепсию у него вылечит? Это же длительный курс реабилитации. Инвалидность второй группы минимум, да не смеши меня.

– Ну, вакцина конечно сразу феноменальные способности по самовосстановлению не включит. Но нам помогла.

– Да сколько в вас FH1N1? Он же пьёт не просыхает, вот в нём столько всего. FH1N1 размножается в спиртовых растворах. Вы спирт пили?

– Нет, делать нам больше нечего.

– А я отчёт составлял, до Щеглова-то дошёл.

– Какой отчёт?

– Об эффективности кое-каких нанороботов. Понимаешь, вакцина Щеглова действует только на таких как вы, у которых иммунитет по сильнее. У вас всего лишь лёгкая усталость и слабость. Это он вылечит. Это как капли на основе валерьянки, а нужен препарат на основе диазепама. Понимаешь? Так что нужно работать.

– Концентрация не та?

– Ну да. А что ты думал? У многих серьёзная эпидемия. Вон смотри, – Коморовский показал на проходящую мимо девушку, которая, не дойдя до стула, рухнула прямо на пол. – Если бы не доступ к таблеткам и правильное лечение, со мной

вот это было бы. А вы почему так не падаете, да вывод ясен по вот этим цветам. Вы столько времени там провели, а цветы реально излучают вакцину. А мне приходится с больным зрением людей лечить. Так что Щеглов конечно молодец, но видимо придётся либо помирать, либо всё делать самому.

Айннет смотрела на фотки дальше, где уже изображены светящиеся цветки. Она уже сидела на кресле, держась за сердце. Ровными рядами шли растения, которые по-разному светились, да так ярко. Были ещё какие-то графики, какие-то таблицы, какие-то диаграммы. Нашла видео, где кошка ночью носится по малому залу фермы. Чувство реальности на этот раз не покидало троих космонавтов, а, наоборот, с каждым видео и с каждым графиком или с каждой фоткой проникала с острой болью в сердце м мозг, создавая гигантское ощущение страха. Надо бы радоваться новому открытию, новым свершениям и победам, ведь чувство реальности не понапрасну сигнализирует о сенсации, но чувство страха ответственности за себя и за других не покидало всех троих. Их нервы, словно литые диски, звенят на крутом повороте. Все нервы звенят, голова гудит и так болит. Руки трясутся. Коморовский чесал затылок, о чём-то думал. Медленно сознание совершает революцию. По ощущениям проходит два часа времени этих мысленных рассуждений о том, что происходило. Семён щёлкал по фотографиям, делал выводы и рассуждал о том, что он сделал. Выяснилось, что вся речь световая существует, но только надо расшифровать. Язык, действительно непонятный уникальный и какой же красивый, проникает прямо в сознание вместе с тем самым запомнившимся запахом этих цветов. Все только ругались матом и смотрели фотки. Бутылка целебной вакцины быстро кончилась. Только удивлялись все, что на фотках видно.

– Так был ли этот инопланетянин тогда? – спросил Семён.

– Да весь день, когда это было, – говорил поляк Коморовский, – я видел инопланетянина, он приходил ко мне и дал какое-то устройство. Я его запомнил: вот какое кольцо голубое, на кнопочку нажимаешь, и оно светится. Только он и был и не был одновременно, то ли инопланетянин, то ли видение. А может это был уже сон.

– И к нам вот приходил. Только он реально был. Вся проблема в наших глазах. Они способны видеть частично гиперпространство. Мы определили, что и наши глаза, и твои глаза видят электромагнитные эффекты биополя живых существ.

– Ой, типа я не догадался, – ответил Коморовский.

Оксана, Семён и Тадеуш Коморовский удивлялись тому, что происходит последние две недели. Ориентируясь по датам на фотках, замечая какую-то систему в фотках, восстанавливали события. Коморовский отдыхал, жадно ловил каждый кадр. Даже что-то пытался понять, что говорят цветы. Даже пытался что-то записать на бумажке, благо, что их полным-полно в комнате переговоров. Жадно ловил с любопытством каждый график по любому измеряемому параметру.

– Ой, как же хочется увидеть их, – всё твердил Коморовский. А потом уже сразу же дошёл до фермы вместе с Семёном и Оксаной. Вдруг Коморовский воскликнул: – Так это же, твою мать, реальность, и как это же, твою мать, как это сюда попало?

– Они из вечной мерзлоты, – говорил Семён, так и не решаясь подойти к цветам. У всех жуткий страх неизвестного. А вдруг действительно опасно и смертельно. Бывают такие цветы и на Земле, когда их коснёшься, то получаешь смертельную инъекцию в

кожу. Кошка Маша гуляла в это время по полю, ничего не замечая. Трогала лапами листья, жутко похожие на огуречные, даже мяукала. Да так ласково и нежно, словно пылинки сдувала. Увидев кошку вдали, вдруг Семён сказал Коморовскому шёпотом: – Слушай, вот такие плачи и крики у Оксанки постоянные и надо как-то показать, что мы же, ну понимаешь, всё-таки мужики, и мы можем совершить подвиг, вот взять и начать трезво изучать неизвестное и, рискуя собой, хотя, что я говорю, мне самому плакать и орать хочется. А Оксанка уходит порой куда-то и начинает кричать и реветь. Поревёт максимум полчаса, а потом приходит и ведёт себя так, будто ничего не было только что. Однако я ей горжусь. Она первая вышла из плена галлюцинаций, а точнее поняла, что мы все видим. Я бы до этого не додумался. У меня тоже был момент….

– Ты держись, ты говори, – ответил поляк Семёну, – Надо говорить, не держать этот страх в себе. Понимаешь, а почему мы решили, что совершают подвиги только те, кто совершает одни храбрые смелые отважные действия и там поднимают штанги, рвутся в пожар и спасают людей? Понимаешь, рефлексия, порой, такой же подвиг. Вот Эйнштейн, разве он не совершил подвиг? Ага, Эйнштейн, или там Менделеев. Они совершили свой подвиг по-другому, они перевернули свою собственную научную систему, понимаешь? Они взяли одну систему понятий и заменили другой. И никто не говорил, что их примут, что им сразу дадут такую премию. Вот Эйнштейну при жизни не сказали, что вот мы сейчас возьмём измерим гравитационные волны, построим к тому же гравитационные излучатели и будет летать, сам понимаешь как. Они его на смех и чуть ли не на Голгофу. А когда гравитационные волны были открыты. А гравитационные излучатели изобретать они все, да так и не думают. Вот какой подвиг совершают учёные: они как пророки идут порой насмерть за свои идеи. А как знаменитые медики на себе проверяют вакцину. Учёные совершают большие подвиги, они как пророки ведут общество, вот всех этих идиотов, в будущее. На героях проверяется Высшими силами вся наша цивилизация. Ведь все герои – они инспекторы Высшей воли. Вот во всех нас сидит архетип инспектора той самой Высшей воли. И не нас будут там проверять, а именно мы. За нами в любом случае будущее. По крайней мере, мы уже выпили именно эти цветы, и именно эти цветы нас, по крайней мере, не погубили. А в данной ситуации, быть нейтральным какому-то веществу для организма ничто не может, значит в них спасение. Конец близок всем вашим глупым теориям, что мы произошли от Адама. Нет, конечно, произошли евреи от Адама, только кто-то так или иначе шприц ввёл в вену обезьяне. И это был явно человек, только вот не Бог, ибо Бог выше какого-то там шприца! И как бы вы все спецслужбы Марс не засекретили, истина о том, что здесь была жизнь, что здесь, вполне возможно, и была цивилизация, всё равно мы как дерево сквозь бетон прорастём. И народ, рано или поздно, узнает всё, что здесь творится. Хоть я именно этого и боюсь, но за нами Высшая сила. Я вот прямо её сейчас ощущаю. Словно кто-то моими руками руководит. Итак, всем встать, и пошли расшифровывать эти божественные растения! Проверим их разум!

Они пошли в лабораторию все трое, к тому времени уже сумерки созданы были искусственным Солнцем. Они вышли на камеры скрытого наблюдения за полем и смотрели, как цветы светили друг другу, а кошка с ними болтала.

– Это красиво, и сколько комбинаций, – говорил украинец Федоренко, – не может быть, чтобы они не были разумны.

– Нет, ну ни как люди, – вставила Оксана, осознавая буквально всё, что есть объективно, – мне кажется, что мы перепили этого чудного напитка. У меня слишком серьёзный горизонт осознания. Вот я осознаю сразу много, и оттого болит голова.

– Айннет, у всех нас такая проблема, – говорил Тадеуш, всё-таки нужно было сказать что-то нужное и важное этой девушке, – всем мы инспекторы Божественной воли и уже герои. И нам можно и позволительно иногда пустить слезу. И это слёзы и истерики не только из-за своих фиолетовых глаз и того, что они показывают. И я из-за этого смирился и понял, что это значит. Мне явилось то существо из другого времени и всё объяснило. Но слёзы пускаем мы из-за своей эмпатии. Мы слышим, что творит народ вокруг нас. Народ деградирует и я, и ты, и все нормальные плачут сейчас из-за того, что элита общества, сами космонавты нажираются до скотского состояния. Мы герои и нам позволительно полчаса, пока никто не видит, реветь в закрытом помещении. В нашей голове есть мощная антенна под названием эмпатия. Именно это нам мешает. Именно это нам может помочь. Именно это новая ступень в эволюции. Именно мы новые люди. И точка. А значит работать, не ради тех ублюдков, а ради тех, кто хочет спасти, и ради тех, кто придёт на смену нам.

– Неужели хроноид – это реальность и мы можем путешествовать во времени мысленно? – спросила Айннет, чтобы отвлечь Коморовского, у которого слезились глаза от осознания своей миссии.

– Девяносто пять процентов человек не могут, а пять процентов – да. И хроноид есть. В этом я не сомневался как медик. Многие мои больные, которых я лечил, тоже путешествовали во времени. И только их вся проблема в том, что они не осознавали всего. Ну, как их воля не управляла машиной времени, т.е. хроноидом. Вот если ты в медитации совершаешь погружение в прошлое и осознаёшь, что это воображение, что эта информационная реальность, которая отдельно, а ты отдельно. Вот тогда всё нормально. Есть такие медитации, и они лечат твою душу, так что хроноид в твоей душе есть. И временные линии есть. И петли есть. И узлы есть. И три измерения времени есть. Ну, всё логично: как петли, узлы и линии описать, если использовать одну координату. Тут три нужно координаты. Есть участок мозга, отвечающий за ориентацию во времени. Это и есть хроноид. Только во время такой болезни хроноид управляет тобой, а не ты им.

В этот день, а точнее уже в эту ночь все трое расшифровали явно сначала пять световых элементов. К примеру, нисходящие световые сигналы – это дождь, сигналы в шахматном порядке – пространство, световая спираль – это время, и неважно пока, движется эта спираль вверх или вниз. Было ощущение, что цветы гелионы явно что-то активно обсуждают. Оно и понятно, что цветы следят за кошкой, за её перемещениями кошки, за её «мяу», «фрр» и прочими сигналами. Благодаря кошке Марусе удалось понять, что у цветов гелионы есть какое-то коллективное сознание или же стадное чувство. Конечно, это ещё пока не точно, но то, что во всех этих световых сигналах есть какая-то система. Как косяк рыбы совершает движения в воде, так и гелионы совершают при помощи световых лучей такие световые чудеса. Каждое растение как отдельный элемент является шестерёнкой для всего поля в целом как для механизма. Долгое

время всем троим, казалось, что кошка является лидером этих зарослей. Так представитель Земли общалась с представителями Марса.

Неожиданно троица взяла по три горшка, больших таких с узорчиками. И пересадила в них по кусту в отдельный горшок. Вдруг сбрело в голову, что нужно отнести все горшки в переговорную комнату на своём этаже.

– Мигают, значит, напуганы, – сделала выводы белоруска Айннет.

– Так они часто так мигают, – ответил Семён, уже держа в голове что-то наподобие системы. Мигающие цветы поставили на стол в переговорной. Поляк и украинец пошли спать, а белоруска Айннет осталась и закатила опасную тихую истерику:

– Всюду опасность, более серьёзная, нежели я думала. Я опять в эту ночь начну шататься по временным линиям. Как они меня достали! Меня достало всё! Я не могу больше жить! Мне страшно, мне жутко страшно, у меня такая паника в глазах! Я боюсь всего, а больше всего я боюсь этого хроноида. Хочу тихо спокойно умереть. Раз и всё.

Цвет сначала просто мигал всем сигнальным стеблем, так назвали этот орган теперь уже официально. А потом давал понять, что наблюдает за Оксаной. Девушка встала, прошлась по комнате:

– Я боюсь всего и сразу. Я осознала всё и сразу. И чего я боюсь? Я наверно боюсь ответственности. От того и истерика. Ладно, что ты там мигаешь?

Девушка взяла и включила нервно лампу. И что тут началось. Больные столпились вокруг неё поближе и с заспанными глазами стали что-то спрашивать. И девушке пришлось объяснять всё, что может прийти в голову. И кто такие Ангелы и бесы. И теорию Ангельской цивилизации проверить. Сухо отвечая на вопросы, Айннет вдруг взяла со стола тарелочку с картошкой, селёдкой и свежими огурчиками. Она с таким аппетитом и азартом стала жрать. Вкусная нежная селёдочка проникала в рот. И с таким возбуждающим наслаждением и вдохновением в глазах, Айннет ела, намеренно чавкая, а порою напевая какую-то песню. Постоянно вытирая тряпкой подбородок, Айннет пила вдобавок горячее какао и с вдохновением и участием медика, просто выслушивала больных и поедала всю тарелку. Глаза аппетитно сверкали, и это было видно в зеркале, как в тёмной комнате сверкали Оксанины глаза ярким фиолетовым светом.

Страх за себя и то, что будешь постоянно путешествовать во времени, быстро ушёл. Раз картошка в рот и то, что мучало тебя в голове, проникает просто обратно в подсознании. Ещё кусок селёдки и то, что все в таком положении и бродят как агент времени по виртуальному миру, проникло к тебе в сознании. Ещё огурчик, и ты уже видишь этот жёлто-зелёный огонёк цветов и начинаешь вещать. Сами слова не идут, а идёт демонстрация поедания еды с преднамеренными вздохами, миганиями глазами, быстрыми жестами, учтивым и почти любящим взглядом. А главное такое умеренное обаяние и маска кротости. Только и слышит толпа фразы соглашательства и понимания, сочувствия и теплоты. Перед толпой сидел не сверхчеловек, а обычный человек просто с фиолетовыми светящимися глазами. Поедая остатки картошки Айннет, девушка пыталась настроить своё сияние силой мыслей. Она пыталась силой мысли изменить своё биополе. И именно пульсирующий оранжево-жёлтый, а то и серо-зелёный цвет некоторых завораживал. Эмоции при поедании остатков еды, умеренно сдерживаемые,

стали поражать людей. Через десять минут девушка взяла и поставила пустую тарелку на стол.

Глава 9.

Тихо и спокойно в аудитории, в которой находилось только четыре человека: Оксана Айннет, Семён Федоренко, Тадеуш Коморовский и Валентина Миронова. Последние два с такими намёками смотрели друг на друга. А через секунду уже сидели обнявшись, рассуждая о чём-то личным, словно не было эпидемии и истерики.

– Так, всего четыре человек? – спросила лектор Татьяна Владимировна Веронько, вошедшая в аудиторию. Она была деканам медицинского факультета, в котором в том числе получали новую специальность и проходили переподготовку. – Ну, что же, начнём. Во все времена считалось, что временная координата в нашем мире всего одна и больше координат не существует. Согласно новейшим исследованиям квантового мира: есть как минимум три временных измерений. И частицы электроны в особом состоянии переходят из пространства в многомерное время. Там он зависает, уж извините за жаргон, и мало того, электрон за счёт особого состояния возвращается в прошлое или переходит в будущее, мало того, за счёт многомерного времени меняет свои пространственные координаты. Наш синхрофазотрон в Циолковском смог восстановить прошлые состояния электрона, как и получить будущие состояния того же электрона. Таким образом, машина времени на квантовом уровне работает.

Дальше с ужасом четвёрка вспоминала, что часы врали в течении больше двух недель постоянно. И их постоянно, главное, кто угодно пытался подкорректировать. Какие угодно силы управляли часами: то гравитационные волны, то пси-волны, не исключено и такое, то нейтрино, то просто ручная коррекция. Атомные часы не просто считалось время, а что-то там измеряют. И на состояние атомов цезия может повлиять всё, что угодно. Вот в особенности гравитационные волны, электромагнитное поле, довольно-таки сильное, радиация, да много чего. Есть куча книг по атомному способу измерения времени.

Так что факт налицо: здесь аномальная зона и все вроде как уже предупреждены, что приборам верить нельзя. Но пока город не погрузился во тьму. Не разрушился из-за гравитационных колебаний. Удивительно, здешняя природа дала истерику, и только время сбойнуло.

Что-то здесь непонятное. Вместо того чтобы осознать то, что происходит с автоматикой в городе, со снабжением едой и водой, а также с плутонием. Вопрос почему-то крутится один не только у четверых студентов, а уже у лектора: а причём тут Фаэтон и цивилизация, погубившая саму себя и планету с биосферой. Минут десять Татьяна Владимировна показывала опыты с квантовой машиной времени. Показывала скучные графики, показывала какие-то таблицы и сложные формулы, а потом с формулировкой «и человеческого сознания это тоже касается» перешла резко на другую волну:

– Есть с точки зрения физики Эйнштейна мировые линии. И вот с позиции физиков мировые линии соединяются в единую мировую линию в душе человека при его рождении, и потом распадается на миллионы во время смерти этого человека. Это вы и называете генеральной временной линией. А теперь наши выводы по поводу времени, хватит мучать своими умозаключениями физиков, но знайте, что все ощущения, видения и даже галлюцинации возникают не на пустом месте. И в психологии есть причина и

следствие. Есть на самом деле тот самый хроноид, т.е. машина времени, которая сидит в мозгу у каждого человека. Эта машина времени ежесекундно перемещает вас то в будущее, то в прошлое. Машина времени наиболее совершенная, как даже теоретически рассчитанная физиками. Потому что сама временная линия ваша действительно имеет множество узлов и петель, а так же таинственных связей с другими людьми. Просто так человеческая психика кодирует, т.е. изменяет время. Это происходит на квантовом уровне. Мы обладает мощным потенциалам, что даже влияет на информационное поле, порождая цепи событий, даже не замечая этого. Т.е. мы сами реально влияем на время так, чтобы приблизить одни события, записанные в далёком будущем, и отдалить в это же отдалённое будущее другие события. Короче говоря, есть же, вот на снимке видно, есть участок мозга, так называемый хроноцентр. Он отвечает за ощущение времени. Именно это центр, а так же эпифез повреждены у наших граждан. И фиолетовые глаза – это защитная реакция организма на попытку бактерии FH1N1 убить человека. Фиолетовые глаза более совершены и видят пси-спектр. Благодаря исследованиям Коморовского, мы выяснили, что у всех тех, у кого есть фиолетовые глаза, есть большая активность гиппокампа, т.е. височных долей, отвечающих за сопереживание и вообще генерацию эмоции. Т.е. информация от фиолетовых глаз идёт напрямую как-то именно туда. Так что у нас всех и есть особенные каналы, которые позволят выжить в обществе. Если у обычных людей с обычными глазами, такая пси-антенна средненькая, ну, максимум маленький радиоскоп. А у нас радиоскоп гигантский.

– Соображают ли гелионы по поводу своего прошлого, – начал Семён от той скукоты, что устроила декан медицинского факультета.

– Генетическая память…, – стала рассуждать Оксана, воодушевляясь словам лектора. Теперь надежда сверкала розовыми лучами. Раз Природа включила особенные гены, о которых между тем говорила лектор, то это зачем-то нужно. Вот только как жить с этими глазами и этими пси-эффектами. И чтобы отвлечься от негативных мыслей, Оксана говорила: – Ну, гены помнят всё, но не все же гены мы контролируем. Мы порой можем сами сказать то, что не обдумали и не проанализировали. И действительно это так: вот коллективное сознание наше даёт бессознательные сигналы отдельным личностям. Это видно по толпе манифестантов. Или по церемонии соблазнения. Да во всём. Наш мозг ведёт тихую бессознательную жизнь, генетически заложенную предками, может быть и Фаэтоном. Так что навряд ли гелионы сообразят, что посылают нам, какие сигналы. Я поняла, что, безусловно, у гелионы есть сигнальный световой алфавит. Там так раз тридцать четыре буквы. Одни буквы являются статическими, другие динамическими. Всего их ровно тридцать четыре. Ну, отсутствие свечения – это пробел.

– Нет, я всё понимаю, – не выдержал поляк, – но цветы тут причём?

Айннет перечислила значения букв, соотнеся их с буквами русского алфавита. Веронько честно призналась, что это странные соотношения и без практических доказательств невозможно это приложить к её же работе. Опять напомнили про режим дня и ночи, про научную деятельность и про то, что могут списать на Землю. Кстати, некоторых уже списал. Ой, тьма тьмущая и в том числе то пижамное чудовище, уже вымытое и одетое в форму пилота межпланетных линий Иванова. Сам пилот, который должен был патрулировать ближний пояс астероидов, был фактически эвакуирован. Не

справился с ответственностью и вёл странный образ жизни. Привёз сюда алкоголь, который уже изъяли у всех. Устраивал он в доме непонятно что. И его там, на Земле проверяли и посылали сюда как одного из самых опытных пилотов-космонавтов.

Этот Иванов словно планировал этот бунт против самой природы космонавта. Он забыл о том, что космонавт сам по себе не является уже давно героем. Ведь нужно не просто вылететь и прилететь, а нужно совершить здесь исследование, составить гипотезу, получить какие-то материалы для исследования. А ничего нет. Одна долгая бесовская пьянка на весь дом-кольцо, с драками, с порчей всей робототехники, датчиков. А ведь имущество-то казённое. Жил пилот на первом этаже, и там испортил всё, до чего мог дотянуться. Потом перешёл сразу на пятый и хотел там всё испоганить.

Коморовский и его девушка пришли в деканат и стали получать всё от той же Татьяны Веронько какие-то официальные бумаги. Целую кипу дала, потом ещё они дали дала что-то там, какие-то там бумаги. Оксана и Семён в это же время проводили такой же ритуал у декана Щеглова. Они расписывались в каких-то папках, получали даже какие-то оценки, всё-таки университет. Щеглов дал напечатанные на 3D-принтере робототехниками три робота гелионы.

–Правда прошивка роботов слабая, – говорил Щеглов, смущаясь, будто в это есть его вина, – кодировка есть и тридцать четыре символа имеются. Роботы светятся этими символами и передают сигналы. Правда, пси-излучения нет. И вам придётся полностью программировать световые сообщения и так взломать их язык. Всё, что могу. Но по поводу доклада.

Учёный рассматривал доклад молодых биологов:

– Вот вырезать бы надо видения этого пси-спектра, но ладно. Трактовка этого спектра и свечения сигнальных столбов кое-где совпадают, а кое-где нет. Вы просто наблюдаете коллективное сознание, но не прикасаетесь к нему, а лишь наслаждаетесь своим собственным ощущением пси-спектра. Нужно принять пси-спектр как реальность и начать изучать гелиону. Просто взять и вмешаться в коллективное сознание наших зарослей и через шпиона повлиять на них. То что растения говорят о дожде, засухе, делают анализ почвы, фиксируют ваше появления, изучают других животных, – это всё хорошо, но это поймёт нормальный школьник. Правда, школьник не сделает систематизацию этих наблюдений. А у вас она есть. Но семантическое пространство, т.е. пространство смысла для этих знаков намного больше, чем ваши выводы. И множество символов просто неизвестные. Я ваши изыскания только начались. И я вас не прошу сразу книгу издать, но вы должны её написать сами и издать. Это будет в будущим, но вы сможете. А расшифровку проводите. Вторгайтесь в личное пространство растений и дайте мне больше информации. Ваш вывод о том, что послание фаэтонцев есть и они передаются на бессознательном уровне – просто прекрасен. Из ваших изысканий я делаю вывод, что их светопреставление – это сновидения растений. Только чем они видят сны – это я должен выяснить. Я нашёл в растениях особенные клетки, которые и позволяют так светить. Я нашёл особенные клетки, по-моему, это нейроны. Эти нейроны я нашёл повсюду. Т.е. сознание растения гелионы распределено равномерно по всему телу. Так что у них есть, чем мыслить. Нейроны не такие медленные, как я думал.

Перспективы написать книгу о гелионах вскружило голову и Айннет с Федоренко стали быстро планировать то, как будут расшифровывать и пошли домой. Там встретили в комнате переговоров монаха. Ошеломлённый Федоренко увидел первым попа и спросил его:

– Минуточку, а церковь тут откуда?

– Официально, да уже давно, ответил отец Георгий, – я отец Георгий, вот прибыл уже как месяц. Я из Валаама. Был сиротой, мать и отец сгорели. Пришёл в монастырь сам да там и остался. Вырос и с восьми лет стал познавать Бога. А к хвори этой у меня иммунитет есть, не поверите, но есть. Только лёгкая слабость и замкнутость в себе. Я всегда был сильным, сколько себя помню, ведь силён духом и силён телом. А седьмого января ко мне пришло знамение: подай заявку в город на Марсе. Я через неделю, когда услышал рекламу по телевизору, подал заявку, а потом завертелась. Меня как угодно проверяли и взяли. Я понимаю, что я должен лечить, но как вылечить Иванова, который испортил, прежде всего, самого себя. И тем самым подставил себя под удар. Для него главнее всего наслаждение, вот и погубил этим наслаждением самого себя. Я же видел, как он напивался и буянил. Вот у меня за месяц ни разу чувство времени не померкло, ибо силён духом я.

Семён потребовал, да так весело и задорно, чтоб не обижался:

– Отец Георгий, а журнал наблюдений собственного состояния у вас есть? Я, кстати, Семён Федоренко, биолог.

– Да вот, всегда с собой ношу. Вот всё, что я записал в свой дневник. Первые пять дней я ощущал усталость.

– Ну, это период адаптации.

– Вторые пять дней я исследовал уже город. И записался работать медиком, а именно психологом. Ой, сколько я всего выслушал за эти последние две недели.

Семён удивился, но отец Георгий чётко по часам и даже минутам фиксировал за время эпидемии время. Чётко и логично делал выводы. Вся эпидемия как на ладони. И даже попытка построить графики колебания времени. Айннет, увидев это, вдруг сказала, не выдерживая:

– Отец Георгий, почему я постоянно чего-то боюсь, – показывала Айннет на цветы, – вот их хочется из Земли выдрать.   И хочется постоянно спать. Постоянно просто лежать на кровати. Я никак не могу отрефлексировать то, что произошло с Фаэтоном. Меня пугает Фаэтон и сами славянские Боги. Я осознала, и это для меня реальность, что всё-таки Фаэтон, т.е. обитаемый Марс был. И я не могу признать то, что вот те, кто участвовал в крушении Фаэтона, те и возродили жизнь на Земле. А это в голову не вмещается, а от того, мне и не хочется работать.

– Тебе, – стал говорить отец Георгий, – понимаешь, как тебя?

– Оксана Айннет, биолог, – ответила девушка робко. Она всегда говорит робко. Всегда с большим усилием делает шаг навстречу. И это многих всегда настораживало, что она всегда одна, всегда обособленно и не участвует в спорах и дискуссиях. А дальше девушка стала жаловаться на жизнь, активно говорить о своих ведениях и болезни. У девушки действительно было куча сомнений и тревог, не только по поводу этих самых цветов, но и по поводу всего своего прошлого и будущего. Она была в тихой истерике,

осознавая, что жизнь это гигантский лохотрон, где всюду иллюзии и враньё. Мучала не только иллюзия планетарного масштаба, но иллюзия частного характера. Оказывается, когда девушка улетала в космос, её мать и её отец активно между собой скандалили. И девушка наугад отправилась письмо в медкомиссию, чтобы примерить обоих. А они уже разводятся и судятся друг с другом из-за дачи. Отец пьёт нещадно и говорит такие странные вещи, будто вся эта жизнь совместная была обманом и все они втроём чужие люди, и не просто прохожие на рынке, а даже враги. А всему виной алкоголь. Мотива напиваться Айннет не видела в письмах матери, но под нанороботами всё ощущала и понимала. Вот только сказать, а что сказать? Всю жизнь она лодырничала и выполняла чужие задания. И не может толком даже сама обед приготовить или убраться. Её главная заслуга только в том, что она в универе хорошо училась на биолога. А теперь, когда надо реально работать, а не тупо заучивать конспекты, то теперь и руки опускаются, потому что не привыкли трудиться. Неожиданно вскипел чайник. Какой-то больной налил его водой, принёс сюда и включил, а потом уснул. И разговаривающие трое трезвых человек на упавшего в сон больного не отреагировали. А чайник как звонок, как рычажок, как стартовый механизм в голове у Оксаны: – Ну, декан факультета взял лепестки сорвал и при помощи них сделал вакцину. Ну, потому что они запах целебный излучали. А вот запах и листья, наверно, излучают, значит там везде вакцина.

– Вот, логика теперь есть, – ответил отец Георгий, – ну так завари чайку, вопрос долгий. Уже два столетия как минимум мучает умы человечества. Ведь теория о Фаэтоне в двадцатом веке появилась.

Оксана взяла появившиеся молодые листочки и положила в фарфоровый чайник, сыпанула две столовой ложки сахара и залила кипяточком. Отец Сергий стал дальше говорить, тем временем наблюдая за цветами:

– А мысли о Фаэтоне – это что, твои мысли?

– Что? – не поняла Оксана.

– Твои глаза дают такой эффект Фаэтона. Вот люди его сплошь и рядом обсуждают. Ангельскую цивилизацию, которая пытается нас захватить. Какие-то технические устройства. А виной всему физики, которые контролируют сервер, регулирующий время. Они сбивают время и играют с публикой в Фаэтон. Я как гипнотерапевт должен взять и убрать из головы твои мысли? Ты это мне хочешь сказать, – последняя фраза монаха была именно утвердительный.

Стали пить чай из этой гелионы, а его чаем назвать нельзя. Скорее это горячий сладкий нежный киви. Отец Георгий что-то говорил Семёну и они оживлённо говорили между собой, а Оксана всерьёз задумалась над главным вопросом: если цветы воспроизводят ту самую генетическую программу, данную фаэтонцами, то осознают ли её? И что это вообще за задание? И главное, а как понять, что гелионы разумны? Вот что называть разумом? Для Айннет вообще растения теперь чётко в сознании сидят как именно посланцы с параллельного мира, обладающие кардинально другой душой и другим разумом. Всё-таки у отца Георгия получилось. Она же мечтала с детства именно увидеть такие цветы. Он с такой любовью Айннет щупала листки, и цветы отвечали любовью. Только понять пока цветы трудно, их сигналы. Но глаза же не обманешь, и тот самый гиппокамп.

Только Айннет вдруг сказала:

– Я теперь понимаю, гипнотерапевт, отец Георгий, мысли у меня не навязчивые, и реально не мои. Это какой-то бунт, действительно. Но одна проблема, как всё равно относится к Фаэтону? Ну, не может же создатель человечества его же разрушить. Две вещи не совместные. Просто как больным объяснять?

– Так оно и есть, те, кто вводили шприц и создавали жизнь – это один тип характера. А те, кто разрушили планету – другой тип. Нет, гелионы твои разумны. И кто сказал, что только человек разумен. И как с ними разговаривать? Так к вопросу о Фаэтоне. Любая версия имеет право на существование, в том числе альтернативная. Только воды там много и повторений. Эти физики только и могут, как говорить о гелионе и что там проводились над ними в прошлом генетические опыты. Они только могут говорить, что кто-то открыл шлюз и принёс семена. Они манипулируют главным образом даже не цветами, а виртуальными какими-то устройствами. Физики, не историки, а физики. Хотя есть там один альтернативный историк, но он не говорит фактами, а говорит фантазиями и загадками. Так что доказательств существования на Марсе цивилизации под названием Фаэтон, нет.

– Ну, церковь всегда так скажет.

– Это объективно так. Да даже если она и была. С каких пор это всех так интересует? Нас создал Бог. Он мог, конечно, рукой прогрессора, как Стругацкие их называли, создать человека. Можно генетическим конструктором создать человека, а вот дух и душа не создаётся человеком, а именно Богом. И Бог разрушителям цивилизации не доверит создание человечества и не допустит этого. И то знание, которое вложил в нас Господь в это время, непознаваемо для тех слуг Бога, тех блаженных людей. Если они вообще были. Доказательств того, что человек создавал человека, у нас нету. Всё это фантазии. И дело не в них, пусть это их творческое начало спорит с создателем. И это даже красиво. Я читал же некоторых фантастов, которые описывают создание человечества. Но это всё так примитивно, примитивно и ещё раз примитивно, по сравнению с тем, как реально создавалось человечество. Вопрос сотворения человечества – это вопрос веры. И по этой веры мы все и получаем. Верите вы Фаэтон, и вы его увидите. Если вы хотите видеть фиолетовое небо и вы будете это видеть. Только для этого достаточно выпить этого спирта и вы увидите фиолетовое небо. Так что это вопрос веры. А где-то вопрос и психиатрии. Решив доказательно вопрос о происхождении человечества, вы действительно совершите нравственный скачок, но только нужны доказательства, а не фантазии. А те изыскания, которые есть сейчас в умах наших граждан, это просто нелепицы и обыкновенная болезнь. Это даже не философия и не наука, даже не художественная литература. А город стоит и не строится. Город построен даже не на половину, а на одну треть. И здесь вообще-то люди должны строить город, заниматься наукой, причём передовой. Цель нахождения здесь – научная деятельность. Все ваши разговоры о терраформировании Марса, о создании щита и разогрева планеты, о гравитационном разгоне или коррекции, – всё просто разговоры. Вы просто Маниловы все. Вы мечтаете о пределе планеты, когда законсервированный вирус вас губит. А что будет, если вы терраформированием возьмёте и растопите здесь вечную мерзлоту? Столько вирусов подымится с озёр из-под поверхности. Там же всё

гниёт. А вы эту гниль путём коррекции планеты только усилите и сами погибнете. И, слава Богу, что вы не пригнали Европу или даже Титан сюда к Марсу. Хорошо, что ваша болезнь не даёт вам возможность пригнать Европу или Титан сюда. Только можно же провести исследование пещер, местности в общем, а вы только сидите и рассуждаете. У вас болезненная лень. И с этим надо что-то делать. Тут гипнотерапия не поможет, здесь надо волю включить как творца. Включите творческую энергию в себе и работайте.

Глава 10.

Получить доступ к кремлю не так-то просто, однако неожиданно отец Георгий получил доступ к Знаменной башне, где была скромно размещена икона. А именно в круглой комнате прямо под куполом с широкими окнами во всю стену. Искривлённый купол прекрасно виден из этих окон. В сам купол доступ закрыт всем. Огромное по мощности оборудованием каким-то загадочным для отца Георгия способом уменьшали количество радиации для необходимого и оптимального значения. Он понимал, что это особенные частицы, какое-то гравитационное излучение, какой-то резонатор. Он представлял себе какие-то трансформаторы, какие-то усилители и переходники. Здесь куча всяких циферблатов и как ни странно, квантовые часы, идущие нормально, в отличие от часов в городе. Отец Георгий спросил:

– Скажите, а почему время настолько разное?

– Это резервное время, – ответил Андрей Баталов, смущённый такими банальными вопросами, – И как это оно может быть разным?

– Но ведь квантовые часы в городе у многих жителей идут неправильно и вызывают приступы. Чёрт меня дёрнул, я же забыл мэру об этом сказать, что физическая лаборатория подняла бунт.

Отец Георгий проговорился, сам изумился, изумился Андрей и вдруг спросил, хоть был уставший:

– Я не понимаю, как связано реальное время с тем гипнозом, который устраивает бактерия FH1N1?

– Ну, это попытка управлять внушением.

– Часами управлять и подымать тем самым бунт?

– Время – составная часть условного сигнала, как в игре одной: этому фанту то сделать, это прыгнуть, это побить морду. И так далее.

– Понимаете, я этим непосредственно не занимаюсь, я сталкер уже, а не спецназовец. У нас есть отдельная миссия. Простите меня, отец Георгий, пусть это кощунственно и аморально выглядит, но я устал. Я ни во что не верю. Мой начальник ничего не делает. Он запил и со мной не связывается. А я должен всё патрулировать. Я устал. Я хочу умереть, я не вижу шансов. И жёлтые глаза как новый шаг в эволюции мне не нужен. Я должен выжить и меня сейчас всё задевает, хоть по глазам это не видно, но я устал. Вылечите меня своей речью, попробуйте, хотя мне нужна таблетка. Я просто устал бегать и ловить преступников. И не говорите мне о них. Я и исследователем быть не хочу. Я не кем не хочу быть. Мой друг Кирилл Семёнов, с которым я прошёл через всё, что вам и не снилось, предал меня и просто не вышел на пост. Он не отвечает на звонки и ничего не объясняет. Мой начальник в буквальном смысле уже покрылся зелёной чешуёй. Его кожа больше не человеческая. Он мутант и уже не человек. Боюсь, Кирилл то же предатель, и выпивает вместе с ним и становится рептилоидом. А я не знаю, что делать. Не знаю, ибо я торможу и ничего не понимаю. Я не понимаю таких манёвров. Мэр молчит и ничего не говорит. Связи с Землёй нет. Да что я говорю, мы все погибнем, и ничего не будет известно большинству землян. Да и инспекция не прилетит. Приказов никаких до сих пор нет. Я устал так жить!

– Нет, это уже перебор, – вдруг сказал отец Георгий раздражённо, – Я не кем не хочу быть. Да кто вас спрашивать будет там, куда вы так рвётесь? Хочу я или не хочу. Вы когда сюда пришли, вы, о чём думали. И не только когда в городе поселились, а когда вселились в это тело. Вас предупреждали. И вы согласились. Тем более сами всё знаете, так что же вы стоите, когда у вас есть реальный шанс самому исправить ситуацию? Я уже устал бегать по всему городу и требовать, чтобы все вы работали и спасались. Один валяется и пьянствует, часы корректирует. Другой валяется и кричит, что уже в раю находится и значит управлять городом не нужно. А работать никто не собирается! Как вы вообще собирались здесь работать, если любая эпидемия вызывает приступ лени. Вам просто-напросто лень преодолевать самих себя. Любая болезнь, в особенности психическая, это преодоление себя, своей сущности. Да это испытание, но какое это великое испытание – спастись от неизвестной заразы. Или ты попадаешь в ад после смерти, если сдаёшься, я бы сказал, навеки вечные поселяешься здесь и бродишь по мёртвому городу. Будешь нелепым призраком, и твоё нынешнее психическое состояние растянется во времени на столетия, так как это как подвисшая программа в компьютере: твой мозг решает самую главную программу, и пока её не решишь, не отправишься ни в ад и не в рай. Такова твоя участь – решить подобную задачу.

Сейчас, да и всё это утро Андрей Баталов испытывает серьёзное раздражение на весь мир и всё человечество. Ему опостылела вся его жизнь, и полная риска и подвигов, полная борьбы и ненависти жизнь зависла во времени. И эффект медленного течения времени, хотя он на службе всего двадцать минут, создаёт в голове уже прижизненное ощущения призрака. Такого бледного с жёлтыми голосами и дрожащими руками бойца, готового упасть в любой момент негде больше не сыщешь. Нелепое выражение лицо, полное заторможенности и естественной глупости, а главное инертности в ощущения всего мира. Он мечется от одного слово да другого, он трудно подбирает слова и несёт, так уж получается, трудно говоримую и понимаемую околёсицу по поводу религии. Бог выходил у него странным существом, которое молчит и только и может молчать. В крайнем случае, мычит, ревёт и просто иногда отворачивается. В общем, вообще не принимает участие во всех, так сказать, процессах.

Через минут пять такой обрывистой и непонятной речи, которую и понять невозможно, не то, чтобы перевести в печатный вид, парень просто упал от раздражения внутри. В голове Андрей слышал непонятные жужжания, словно осы свели в его мозгу гнездо и там внутри затеяли драку. Отец Георгий, хоть у него не было должных сил, уже молился Бог из чувств сострадания. Но и он был в упадке сил и не мог ничего делать.

Боец после касания всего лишь одной ладони отца Георгия уснул. В этом сне он увидел абстрактную библиотеку. Он идёт по длинному коридору между стеллажами. Ему они противны и непонятны. В особенности он видит в том числе и пустые книги. Ну, кое-где были умные мысли посреди чистого листа в одну строчку, иногда абзац. Иногда поражали его пустые таблицы, в которых заполнены только названия столбцов. И одна вся книга с таблицами такого рода на каждой страницы. Вдруг дверь открылась прямо в стеллаже. Т.е. книги кое-где были имитацией той обыденности мира, как показалось ему в тот момент. И может быть, если бы он не нажал на кнопку в тот момент, то сошёл бы с ума. Но узкая дверь на рельсах отъехала, и Андрей пошёл по книгам, т.е. по тоннелю

из книг. Сам тоннель был искривлён в верх идущей дугой. И Андрей поражался тому, что он спокойно идёт по нему. Дуга закончилась и теперь просто Тоннель идёт вертикально вверх, а парень парит по вертикальному тоннелю в горизонтальном положении, ничего не понимая того, как он так идёт. Ведь пространственная ориентация и сверхвидение не покидало его.

С чем связать новое чувство, которое пришло ему в голову? Раздражение резко куда-то делось, а держалась в голове только одна какая-то книга о бойцах, обладающих способностью к телекинезу и левитации. Там были интересные методы борьбы с использованием телекинеза и левитации. Аэрокросс – это очень интересное занятие, да ещё в агрессивной космической среде. Единственная книга, которая написана на сто процентов. Тоннель этот уже не был даже виден, и сцена сменилась странным ощущением, что вокруг пол. А ты тогда висишь, что ли? Ну, так оно и есть, ты как бы внутри сферы, а по внутренней поверхности сферы ходят вниз головой люди. Видны стеллажи, а точнее весь сложный лабиринт из этих книжных полок. Через некоторые ведут мосты с лестницами. По ним заходит человек наверх, идёт по мосту, но к просвещённому Андрею так и не подбирается, а идёт по мосту и опускается на тот же уровень сферы. Какое самомнение у нашего бойца. Во всяком случае, так ему думалось на тот момент. Ведь вокруг пол, даже наверху, где должен быть потолок, всё равно был пол. Но, правда висели книжные полки вверх ногами и люди ходили головами вниз. Всё было далеко. Вся жизнь была далека от него. Это было ощущение какого-то космоса. Он был внутри планеты, её центром, а вокруг, всё-таки какое самомнение, целая планета, перевёрнутая наизнанку, по изогнутой внутренней поверхности ходят мелкие людишки. И все их проблемы мелки, по сравнению с той энергией, которую ты сам излучаешь. А потом приходит мысль о том, что светить в этом вывернутом наизнанку мире – это безумная мысль, ведь нужно пояснить человечеству, что это некая болезнь, что жить так нельзя. Потом сам Андрей удивился, как его одолевает мудрость. И не выведешь всех их сразу на поверхность внешнюю, но нужно к этому стремиться. Нужно как-то учить и спасать это грешный мир. Ведь свет в нём. И его надолго хватит. Только участь его благородна, а значит и смерть, и то, что будет после неё, всё будет великолепно, если ты только не спустишься к этой внутренней поверхности. И приходилось балансировать, чтобы удержаться в сильном меняющемся потоке. Но удаётся, и быть в одной точке и при этом читать. Весь мир живёт в иллюзиях, он точно перевёрнут, но увидеть космос во внутренней поверхности невозможно. И ощущение стыда от того, что тебя видят все, всего лишь песчинку, по сравнению со всей поверхностью сферы.

Вдруг парню почудились какие-то коды, вполне знакомые и понятные.

Резко парень проснулся, и встал. Отец Георгий удивился сначала тому, что так резко и быстро боец отдохнул, ведь прошло от силы полчаса. Ещё больше боец удивился и поразился предложению бойца:

– Отец Георгий, вы мне очень поможете и всему городу, если возьмёте икону и понесёте его по кремлю, именно по стенам, всем стенам. А я буду переключать системы воздухоснабжения.

Так Андрей и сделал. При помощи увиденного во сне кода он приходил в каждую башню, обходил все стены и везде переключал сначала цифровые системы, а потом

блокировал и отключал воздушные баллоны. Мало того, в некоторые помещения он вводил особый доступ, если не сказать во сне. Только кто его будет выполнять. Боец шёл медленно. Он поразился, как отец Георгий читал молитвы с мироточивой иконой в руках. Оттого идущие уже за ими двоими некоторые бойцы крестились и уже начинали резко работать. Сначала инициативу Баталова принимали с трудом, но потом, осознав значения каких-то там кодов и паролей, вдруг резко подняли бунт против запившего и позеленевшего в буквальном смысле начальника кремля. Он не был на совещании, этот Егор Валентинович Петухов, но спасать и выполнять приказ мэра – святое дело. Кирилл, оставивший Андрея, вдруг позвонил во все динамики кремля и стал зачитывать приказ мэра из электронной почты Петухова:

– Приказываю всей крепости к немедленной замене и сохранению фильтров, переключению системы воздухоснабжения. На все здания фермы, все здания плутониевого, на все здания атомной электростанции, на мэрию и кремль, а также космодром и медицинский корпус я устанавливаю особый режим доступа. Перевести но новый воздух все эти здания в первую очередь.

Дальше Кирилл насмехался над перепиской с какими-то Ангелами или бесами или инопланетянами, а сам крестился неустанно и требовал от кого-то всемогущего новые ключи и пароли. Кирилл поднял бунт громко, выставляя бывшего начальника посмешищем. Андрей понял, что его напарник не бросил его, что он с ним в борьбе за справедливость и спасении. Коды Кирилл уже итак скидывал Баталову. И той недосказанности больше и не надо. Не надо уже ставить Кирилла на место и требовать от него чувства долга. У него оно есть. Андрей даже поражался тому, почему до сих пор никто не додумался так просто взять и переключить на резерв. Почему кто-то позволял кому-то убивать людей, делать их больными и несчастными? Злость на этих конкретных личностей всё усиливалась. А тут вдруг Кирилл включил связь с Землёй, намеренно отключённую каким-то странным уже существом с зелёной кожей. Кирилл лично стал при всех говорить с Землёй, доложил об эпидемии и что начат переход на резервную систему. Доклад был сухой и короткий. Диспетчер там на Земле удивился уже был готов начать истерику, но еле-еле сдержавшись, связала с каким-то начальникам, а сама тут же вышла из зала. Дальше с Землёй уже стал разговаривать кто-то из начальников.

– Я понимаю, что у вас эпидемия, молодой человек, – говорил какой-то там начальник, – у нас есть система.

Последнюю фразу он недоговорил, а вдруг заявил:

– Как вас там?

– Кирилл Войнович, специальное подразделение…, – Кирилл начал что-то пояснять, но начальник оборвал:

– Я вижу по форме, вы всё правильно сделали, но дайте мне начальника кремля.

Резко весь кремль хохотать стал, даже Кирилл сначала он начал говорить фразу, а точнее что-то промычал, стал тут же хохотать злорадно и, щёлкнув клавиатурой переключил. Странное пьяное чудовище в рваной пижаме, точнее в её остатках ответило что-то по-нечеловечески:

– М-м-м, гууу, грешно с-с-с смеяться кха над больными людьми, з-з-з.

Бывший начальник действительно был весь в зелёной коже. Вроде ничего необычного, но кожа была именно зелёного цвета с множеством бородавок. Одежды практически не было у начальника Кирилла, поэтому можно всё тело разглядеть. Равномерно зелёное тело. Такого тёмного насыщенного цвета. Зелёный цвет можно стерпеть, превратить в достоинство, может это и есть эволюционный скачок. Вот только эволюция человека – это не только позитивные изменения в физическом теле, пусть даже такие бросающиеся в глаза, а главное психические изменения в лучшую сторону. Человек складно и красиво говорит и речь его более богатая. Память лучше и запоминаешь лучше и вспоминаешь больше. Умение оперировать более сложными структурами данных, в смысле, понятиями. Человек после эволюционного скачка становится умнее, мудрее, добрее, выносливее, сильнее, а всё это означает, что человек стал лучше. Новый человек по сравнению с прежними людьми хватает всё на лету, считает большие числа, и целые дифференциальные уравнения за пять минут, не более. Он обгонит даже олимпийского чемпиона. Он даже сможет в одиночку справится с целой ротой спецназовцев, просто используя гипнотическое оружие массового поражения в мозгу. Где обычному человеку требуется вертолёт, чтобы взлететь, у нового человека будет участок мозга, отвечающий за левитацию. Но у нового человека, преодолевающего гравитацию всего лишь собственными мыслями, должно быть новое мировоззрения и серьёзная система защиты против психических сбоев. Только тогда это новая ветвь в эволюции. Только тогда, когда есть психическая защита против новых вызовов внешнего мира и внутреннего мира при новом обновлённом физическом теле. К таким выводам приходили все те, кто слышал его. А именно три сотни бойцов.

– Всё конечно и всё кончено! – кричал комендант кремля, не помня себя и своё отечество, а погружённый в странное состояние, его дрожащий голос пытался заставить своих бывших бойцов одуматься: – Как только не называли Марс. В древности его называли Фаэтоном или Нибиру. Отсюда пришли Боги и они связались со мной. Они уничтожили эту планету. И уничтожать Землю. Те самые ублюдки распространили эту хрень FH1N1. Это тайное общество Фаэтон всему виной. Наследники фаэтонской цивилизации, проживая как агенты погибшей цивилизации, решили убить нас, опять возомнив себя Высшей силой, способной влиять на людей. Мы всего лишь биороботы. И наше сознание полностью управляемо. Мало того, воля – это вообще абстрактное понятие, не совместимое с жизнью. Важно то, что нам осталось совсем немного. И мы все умрём. Ибо конец света наступил. Погибает вся планета, мы просто первые. Группа бойцов тайного общества открыла шлюз моим ключом. И устроило конец света. Я уже сказал, что воля – это абстракция и физически в моём организме её нет. У нас есть прекрасные религии, говорящие о том, что есть дух, душа, и всё такое. Так вот это и есть система гипноза сверхцивилизацией нашего сознания. Вообще как воля, так дух и душа – это всего лишь абстракция, не соответствующая действительности. Душа и дух, воля и творчество – всё это ошибка наших создателей на квантовом уровне. Мы должны быть биороботами, добывающими золото и всякую чушь. Мы просто биороботы, а все болезни от творчества и воли. Если не будет квантовой ошибки в человеке, а именно воли, то человек не будет болеть. Он будет счастлив, если у него убрать волю. Воля – это и есть болезнь. Зачем бороться и проявлять волю, если это болезнь. И всё, что ты называешь

волей – это квантовая ошибка. Я убеждён, что спасения нет. Мне самому мысль о воле как несуществующей в реалии абстракции казалась сначала абсурдной. Я долго соображал, что такое воля и что такое душа, и пришёл к выводу….

– Великолепно, – саркастически говорил начальник, – только смысл тогда в существовании человека?

– Вот-вот-вот, щваёйсис, – подхватил Егор Валентинович. Он хотел сказать «сейчас», а получилось: – Щваёйсис, конечно, у квантовой ошибки нет смысла, ибо это просто квантовый случай сбой, случайная числовая последовательность в биокомпьютере под названием человек. Нет, и не может быть воли. Воля – это лишь иллюзия, вызванная случайной числовой последовательностью.   И душа аналогично….

– Чего, как аналогично, причём тут воля и числа?

– Один ноль девять тридцать семь шестнадцать двадцать два пятнадцать ноль семь восемьдесят три – вот моя воля, – прошептал комендант кремля, а потом жуткая боль по всей коже вдруг прошлась.   Был классный эффект скафандра вокруг того, что раньше сам Егор Валентинович называл душой. Резко весь скафандр схватило и понесло во все стороны. Да так отдавало в позвоночник, что терпеть мочи нет. Больной концом света, который и сидит внутри этой зелёной кожи, стал орать. Какая-то противная на вид зелёная слизь стала выходить из пор кожи. Так жизнь выходила из него и потрясая жуткими воплями, Егор Валентинович умер вот так резко и неожиданно в кресле. Пульса не было, и отключился тут же мозг.

Хохот от слов о воле и душе, конце света во всех стенах и башнях кремля сменился резко чувством тревоги и паники. Резкие крики ужаса были слышны отовсюду. А после нескольких всего лишь минут, все стали вдруг говорить в резонансе:

– Наконец-то ты от нас ушёл!

–Так тебе и надо!

– Гори в аду!

– Вот что бывает, когда опьянел и нагло и откровенно нажрался!

– Это ж сколько надо выпить эликсира власти, а воли-то всё равно нет!

– Сволочь, отравить всех решил, фашист проклятый!

– Фашисту-террористу – фашистская смерть!

– Изверг, погубить весь город решил!

– А поначалу больше всех кричал о шпионах!

– Город на сектора разбить собирался!

– Связь он отключил!

– А так притворялся храбрецом!

– Да кто ему сказал, что он любимчик, да к тому же гений!

– Да, так ему и надо!

– Так стоп, – крикнула вдруг Земля, – суд оставим на потом, важно сейчас выжить. Восстанавливайте систему безопасности.

Отец Георгий совершал обход кремля, и естественно через минут все вновь обратили взор на него. Он просто читал молитву и шёл с иконой. Только когда каждая башня и стена была освещена, председатель комитета городов-колоний Славянского союза вдруг связался с отцом Георгием и рассмотрел сначала икону.   На всякий случай

перекрестился, а потом внимательно расспросил, что происходит в городе. Пришёл в смятение и ужас, но поборол в себе это чувство паники. Потом стал долго разговаривать с мэром, предупреждая и внушая. Никаких пока серьёзных пафосных речей. Никаких слов типа: «Вакцины нет, но вы держитесь». А просто сухие и обыкновенные в такой ситуации адекватные вопросы и требование такой же адекватной реакции в ответ. Председателю не хотелось сейчас совершить роковой ошибки, поэтому в спешки стали готовить планетолёт, любые возможные и доступные космические корабли. А пресса молчит. И вдруг в последний момент Кирилл в наглую ввязался в диалог мэра и его непосредственного начальника из того комитета. Он рассказал о мумии, которая реально была обнаружена как источник эпидемии. Оба удивились. Мэр облегчённо вздохнул, что ещё не весь кремль об этом знает. Но документы, своровванные Кириллом у погибшего коменданта, мэр стал долго рассматривать у себя в кабинете.

Глава 11.

Андрей Баталов шёл на кислородный завод быстрым шагом. Вместе с ним шли его бойцы. Все его мысли были о том, что болит его голова круглыми сутками. Он чувствовал то, как звенят короткими импульсами его нервы. Голова, слава Богу, пока не кружится, всё же действует отвага и смелость на физическом уровне. Бойцы видели уже большие цилиндрические баки с кислородом, большие изогнутые трубы, множество всяких установок, в том числе было целых три трубы, из которых шёл лёгкий сизый дымок. Установки по регенерации воздуха были просто огромны. Нужно непросто добыть из атмосферы кислород, нужно ещё в определённой пропорции дать обычный земной воздух, а в нём есть и углекислый газ, и кислород, и азот. Нужно ещё очистить марсианский газ, взятый из атмосферы от примесей, от частиц радиоактивной пыли и чёрт знает ещё чего. Здесь почти сразу после начала эпидемии никто ничего не понимал. Когда с кремля переключили системы воздухоснабжения на резервные баки, то директор завода ничего не заметил. Он вообще был в отключке. Группа бойцов быстро вошло в пятиэтажное здание завода, где и есть главный пульт управления генерацией воздуха и воды. Быстро вошли в нужный зал управления и удивились тому, как только два человека сидели за пультом и следили за процессами генерации воздуха и воды и подачи всего этого населению города. Остальные сотрудники просто спали. Не спал только директор, привязанный к стулу. Он уже был весь зелёный. Зелёный цвет Андрей уже стал ненавидеть. От директора завода несло спиртом и чёрт знает чем ещё. Видимо здесь произошёл бунт, и директор кислородного завода, судя по его бумагам с рассчётами, захотел всех потравить метаном с аммиаком. Метана и аммиака на заводе предостаточно. Аммиак даёт азот, это известно из школьной химии. И метан даёт при определённых реакциях даёт воду, но всё вместе смертельно опасно. Эти двое за компами оказались спасителями города. Андрей арестовал директора завода и ещё несколько связанных человек и бойцы уже повели их в специальное здание.

– Вы включили резервные фильтры? Как вас там? – спросил вполне себе ожидаемо Андрей Баталов у начальников завода, т.е. тех двоих молодых парней.

Один из них ответил:

– Константин Сириусовский, мы тут не можем найти эти резервные фильтры, система их не демонстрирует. Вот не могу технически их включить.

– То есть как?

– Вы конечно тут власть и можете и меня арестовать, но я не могу просто так взломать все файлы системы. Тут, понимаете ли, бунт, и бунт каких-то сектантов. Эта западная апокалиптическая идеология проникла во все щели. Вы знаете, что я здесь живу. Вот ещё двое, – он указал на спящих рядом двоих человек рядом, – это наша смена. Мы тут круглосуточно. Хорошо, что рядом столовая. Там есть хоть какая-то жратва.

– А что остальные бунт подняли? – спросил Кирилл, уже зная откуда-то какие-то коды. Андрюха, хорошо, что я с тобой пошёл. Давай иди к фильтрам, кто-нибудь из нормальных, проводите к фильтрам, как к резервным, так и к действующим.

– В смысле, – спросил Сириусовский, у него было круглое измученное бледное лицо, яркие жёлтые глаза. Он был в голубой униформе со световыми отражателями в

виде полосок на руках, ногах и спине. Потом он сообщил: – Ах да, у вас есть что-то бодрящее?

– Да, вам повезло, нам декан Щеглов передал. Он как-то про нас узнал и передал полимеры свои. Выпейте и пошли, времени нет на разговоры.

– Я на Марсе давно, – уже говорил Сириусовский, выпивая залпом отлитую интеллигентно в стакан нанороботов Щеглова, запивая всё это таблеткой от нарколепсии. Так на всякий случай. Потом сказал своем напарнику, уже смотревшему сквозь время: – Николай Петрович, Денебовский!

– А? – ответил одним звуком Денебовский с такими же жёлтыми глазами как у кошки.

– Так понятно, – сказал Кирилл и налил стакан из бутылки и подал Денебовскому уже со светлыми, почти седыми длинными волосами. – Вы нам нужны. Вы должны помочь нам спасти мир.

Денебовский выпил медленно с наслаждением стакан жёлтой жидкости, а потом произнёс:

– А я по вашему, чем занимаюсь. Нам просто нужны крепкие мужики, чтобы провода подключить и вентили перекрыть. Я ему давно говорил, чтобы переагитировал, программу им в мозгах подправил. Но некоторые работнички просто не вышли на работу. А другие откровенно сообщили, что решили погибнуть и провода явно перерезали. Скаты, ещё программы переписали.

– Таблицы кодов где? Должна быть такая книжонка?

– В сейфе в кабинете директора.

– Где кабинет директора?

Денебовский указал на дверь. Только теперь бойцы разглядели всё пространство зала управления. Схема установок завод нормально светилось, только кое-где светились лампы тревоги, указывающие наличие бактерий. Эта схема представляла собой какой-то граф, вообще непонятный. В точках, где пересекались линии различных цветов, горели просто числовые коды в шестнадцатеричной системе. Но Кирилл, обойдя три ряда компьютеров, вбежал в комнату директора, где был полный развал. Но наступая на кучу бумаг, небрежно и случайно разбросанные какие-то наброски теории, Кирилл подошёл к сейфу. Тихо и спокойно свёл ладони вместе, в молитве обратившись к Богу, закатив вверх глаза. Почти сразу пришли пять чисел. Кирилл быстро нажал нужные клавиши. Шли секунды, но дверца тут же открылась. Порой Богу нужно сказать просто пять цифр, чтобы в него поверили раз и навсегда. Там была какая-то жёлтая книга кодов. Да и не только. Там были какие-то расчёты, договора и куча всего интересного для следствия. Но цель стоит не проводить расследования, а цель – спасти город от отравления.

Андрей Баталов с Константином Сириусовским уже шли по лестнице, выбежав из здания. Быстро поднялись на всех по крутой лестнице, прошлись по мосту. Он победно звенел, хотя ещё ничего не сделано. Какой-то человек увязался за ними. У Андрея в этот момент пошли странные ассоциации. Он смотрел на купол города, состоящий из множества балок. Уже начинало темнеть, ведь после крестного хода он сразу побежал сюда. Уже включились лампы на куполе. И бежали мысли в голове, что купол хранит не он, а сам Господь Бог. И какие-то причудливые световые шары, вызванные

гравитационными излучателями на башне, вдруг обрели крылья, руки и ноги, да вообще превратились в Ангелов. Андрей понимал, что гравитационное излучение резонаторов в городе что-то устраивает с радиацией, но так чтобы Ангелы появились. Думая долго о том, что есть божественный купол, защищающий человечество, что весь город под защитой. Не раз Андрей в своей прошлой жизни на Земле видел что-то похожее. Кто бродит всемогущий рядом с ним. И он всегда это списывал на ментальные галлюцинации, что так страх проявляет себя. Ну, он же рядовой боец, каких тысячи. И что какой-то потусторонней силе выходить с ним на контакт. Баталов считал, что его вера в Бога – это как проекция в окружающий мир своих переживаний и каких-то качеств, чтобы не свихнуться. Так поступает не он один, а коллективное сознание. И героизм Баталова всегда сопровождается приступами такой проекции. Ой, что за чушь он плёл всё это время. Ведь всемогущий человек с крыльями просто так случайно гравитационным излучением себя не проявит. И так называемая случайность за сотни случаев во время его службы не может так системно ему помогать. Он запутался в своих мыслях, но оглянулся на третьего. А где он? Были же ощущения того, что кто-то третий бежал по лестнице. И как это тут не сослаться на приступы? Чтобы отвлечься от болезненных мыслей, Баталов спросил:

– Сириусовский, а почему у вас такая фамилия?

– Как вы не в курсе? – ответил напарник, – есть деревня на Марсе, т.е. станция постоянного базирования, где ведётся наблюдение за гравитационным излучением. Это одно из первых поселений. Вот я и поменял давно уже фамилию Иванов на Сириусовский. Это после меня пошла мода. Денебовский точно так же уже позже сделал. Так просто красивее. И мне тогда было сложно избавиться от Земли, т.е. от земных предрассудков. Вот я и поменял фамилию. И сразу стало как-то легче.

– И разрешили?

– Да без проблем. Правда, пришлось кучу документов переписывать, но надо было пройти этот путь. Теперь ментально я другой. Так, мы пришли. Здесь резервная ручная система управления, – сказал Сириусовский, войдя в небольшое здание в три этажа, – Это резервные фильтры, они так раз на третьем этаже.

Андрей быстро нажимал на рычаги, одни закрывая, а другие открывая. При этом пришлось бродить долго по тускло освещённому залу, где множество труб и какие-то ящиков. Вдвоём они целый час нажимали на рычаги, крутили вентили. А потом пошли вниз на первый этаж. Костя должен был пустить входной поток неочищенного воздуха вверх открытые трубы резервной системы фильтрации, а Андрей должен одновременно переключить выходной поток уже очищенного воздуха. Тем самым новый воздух должен будет в итоге поступать в город. У Кости жутко колотилось сердце. Он вспоминал в этот момент свои доклады на совещаниях на каком-то там химическом предприятии на Земле. Вспоминал свои научные труды. Он улучшил, модернизировал ряд установок. Вспомнил то, как прочитал в новостях в соц. сети о наборе в космонавты. И зачем-то подал заявку. Костя теперь жалеет о том, что подал эту заявку. Сколько ему здесь пришлось пережить, а дома мать, отец, сестра. Тем более он летал на станцию Сириус так, для пробы. Можно было тогда остановиться и не менять фамилию. И не было бы того скандала с его бывшими друзьями и коллегами. А здесь что? Неизвестность, а

точнее даже смерть. Вдруг редкое чувство гордости проникло в сердце, вместо мыслей о том, что он идиот, а все его бывшие коллеги и друзья умные, и они живут без бед. Ведь какая у них жизнь – скукота до невозможности. Тихая спокойная противная жизнь. Ещё в тот год работы на станции Сириус Константин Сириусовский понял, что космос – это не игрушки и в космосе нужно много работать и постоянно упражнять ум, чтобы не сойти с ума. Только сейчас Сириусовскому, чересчур самокритичному человеку, пришла необыкновенная гордость за себя. Гордость за то, что он оказался в нужный момент в нужной ситуации, в нужном состоянии. Господь Бог взял и предоставил ему право, именно ему, песчинке в пустыне, малой волне в океане. Господь Бог дал ему право перекрывать вентили. Синхронно двигались руки у двоих человек. С трудом Костя тянул крутил вентиль. Необычайные прилагал усилия. Что-то медлил тот самый Кирилл, взламывая систему. Косте не хватало времени, чтобы посмотреть на провода и кабели. Но управляющая панель светила одинаково: «код ошибки 32FBC. Нет связи с центром управления». Константин крутил вентиль, спотыкаясь и чуть не падая. Приходилось отвлекаться, делать перерывы. Но вентиль всё же медленно полз, раскручиваясь. Уже тонкая струя стала идти по трубе. Тут же высветилось окошко на дисплее о том, что начался незначительный рост давления в трубе. Цифры сначала медленно росли вверх. Костя вытер пот со лба, а потом стал рассуждать о том, что какими люди скотами не были, а они однозначно скоты, но они должны жить. Тридцать процентов давления в трубе, как у Андрея, так и у Константина. Чтобы сбить мрачные мысли о зелёных алкоголиков-поддонков, которых покорила бактерия, какая-то мелкая тварь, Константин посмотрел на дисплей, на стол. На столе стояла недопитая бутылка, уже налитый стакан водки, слегка зеленоватый уже. Проклятый зелёный цвет! А вдали стонал и ворочался какой-то человек. Вся кожа была зелёная. Ведь этот поддонок должен был крутить вентиль. Он должен был заметить бактерию FH1N1, а он нажрался. Тот смотрел погаными странными глазами розовато-фиолетового цвета. Пьяный, уже практически умирающий мужик, смотрел на видимую им ауру Константина Сириусовского и поражался превосходному гипнотизирующему сиянию. Он боялся этого сияния, и, осознав, что делает парень, сначала поразился тому, как легко и просто победить эпидемию. Всего-то нужно включить в ручную резерв. А если бы не перерезали провода, которые так искусно этот пьяный мужик перерезал, то автоматика с лёгкостью всё сделала бы сама. Но этот пьяному мужику нужно было импровизировать, ведь он лучше знает, что нужно городу. Ведь он считает, что город должен этой дрянью дышать, что Фаэтон реален и реальны все чудеса, которые видят все. И какие-то устройства невидимости есть. И какие только устройства не появлялись. И какие только сущности с ним не говорили. У него уже стоит пять звездолётов где-то там и вот сейчас он улетит. А то, что всё это галлюцинации – это его не касается. Мало того, он сейчас объяснить пытается, как он что-то там видит и понимает, что это устройство под названием портал времени здесь стоит. И это не может быть галлюцинацией, ибо реально. Вот эта формулировочка: это не может быть галлюцинацией, ибо это реально и я его вижу, — вот это Костю понемногу начинает злить и убивать. Скажет любой психиатр, что любая галлюцинация не будет говорить, что это бред навязчивый. Любой глюк по ощущениям реален. И конечно портал времени реален для больного человека. И те ведения экстрасенсам о будущем конце света, естественно

будут реальны. И писатель, даже писатель, скажет, что всё так реально. Ибо так мозг, мать его, устроен. Мозгу реально видеться, что Земля как и любая планета, на которой он находится, плоская и форме диска и всё вокруг неё вертится. Так устроены нейроны, мать вашу. Так проще мыслить. Так проще, не сопоставлять свои ощущения с моралью, с другими людьми, с чем-то абсолютным, в конце концов. И алкоголику естественно будет реально казаться, что над ним экспериментируют пришельцы. И конечно, это реально и актуально, и даже намёк такой на революцию. Понятие «реально» не должно ограничиваться ощущениями и желаниями того человека, который видит чёрт знает что. Понятие «реально» теперь настолько субъективно, что вполне понятно, почему некоторые говорят, что объективной реальности и материи так таковой не существует. Ведь теперь практически всё субъективно. И глаза хрень какую-то видят. И мозг ещё добавляет всякой херни в галлюцинаторной форме, воображение, мать его, играет в опасные игры. Какая тут ориентация в пространстве и времени? Вы о чём, тут столько всего интересного предлагает FH1N1, а вы тут предлагаете просто крутить какой-то вентиль? Зачем, если есть временной портал и я через него перейду в новый мир, к той самой сверхцивилизации в параллельный мир? Да гари оно огнём – весь город Циолковский! Мне на него наплевать, а просто сейчас на этом устройстве код подберу. И то, что руки обнимают воздух – это наплевать, ощущения важней.

— Человек создан для максимума ощущений! — логичная фраза алкоголика, это его последний крик. И услышал обезоруживающий спокойный и ровный голос Константина:

— Как это примитивно: максимум ощущений! Что называть максимумом? Какая-то там воображаемая хрень, или те ощущения, что испытываю я, когда я спасаю мир.

— Зачем спасать мир? Спаси сначала меня, — мужик смотрел нелепо на число пятьдесят три процента на дисплее. Он до последнего ждал, что молодой парень спасёт пятидесятилетнего мужика от гибели и включит портал. Он кричал что-то невнятное. Уже напоследок забыл речь. Он уже не мог встать. А Костя даже таблетку не дал. Да и не было у него таблетки. Через десять минут мужик умер, а молодой парень Костя Сириусовский открыл вентиль до ста процентов. И газ быстро стал поступать в город. Фильтры были чистые и они стали очищать воздух. И тот, который генерировался, и тот, который очищался, приходя из города. То, что воздух становился чище, здесь в этом зале прекрасно уже через несколько минут стало ощущаться. Костя сел на пол, посмотрел на умершего человека, и даже не прослезился. Ему его уже не жалко. Вот полчаса было бы жалко, а теперь нет: скотом больше, скотом меньше. Скотина должна была уйти. Это тебе не Земля, где просто кислороду много. А это негостеприимный и опасный Марс. И будет правильно с точки зрения спасения, что это человек умрёт. И вдруг он нападёт на тебя и начнёт тебя заражать, да ещё и убивать? Только теперь Сириусовский это осознал. И испугался уже после того, как чистый кислород пошёл в город.

СМИ через некоторое время раскроют имена тех героев, которые взяли и освободили город об эпидемии. И Сириусовский в будущем и станет директором кислородного завода. А пока сердце бешено колотилось и чувства никуда не скроешь. Страшно до безумия. И ощущения того, что никаких порталов нет, что устройств, которыми Костя пользовался, нет. И ощущение, что реальность беднее не покидало его.

Только теперь он встал при помощи гигантского усилия и всё же пошёл на второй этаж вместе с Андреем.

Теперь нужно было непросто закрыть вентили отработанных фильтров. Их нужно изъять.

— Давай отдохнём, — ответил Костя Андрею.

— Погоди, — говорил Кирилл Денебовскому, когда тот писал код для проверки системы, — Мы, сколько времени потратили, когда коды вводили, чтобы восстановить систему по инструкции.

— Полчаса, — ответил тот и вздрогнул, — ага, а как же это медленно.

— Это много, и всё равно ошибка, — раздражённо говорил Кирилл.

— И эти не просыпаются.

— Так, если бы они с проводами что-то сделали.

— Так, провода, — сказал сам себе Андрей, — так сейчас мы поступим умнее. Провода соединим.

— Я за изолентой, — ответил Сириусовский. Быстро, неожиданно для себя быстро сбегал и принёс и провода, и мотки, и много всего. Теперь быстро обтачивали провода и соединяли. Сначала сняли слегка изоленту. Потом сомкнули провода, а потом заклеивали изолентой. Всего тридцать восемь раз проделали одну и ту же процедуру. На удивление, это заняло аж целых сорок минут. Всё это время Кирилл видел, как менялись коды на установке и всё советовал и координировал действия. У Константина с непривычки болели буквально все мышцы. Нужно было работать и согнувшись в три погибели, и держа руки навесу.

Через сорок минут напряжения и упорной работы Кирилл протестировал провода, прозвонив их, и отключил автоматикой фильтры. Усталые стали пить горячий кофе, поедать печенье. На душе было уже тихо и спокойно, словно они просто на курорте и ничего не происходит такого необычного. Говорили о Земле, о быте, о своём прошлом. Казалось, что уже всё закончено. И приятное ощущение, что ты сам себе хозяин. Что ты сам наконец-то без юридического приказа спас мир. Только как-то нелепо выглядело ощущение того, что всё закончилось, что спешить никуда не надо и делать нечего.

Начальство о тебе не знает, так что можно пофилософствовать. Кирилл стал рассуждать:

— Всё-таки информация правит миром. И программисты теперь – ведущие сословие у нас в стране. Я беру шире даже, именно все учёные. А любой учёные, даже биолог, знает теперь программирование. Те, которые непосредственно обрабатывают информацию, наивысшую теперь ценность, те и есть правивший класс. Теперь бы взять да ввести монархию, наделить бы программистов дворянскими титулами и дать им полномочия больше. И будет тогда общество откровенней и честней. Мир станет лучше, если программистами будет, не кто попало, а только избранные. Ведь фактически большинство так называемых хакеров просто тырят у талантливых и гениальных разработчиков их программы и выдают за свою. Программисты должны официально принять статус ведущего сословия. Мало того, это сословие итак де-факто существует и управляет всеми заводами и фабриками, всеми фирмами, и страной управляет. Именно наши шифры, написанные программистами, удерживают страну от развала. Генетики

программируют буквально всё. Ведь что такое геном? Это запись при помощи молекулы ДНК на определённом языке. Генетики уже вовсю постоянно используют этот язык, де-факто, язык программирования. И отбирают медики эмбрионы при помощи этого языка. Я не говорю уже об интернет-энциклопедиях, поисковых системах и роботах, которые просто объединили нации нашего Славянского союза. Так что всё логично. И без цифровых систем ничего бы не было.

Отчего-то все с ним согласились, однако не выдержали напряжения и уснули. А мэр города разбирался в отчётах, и только когда через полчаса до него дошло, что нужно лично отдать команду, он посмотрел на монитор и увидел надпись только что уснувшего Кирилла, что началась очистка воздуха. Это его воодушевило. Он стал выписывать всем этим людям премии. Мало того, сообщил горожанам, стал что-то требовать от них, какой-то работы. И на этой трансляции было видна надежда в глазах. Только теперь стало ясно, что шанс победить фаэтонскую лихорадку есть. Осталось только взять себя в руки и начать работу.

Глава 12.

Андрей как обычно проснулся резко, но только теперь полным сил и энергии. Очень редко ему снилась почему-то Земля и его родной дом, его сад, его огород. А теперь видел он, как теперь там гулянка, как отдыхают там его родственники. Все напились и привычно играли в какие-то игры, без драки, без ругательств. Всё было тихо и спокойно, и чувствовалась энергия рода. Он видел себя малым пацанёнком, веселящимся с братьями. Только теперь этого, а чувство ностальгии окружило его, и поднимала вверх. Он теперь отдохнул, раньше не мог и видел всякие чересчур богатые фантазии и болезненный бред, а теперь вдруг организм нашёл в себе силы и сказал «стоп». Андрей встал всё в том же цеху на втором этаже. Подошёл к системе фильтрации и стал нажимать на какие-то кнопки. Вскоре все тринадцать фильтров упали вниз. Осталось только открыть тяжёлые двери и выкинуть эту гадость. Но нет. Сказал чётко голос: нет, одень скафандр. Только теперь Андрей понял, что совершил серьёзную ошибку. Костя проснулся раньше и ушёл, поэтому охранять это всё никто не будет. А куда он ушёл. Ладно, неважно, видно дежурит за пультом или рабочих подзывает. Только надо эти фильтры выкинуть.

– Вот что Кирюха, – сказал Андрей по системе связи, – Берём скафандры и выкидываем фильтры в глухом месте за пределами города.

– Круто сказано, я готовлю бойцов, – с завистью ответил Кирюха и покачал раз пять головой с досадой, что это не его идея: – Жаль я не успею взломать эту систему коррекции времени. Но кое-где её отключить удалость. Кто-то намерено выставляет странное время и посылает какие-то странные сообщения для путешественников во времени. К примеру, отсылает в момент направленного удара астероида об поверхность Марса, отсылает к тому времени, когда читают каким-то первоклашкам о том, как называется у них там четвёртая планета. Понимаешь, я вдруг трезвый стал и вспомнил, что Фаэтон – это пятая планета, а не четвёртая. А тут придумали, что Марс в прошлом Фаэтоном назывался. И альтернативщики такие теории пишут о том, как мифы нужно толковать. Это оказывается, реально так и есть, я нашу псевдосоциальную сеть проверил. Кто-то по телефону сообщал всем, что Марс – это Фаэтон, так гласит какой-то древний язык. И ни слова о доказательствах, ну таких стальных, даже не железных. Глупо как-то получилось, да? Вот формируют базис новой научной теории, основы так сказать мировоззрения, а он шатается и падает. Ну, логики нет. Я там твердил постоянно, что терраформированием заняться надо. Нет, в принципе надо, только логикой в голове сначала прокрутить, а потом уже разгонять ядро Марса. И мало того, что надо взять и рассчитать всё грамотно. Тут один оппозиционер, ну тот, кто против Фаэтона и его восстановления, нужно затратить гигантскую энергию, чтобы переместить их грёбанную Европу из гравитационного поля Юпитера. Это цитата: нужно взять и получить одновременно гравитационную энергию порядка гравитационной энергии Юпитера, чтобы сместить Европу. Т.е. Юпитер давит на Европы в одну сторону, мы посредством резонатора давим в противоположную сторону. Вот как-то так. Как они могут ещё говорить, что они там что-то соображают? И политику сюда приплетают. И требуют какие-то декларации написать. Нет, надо всё рассчитать, минуточку. Что-то меня это

настораживает, как бы эта Маниловщина нам боком не вышла. Они же при этом ни хрена не делают. Вот в чём соль! Куча народу сидит в доме-кольце и хрень строчат друг другу.

– М-да, чего только ты не найдёшь. Второй Юпитер нужен. Ну, м-да, хрень полная. А Фаэтон если был, то он сформировался раньше, чем может дальше Марс, ну или одновременно с ним, – вторил Андрей, уже выходя на улицу и собираясь идти за скафандром и вездеходом, а так говорил Кириллу, чтобы насладиться моментом: – М-да, ну, как говорили учёные, я это со школы помню, планета из-за гравитационного конфликта упала на Солнце. А астероидов в поясе мало, чтобы даже была планета. И состав астероидов не соответствует составу той планеты, которая пригодна для жизни. И взорвать планету вот так, чтобы её не стало – это ещё надо постараться. Теоретически это возможно, а практически все сразу заряды пустить никак нельзя. И гораздо меньших зарядов достаточно, чтобы уничтожить цивилизацию и сохранить планету, но уже безжизненную. Это школа, такие расчёты в школе говорят. Нет, конечно протоцивилизация была. Мы же Вадика нашли.

– Вадика-то нашли. И мне он не даёт покоя. Куда он делся.

– Куда-куда, да у биологов он, я сам его передал, когда уже не помню. С ним всё в порядке. Только подробностей много, сам понимаешь, а мы знаем только десять процентов. Эти десять процентов – не повод строить новую базовую концепцию и говорить, что этот Вадик причастен к тому, чтобы создать нас. И Вадик может быть просто пилотом с другой звезды, зачем-то взявший излучатель. Он включил его и погиб. А был как бы проездом.

– Ну, нет, разовая экспедиция – это просто не тот масштаб. Но доказательств недостаточно, я согласен.

Тихо и спокойно с осознанием полноты опасности бойцы одевали на себя скафандры. Без пяти минут герои шли по собственной инициативе в самое пекло эпидемии, чтобы её предотвратить. Мэру вдруг позвонили, кто-то из активистов-патриотов, и предупредили о походе, тот через минуту дал добро и поблагодарил за инициативу. С точкой выгрузки отходов и маршрутом согласился, назначил диспетчера. Какую-то девушку, звать Еленой. Та девушка долго отчего-то соображала, а потом вдруг потребовала от начальства, т.е. мэра, выставить посты охраны на кислородном заводе. Чёрт возьми, как-то всё не по плану и неправильно. Уже три отряда тут же побежали на тот самый завод. Инициатива превращается во что-то системное и многозначительное. Мэр вдруг додумался до проверки всех систем и сотрудников завода. Елена просто следователем оказалась. И она завела дело. Нет, смешно конечно, причём тут уголовное дело, если люди могут погибнуть, а некоторые погибли уже. Смешно говорить о каком-то там расследовании, когда все силы надо бросить на …. Нет, формально девушка права, но разве об этом надо думать? Мало ли, что Земля подумает? Она там что-то думает. Мы формально подчиняемся. Почему-то некоторых бойцов бесит не слово «формально», а слово «подчиняемся». Да так оно и есть, всем горожанам обосновано казалось и думалось, что их кинули, что никто не прилетит, никакие бригады врачей и специалистов. Да что знают эти специалисты, что такое FH1N1!? Какой-то условный генетический код вдруг сработал, и бойцы уже через десять минут оказались на кислородном заводе. Весь отряд из двенадцати человек взяли и вбежали в нужный зал фильтрации. Встретили

какого-то пьяного мужика, видного начальника этого завода, который был весь в яркой зелёной коже. Весь голый. И как он в одних трусах добрался до этого зала. И как такого пропустили. Хотя успел другой отряд вбежать и надеть на него наручники. Так или иначе, но пленник говорил о том, что шансов нет, что вы только идёте по горной тропе и пытается вот этот водопад поднять вверх. Что-то типа этого говорил этот пьяный дряхлый старик. Сказал о водопаде, и, поняв весь масштаб спецоперации, умер. Резко сердце остановилось, когда он понял, зачем нужны скафандры. Ведь он умер именно в тот момент, когда доставали большие цилиндрические фильтры. Они все герметично запаяны. На специальном лифте их спускали вниз и тащили к вездеходам. Четыре вездехода медленно упаковывались равномерно противными бочками. Бочки грузили наверх на платформу, а потом фиксировались стальными тросами. Зевак собралось предостаточно. Оказывается, столько служащих завода? А почему они все не на рабочем месте. И заявление директора Сириусовского о том, что их уволят и отправят на Землю, что заведено уголовное дело, — а всё шло мимо ушей. Только Кирилл вдруг не выдержал, открыл скафандр, достал громкоговоритель и крикнул:

— Открыть порталы, сейчас домой в Фаэтон отправитесь, а тело здесь оставите. Да здравствует смертельная казнь!

Публика резко побежала во все стороны. Бойцы успевали ловить. Некоторые попадали, некоторые прямо об столб головой. Но эффект что надо. Спецназовцы спокойно сели в вездеходы и помчались на них к башне Менделеева. Там были превосходные ворота. Но проходили они их медленно. В этот момент все бойцы прощались с городом, словно портал в мир мёртвых открывается. Первая машина с Андреем и Кириллом, и ещё каким-то бойцом въехала в шлюз. Воздух медленно выкачивался из камеры шлюза. Здесь есть светофор, светящийся красным. Медленно шли секунды. Потом светофор дал жёлтый сигнал, оставляя красный. Ворота тут же стали открываться. И через минуту машина помчалась. Но пришлось остановиться рядом, чтобы дождаться остальных. Ещё три машины проехали быстро.

Как только машины стали двигаться по марсианскому бездорожью, внимание предельно усилилось, зачастил пульс, и волнение проникало вглубь сердца. Мелькали красновато-фиолетовые дюны. Андрей держал вездеход ровно. Ехали быстро. Впереди была какая-то свалка уже проржавевших роботов. Они не опасны, поэтому их оставили здесь. Ехали на самом деле не по дороге, хотя здесь должна быть дорога, а по чему-то непонятному. Всюду был железистый песок. Сезон ветров оказывается открыт. И как его не могли заметить даже они, спецназовцы.

FH1N1 давала о себе знать. Мерещились всякие кости. Чёткий скелет динозавра Андрей увидел прямо по курсу. Быстро машина приближалась, и пока Андрей думал, глюк рассеялся.

— Я прошлый раз ездил по этой дороге к той самой трещине, куда химотходы скидывают, — ответил тот самый новичок, зовут Витькой, оказывается.

— И? — не понял Андрей.

— Что и, дорога где?

— Ха, а что ты отвозил?

— Да в прошлый раз авария была на установке, это ещё до эпидемии было. Вот фильтры так раз отвозил. Тогда там какая-то ошибка была, их не так подключили. Ну, программный сбой испортил фильтры. Вот и пришлось их менять. Там, где мы должны быть, есть такая длинная трещина под десять километров. Шириной под семьсот метров, а глубиной в шесть километров. Там хана всему будет. И какой-то метан выходит. Там так раз метановая река какая-то. Она течёт больше под поверхностью, а здесь она даже выходи наружу.

Машины едут медленно по песку. То и дело колёса прокручиваются на месте и машины застревают. Уже в пятый раз Кирилл и другие бойцы при помощи обыкновенных лопат очищали дорогу. От монотонных постоянных движений лопатой уже болели руки. Машины продолжали петлять теперь уже между каменными валунами.

— Подожди, останавливаемся, — вдруг сказал Андрей посреди валунов. Машины все по команде остановились, а командир отряда пошёл куда-то в сторону.

— До трещины не так много осталось, — говорил в ответ Витька.

— Здесь что-то есть, я точно знаю.

— Да что тут может быть, разве что вход в пещеру.

Вход в пещеру действительно был, сугубо вертикальный вход. К огромному валуну был прицеплен трос. Рядом остатки какой-то техники Ошеломлённый явными признаками присутствия человека, Кирилл, да и все остальные поняли, что одним ход за пределы города был закрыт, а другим за взятку разрешалось даже по пещерам лазить. Ох уж этот комендант. Главное следы вездеходов есть. Ох, сколько их тут. Десять машин тут точно были. Люди здесь были совсем недавно. Даже свежие следы протекторов остались. Вездеход поехал даже в сторону от города. Явно за артефактами древней высокоразвитой цивилизации ведётся настоящая охота. Наверняка всем, кому надо и есть деньги, сообщили о том, что здесь под поверхностью древний погибший город. На валуне кто-то оставил какую-то странную штучку. К решётчатому диску с резьбой прицеплены сверху два маленьких штыря. Внизу какой-то разъём, тоже прицеплен к диску. Взглянув между валунами, прямо в центр композиции, Андрей обнаружил там ещё кучу всяких древних различных разъёмов. Обойдя этот круг из валунов, Андрей прошёл дальше и увидел кучу непонятных древних баллонов с всякими древними надписями. Брать здесь нечего. Баллон, конечно, представляет историческую ценность, но

— Подожди, — Андрей подошёл к большой груде камней, за которой была ещё большая какая-то штуковина. Это был цилиндр, сужающийся сзади. Спереди есть какой-то диск с решёткой. — Все поняли, что это какой-то двигатель? Значит, на первую машину его затащим, он не такой здоровый, так что непонятно, почему они его кинули. Для тех идиотов, он был слишком тяжёлый, хотя как они его из пещеры достали? Может они планировали его, потом забрать.

Но бойцы осторожно достали этот двигатель прямо на кузов положили. Для этого пришлось повозиться с тросами. Сначала все тросы с первой машины снять, потом оттащить на край фильтры. Установить двигатель и вновь возиться с тросами. Их еле-еле хватило. Только в итоге через час смогли двигаться дальше между валунами.

Пришлось вилять по дороге, чтобы не врезаться в камни. Приходилось останавливаться и откидывать большие камни, чтобы проехать.

— А как работает эта хрень? — спросил Витька, нервно жуя конфету. Курить здесь нельзя, а вот жевать – сколько угодно. А курить от волнения хочется.

— Скорее тягу даст, чтобы преодолеть атмосферу, — стал рассуждать невыносимо спокойный Андрей, — но чтобы лететь меж звёзд – это уже будет очередной миф.

— А может это машина времени?

— Нет, машин времени быть не может.

— В принципе, но, по-моему, может. Просто это такой резонатор, влияющий на время. Ну, я не физик. Проблема в том, что это не будет достояние науки, если попадёт этим идиотам. А будет именно в частной коллекции. Там же явно что-то плескалось и сейчас плещется. Там же его можно вдруг даже восстановить.

— Да если у физиков получится, то будет прорыв века. Ну, что им всё создавать по мелочи, искусственное гравитационное поле малых мощностей, как у нас, слабенькие термоядерные реакторы. Ведь наш гравитационный щит на куполах прямое ядерное попадание не выдержит. Хотя если взять этот принцип рассеивания радиоактивных частиц гравитационным полем, то можно давно изобрести противоядерную защиту типа такого щита.

— Мощностей не хватит нынешних.

— Ну, вот, слушай бесценная находка. Явно он гравитацию излучал.

— Ну, выглядит как двигатель, во всяком случае, — вставил своё Кирилл, сидевший к этому времени за баранкой, — но мы же не экспертизу составляем, а берём и гадаем на кофейной гуще. Так, вот и трещина.

Валуны резко кончились, и тут же появилась гигантская трещина в земле. Внизу была действительно неспешная река. Фиолетово-багровые отвесные стены трещины, изогнутые коррозией. Где-то внизу видны какие-то тёмные маленькие участки. Приглядевшись, бойцы поняли, что это опять пещеры. От реки исходил какой-то газ. Он то и дело поднимался всё выше и выше. То ли газ так играет, то ли реально что-то есть. Но всему отряду казалось, что человеческие кости то и дело плывут в этом метане с севера на юг. Серые кости на чёрном фоне метана. Они появлялись слишком часто. Ощущение того, что вся планета — это кладбище так прицепилось к сознанию. Весь этот мир одно сплошное кладбище, где нет место ничему живому. Разве что какая-то бактерия здесь живёт. Какие-то зеленоватые пятна вдруг проплыли медленно так и неспешно. Кирилл заметил какого-то человека, выходящего из пещеры посреди обрыва. Он стоял на краю и смотрел вниз. Человек был в скафандре – значит наш.

— Сейчас я его сниму на камеру, чтобы знал навсегда, что мы тут пещеры контролируем, — сказал Кирилл так, для проформы, но включил камеру и работал как оператор. Но доказательства несанкционированного доступа его сейчас не интересовали, он просто хотел себя проверить: глюки это или нет. Андрей посмотрел на камеру, а потом сказал резко, и неожиданно доставая какие-то тросы из широкой коробки: — Я сейчас спущусь и покажу.

— Нельзя, — схватил его резко Андрей за руку.

— Сейчас я его достану, — не замечая Кирилла и остальных, Андрей всё бормотал эту фразу, только через минуты две сказал озлобленно: — Ты что не понимаешь?

— Я понимаю больше, чем ты.

—Смотри, он на камере, это не глюки.

— Я вижу то, что показывает камера.

— И что это не доказательство?

Андрей только сейчас смотрел на камеру. Камера дёргалась в руках Кирилла, и ничего не было заметно. Кирилл вновь направил камеру вниз. На ней что-то белое пыталось спуститься ниже.

— Даже если там человек, — резко сказал Андрей, а точнее уже кричал матом, — твою же мать, если там хоть грёбанная тысяча трахнутых кое-куда дебилов, зачем тебе рисковать собой и вправлять им мозги? Ты что грёбанный такой пророк, спасающий трахнутое последнее человечество, а точнее скотов-дебилов, поклоняющихся зелёных человечков. Тут у тебя опасный груз. У нас и так бойцов мало, а если там остальные грёбаные трахнутые в задницу скоты начнут революцию или просто захотят наш купол открыть? И ты погибнешь, а остальной город кто на своих плечах держать будет? У тебя нет никаких доказательств, что это человек. Это просто нечто белое, по габаритам напоминающее человека, спускается из пещеры. Вездеходы здесь только наши. И без вездеходов сюда не добраться на одних скафандрах – это просто кислорода не хватит! Или ты тоже веришь в эту хрень?

— Пусти, я должен проверить.

— Да даже если это тот самый ублюдок, пусть сдыхает. Что он тебе скажет?

Кирилл, пытался сначала вырваться из тесных лап разума, но вдруг крикнул:

— Камера! Камера! Мать твою!

Камера уже летела в пропасть, прямо вон туда, в метан. Она стукнулась об отвесную стену, полетела вниз, опять стукнула об выступ, всё больше разваливаясь. Ещё выступа пять, и она упала в метан. Что-то белое стало спускаться вниз.

— Андрей, — говорил Витька, — ну это, правда человек, глыба льда так не спускается.

Слишком аккуратные движения, слишком медленный спуск так называемой глыбы льда. Андрей всё же стоял вместе с Кириллом над пропастью и держал обезумевшего временно напарника. Кирилл кричал:

— Это человек, ты понимаешь, что это человек?

Андрей смотрел, не отрываясь на белую точку, которая уже повисла на чём-то. Какая-то нить сверкнула при свете Солнца. Андрей только спросил уместно:

— И чего туда лезть. Грёбанный трахнутый в задницу Фаэтон! Адреналину не хватает!

— Причём тут адреналин? — вдруг не понял Кирилл. Он уже оценивал свой спуск.

Андрюха понял это и с вопросом смотрел на Кирилла, по-прежнему держал его крепко. Теперь ещё и Витька подключился, приговаривая:

— Ребята, давай держаться друг за друга не только руками, но и словами. Может это какой-то призрак, я не знаю. Это же гигантское кладбище. Вот призракам и положено

быть на кладбище. А мы спустимся вниз, и что будет? Пропишемся на этом кладбище, и станет призраками?

— Нет, — сказал Андрей, — это не призрак. Мне так кажется? Бойцы, вы все эту хрень видите?

Остальные девять человек из отряда смотрели тоже вниз, стоя на обрыве. Кто кивнул, кто отрапортовал, а кто-то предложил:

— Тише вы, всё равно шансов нет спуститься. У нас троса не хватит. А без страховки тут нельзя. Даже если их всех связать. На вас действует информационное поле Марса, как и на меня. Здесь у этой планеты такое поле, радиация, что ли так действует, или бактерия, или ещё что-то, особенные такие частицы. Они и заставляют видеть всякие кости, всякие артефакты или ещё что по круче. Тут такое поле, понимаете, физическое поле. Оно вызывает эффект Фаэтона. Вот из-за него люди теряют рассудок. Слыхали по телеку о таких полях?

Что-то все вдруг замолчали. А боец только прошептал:

— Единственный способ – это просто остановится и стать как бы статуей. Не буквально, а мысленно, чтобы ни одна эмоция не была произнесена. Хорошо тем, кто не эмоционален и у кого толстая кожа. Тут не фильтровать нужно инфу-то, а вообще всю блокировать, до поры до времени, пока ты не успокоился.

Отряд застыл, наблюдая это кладбище. На кладбище здесь по расписанию ветер. И ветер подул. Белая точка резко и дерзко, быстро с ударов поцеловала всем телом скалу и стала быстро падать вниз. И всё.

— Кто это был? — спросил Кирилл, когда всё уже было кончено.

— Этого мы никогда не узнаем, какой-то трахнутый на всю голову сталкер, — сказал тихо Андрей, — или в правду призрак. Скидываем эти фильтры и едем домой.

Стали развязывать и снимать тросы. И по одной бочке стали скидывать. Бочки стали лететь вниз и рассыпаться в воздухе, издавая жуткий гул. Переворачиваясь постоянно на триста шестьдесят градусов, бочки с оголтелым звоном падали вниз. И только когда все бочки были брошены, вдруг Андрей сказал:

— Не знаю, а у меня на сердце чувство выполненного долга. Я город спас. Не то, что с эпидемией покончено, но это прорыв.

— Аналогично, командир, — сказал Кирилл, — до сих пор не понимаю, почему у других людей нет чувства долга. Хотя этого мало, нужно родину любить по факту рождения на её территории.

— Конечно, вот какой долг был у этого ублюдка?

— Нет, Андрюха, спасибо, что удержал, тросов реально не хватило и я бы не успел. Главное на Земле я таким не был.

— FH1N1, что ещё сказать.

— Главное, хочется как лучше. И везде успеть хочется.

— По вездеходам. Точно, нужно ещё успеть.

— Я уже диспетчеру всё сообщил, — сказал Витька. — Это вы как придурки инициативу проявлять любите, а я связь постоянно держал.

— И что сказала это грёбаная курица?

—Это ещё один какой-то наш начальник, по-моему, атомной станцией заведовал. Его она разыскивала. По маячку проверила. Надеялась, что он одумается. Маячок сработал, когда он из пещеры вышел и повис.

— Ха, народ выживает, как может, а начальники его дурью маются! — крикнул Кирилл.

Глава 13.

– Код «Ф три нуля», – сообщил Семён какой-то пароль, какую-то кодовую фразу через шифрованный канал связи диспетчеру на Земле, когда светящаяся фигура появилась через некоторое время на ферме. Свет вскоре пропал, который бы оформлен в форме светящегося эллипса. На этот раз тот странный фаэтонец, которого видели только фиолетовые глаза двоих человек, присутствовал здесь физически. О чём и говорила видеосъёмка Фаэтонец смотрел на нелепого Семёна, как бы снисходительно ожидая чего-то там, каких пафосных фраз, мол, он уже предупреждал о втором пришествии. Семён продолжал речь: – Странники, описанные братьями Стругацкими, существуют.

– Да что ты говоришь, – сначала сообщила диспетчер, а потом посмотрела ещё раз перемотку трансляции: – Минуточку, так это же, ёжкин кот, твою же мать, телепортация хрен знает каким способом.

Неведанная сила стояла перед земным человечеством в полной амуниции. Что-то наблюдала эта неведанная сила. И называйте её как угодно, божественной силой, политической, мистической, продуктом чересчур больного воображения двоих человек, нет теперь уже троих. Но политическая сила ответила резко и нагло:

– Вы теперь, я надеюсь, не будете утверждать, что ваше коллективное сознание воображает так, что проявляет образ на цифровой камере. А то есть у цивилизации вашего уровня считать нас, инопланетян, или плодом воображения шизойдного склада, или реально существующим божеством, сотворившим аж все двенадцать планет вашей системой, и звезду так таковую, коих было изначально две.

– Двенадцать – это хорошее число, даже священное, – сказала непонятно что Айннет, а потом инструкций не было сказано и ранее, и сейчас. А если и был лекция о странниках Стругацких, то она прошла явно мимо. Айннет выпрямила спину и вдруг сказала, словно она и есть всё земное человечество: – Странно, что вы прибыли к нам в таком виде. Обычно вы являетесь к нам как обычные люди и подменяете каких-то там чиновников и естественным способом меняете нам ход истории. У вас уже есть наверняка российский паспорт и родственники на нашей планете. И вы разведчик со стажем. И вы прогрессор, мать его. Вы ведёте нас как минимум с двадцатого века. И более того, вы летаете так тихо и не заметно, притворившись шаровой молнией. Сколько людей из-за вашего явного, но, я бы сказала, замаскированного под обыденность, вмешательства людей сошло с ума или повесилось?

– Минуточку, кто я?

– Разведчик, правда, инопланетный.

– Так и читаю: сейчас бы наручники и группа захвата из двадцати человек. А что у вас есть на меня? Ну, телепортировался я просто так из будущего. Ну, это вполне понятная процедура для нас и нашего мира. А то, что ваша цивилизация не знает телепортацию – так не в этом соль. Я пришёл вас предупредить, чтобы вы не убирали свои фиолетовые глаза. Новый народ….

– А кто вы такой, чтобы нас предупреждать. Может нам фиолетовые глаза так раз мешают.

– Это понятно.

– Что вам понятно? Вы те самые, кто эвакуировались в своё будущее, лишив возможности цивилизации восстановить себя?

– Да частично, ох уж эти фиолетовые глаза.

– Минуточку, – диспетчер ничего не понимала, но записывала что-то на бумаге. А потом спросила: – Гражданин эвакуированный, в смысле фаэтонец, прогрессор и тому подобное, в общем господин странник, у нас на примете есть кое-какие подозрения, но речь не о них сейчас, скажите, как мы можем с вами встретится при нормальных обстоятельствах на Земле и просто поговорить как разведка с разведкой?

– Пусть сначала объяснит, почему нельзя сразу резко ускорить всё человечество, минуя аж две мировые войны? Почему нужно было так медленно нас развивать? Ведь они же нас кинули на десять тысяч лет, а то и более. Зафигачили в наши гены атомную бомбу класса конец света и с концами. А потом явились. Смысл?

– Минуточку, я понимаю вашу эпидемию, – сказал деловито диспетчер, – но давайте о контактах поговорим сначала нормально, пока сигнал идёт. Я вообще-то старше по званию.

– Нет от чего же, – сказал фаэтонец, он же прогрессор, он же странник: – понимаете ли, хотя ваша биология и психиатрия приходит к понимаю этих процессов в генах только сейчас. Если взять ту ситуацию, когда вам полностью внедрили библиотеку от нашей цивилизации, то сразу раскрыть её всю полностью означало то, что мутации будут неустойчивые. И если бы вы тогда полностью овладели всем нашим добром, то вы бы себя уничтожили. Было бы две планеты Марс. Дело в том, что если вероятность сотворить вас, физически такими же, как мы, была – около десяти процентов, то вероятность такой мутации, чтобы вы были на уровне с нами – составляет всего три сотых процента. И лишь десять случаев из великого множества было, когда психически вы были как мы, но и то не на сто процентов. Вы физиологически не можете воспринять ту истину, которая есть у нас, так как у вас не хватает некоторых наших генов. У вас есть много общего с нами, но у вас нет тех генов, определяющих нашу волю и сознание. И мы не отреклись от вас. И мы помогаем вам не открытым способом лишь по тому, что вы открытой помощи не выдержите физиологически. А мы, поэтому помогаем вам скрытно, чтобы вы на нашем примере поняли, что нужно делать. ДНК хранит информацию не только посредством атомов, но электро-информационного поля внутри этой молекулы. Так легко и просто объясняется физически пара мысль-ген. И есть исторические установки у нас, которые привели к массовой эпидемии паранойи в масштабе планеты. Люди возомнили себя божествами из-за предка известной вам бактерии, как там вашу бактерию называли, FH1N1? FH1N1— это то самое генетическое оружие. Использовалось для того, чтобы перекроить этническую карту планеты и сотворить новый народ. И он должен жить, этот новый народ, так как это наиболее устойчивая форма существования той библиотеки знаний о Фаэтоне, которая у вас есть. У нас было пророчество: те народы, которые погибнут от того генетического оружия, использованного тогда во время конца света, воскреснут вновь и восстановят всё на радость всех сторон. У вас есть бесценная информация о том, как при помощи генетического вмешательства восстановить фаэтонскую природу, восстановить всю фаэтонскую библиотеку. Пророчество первое: будет новый народ с фиолетовыми

глазами со своим государством, обладающий способностями видеть социальную энергию этими глазами. Это государство будет на Марсе. Это государство начнёт возрождать Фаэтон путём запуска ядра его гравитационными лучами. Народ запустит атмосферу и вулканическую активность.

Он здесь был физически и камера это видела. Пришелец передавал какие-то условные коды. Они все были одного формата: код из заложенной в генах библиотеки, историческая дата, мутация, код генетической операционной системы. Подобного рода классификация только сейчас создана альтернативными историками и альтернативными генетиками. Они утверждали о каких-то линиях наследования того самого Фаэтона. Айннет слышала коды каких-то странных мутаций страшной болезни. Мутации при помощи странного дерева распространяются от предков к потомкам. И именно от таких слов Оксане стало плохо. Чем дольше он говорил, тем сильнее от видений этих деревьев становилось плохо. Голова сильно закружилась и ноги подкосились. И Семён тоже упал. Пара потеряла сознание. И диспетчер, понимая физический контакт с тем, кого принято у предков было называть Богом, то же упал со стула. В каких мирах их воспалённое сознание летало – не было вполне понятно. Но силой волей светящаяся фигура, причитая что-то типа «я же говорил, что рано, но кто я там такой», взял души троих двоих человек и всунул их обратно в тело. А тот самый диспетчер уже видел тоннель, в конце которого яркий белый свет. Он шёл по пологой лестнице наверх. Кое-где светили лампы на стенах. Вся жизнь проносится перед глазами. И невзрачный юноша в университете, которого когда-то этот диспетчер забыл. И он вроде как даже погиб. Да вот его тело достают из озера. А вот ещё один случай, где он помог с физикой ядра. В частицах внутри атома он никогда не путался. И помог в лабораторной работе вычислить гравитон и гравитационную энергию. Он тот самый, код заявлял открыто о том, что если Вселенная разумна, то её внутренняя речь – это гравитация, а носители речи – гравитоны как буквы алфавита. И он даже читал на гравитационном языке какую-то фразу. Короткую фразу прочитал: «те зёрна, что пропали, однажды прорастут, и те, кто убежали, однажды прибегут». А этот парень однажды убежал с пары на то самое озеро, где его и нашли. И вот в тоннеле дверь, за нею слышен звук перфоратора. Такой противный и жуткий звук. А потом вдруг открылась дверь с боку, та самая, где идёт ремонт. Всюду стружка и крожка. И узкий боковой коридор, где куча проводов. Тот парень с обыкновенным именем Иван, взял диспетчера за руку и вывел из-под рук смерти. Но, всё ещё находясь на границе, парень просто сообщил:

– Всё будет хорошо и с тобой и с отечеством, если бы мы сомневались, то вы бы просто не попали бы на Марс. Иди и вставай.

Диспетчер проснулся, чётко помня дверь с надписью: «Ф000. Генеральная линия». Эту надпись он, уже включив своё сознание и тело силой мысли, прочитал вслух, и все поняли, что они ничего не поняли за столько лет работы вместе внутри огромного космического пространства. И естественно то, что осознав всю свою безграмотность во всём, могли бы просто умереть. Ведь телепортация невозможна в принципе. И как бы, если она произошла.

Оксана уже очнулась и смотрела на цветы гелионы. Они как-то странно светили. Если взглянуть сверху, можно увидеть много две молекулы ДНК. И одни участки одной

воображаемой цветами молекулы переходили в другую молекулу. И наоборот. Гены переходили от одной молекулы к другой. Именно целые фрагменты по три нуклеотида.

– Что они делают? – Оксана резко встала, хоть голова кружилась сильно: – Почему вы так светите? Вы хоть знаете, что это такое? Да как можно растениям заниматься селекцией?

– Это не фаэтонец, следов на Земле нет.

– В смысле?

– Диспетчер, вы на связи? Вы там померли?

– Отнюдь, – диспетчер ответил: – просто давнего друга в состоянии клинической смерти увидел. Он и после смерти помогает. Так говорите: нет следов?

– Я пойду медленно, винтами за дозиметром, – сказала Оксана, а Семён просто сидел на полу.

– Бессмысленно, но стойте, если бы телепортация была, то радиацией всех бы изжарило.

– У нас прибор есть, где-то был в лаборатории, – Оксана шла винтами, а потом подошла к стене, чуть не упала, но опёршись о неё шла далее напролом. Растворилась в двери и что-то там шумела.

– Странно, я живой, – говорил, с трудом собирая слова в единую систему Семён, – и чего он сделал? Он сказал какие-то условные команды и у нас приступ. Странно, что за условный код какой-то там библиотеки. Так нет же её. Это лохотрон со стороны тех альтернативщиков. Это просто что-то наподобие финансовой пирамиды. Идеологически выгодно всё скидывать на пришельцев, в том числе и с Фаэтона. Кто несёт ответственность за всё то, что было в нашей истории: за репрессии и террор, за кризис и голод, за диктатуру и анархию, за войну, гражданскую и холодную, за революцию и за застой, – во всём виноваты инопланетяне. А не мы. Не сам народ и его власть, а кто-то извне. Поэтому и выгодно говорить, чёрт возьми, о пришельцах. Это всё выгодная проекция в космос всех отрицательных и положительных качеств нашего общества, это всё выгодная позиция для того, чтобы оправдать своё поведение и свои поступки. Я не сам так поступаю, это я под действием инопланетян. Кто несёт ответственность за массовые убийства? Отнюдь не инопланетяне, как гласит идеология, а мы сами. Наша воля творит историю, а не какой-то там прогрессор из другого времени. А что касается той теории о том, что моя психика вот прямо сейчас не выдержала правды-матки, так это объясняется….

Он запнулся. Позиция была ясна ему самому, но воли не хватало озвучить эту простую, в сущности, мысль. Оксана притащила кучу приборов. Дозиметр и счётчик радиации показал то, что всё в норме. Измерители электромагнитного потенциала тоже ничего особенного не показала, лишь незначительное повышение на десять процентов. Айннет была разочарована, что нет никаких следов прогрессора:

– Выходит, что это всё-таки галлюцинация, как и в прошлый раз.

– Проекция психики, – говорил Семён, – ей не хочется нести ответственность за свою жизнь, вот она и выдумывает всякую херню.

Диспетчер с Земли, попевая чай и приходя в себя не выдержал:

– Мы его видели на экране. Он был полностью физически у вас. Видеокамера ваша его зафиксировала. И не только ваша камера.

Диспетчер только и смог с трудом это сказать, а позже через минутную паузу, стал смотреть по-новому видео. И все уже смотрели, в том числе и подоспевшие следователи из особого отдела. Целая структура, занимающаяся поисками прогрессоров, заинтересовалась двумя больными. Целая структура ищет странников, тех самых вечных странников. Какой-то зрелый мужчина из того отдела записывал ручкой по бумаге какие-то сказанные лживым прогрессором буквы и числа, а пока записывал, сообщил:

– Конечно, ваша теория проекции, молодой человек, как всегда актуальна. Ведь на видео что-то похожее на человека в форме, только это силуэт класса призрак. Какая-то заблудшая душа – сказал бы мистик и эзотерик. Но голос был слышен сквозь помехи. И я вот сейчас послушаю ещё раз, а вы все помолчите. Дело государственной важности.

Все затихли после таких слов и ждали и слушали. Голос сначала не был слышен. Но потом внимание сконцентрировалось, и были чётко слышны слова и предложения.

–Так что не могло это быть, – начал через десять минут следователь из особого отдела, – воображением это не могло быть. Я же считаю, что использовалась странная непонятная технология внушения. Человек здесь был, но в ином измерении, если хотите, то в гиперпространстве. И почему я делаю такой вывод. Именно потому, что вы все слышали реальный голос, который сказал то, что вы знать никак не могли. Это точка. Вы правильно сказали код, только сделать ничего вы не могли. Я не могу оценить поведение пришельцев из категории «Ф» с морально-этической точки зрения. Пусть на этот вопрос отвечает религия, а я не священник. Церковь должна разбираться в этических вопросах. Однако признать их правыми – я не могу. И виноватыми признать – я тоже не могу.

– Но почему? Почему вы уходите от ответа? – спросила Айннет.

А между тем Семён уже в какой-то истерике, стал говорить свой монолог, сбивая с толку мысль, лёжа на земле и вещая с сильной сердечной болью:

– Я, конечно, всё понимаю, что хочется верить в то, что всем управляют инопланетяне. Я всё понимаю, что проще сказать, что наш враг абстрактный Сириус. И как легко без доказательств, только по фактическому проявлению какой-то херни, что в народе называется призраком, мы легко и просто обвиняем во всех бедах пришельцев. А их здесь не было. Слишком много людей живут так, будто потоп будет завтра. Слишком многим людям выгодно, что в их алкогольной зависимости, виноваты те самые зелёные человечки. Но их нет! Нет, ибо если бы они были, то это не называли бы паранойей или белочкой. Всё это шизойдный бред. Шизофрения – вот наш диагноз. Мы расщепляем свою личность на несколько составляющих, одна из которых инопланетяне-прогрессоры. И мы слышим их голоса, ибо мы слабы духовно. Даже церковь, даже церковь не может нам помочь, ибо и она в тайне посылает всякую хрень в космос. Весь народ Земли посылает всякую хрень в космос, проецирует все важнейшие свои качества, неважно добры они или злы, прямо на другие цивилизации. Мы гадим в космосе, ментально гадим. Во всём космическом эфире мы берём и гадим. Оттого нам самим плохо. Так как у нас воли духовной, той самой метафизической, у нас нет, то мы не можем докричаться до них, до этих инопланетян. Только волевая мысль достигает других звёзд как нечто материальное, а все ваши эмоции и всё ваше расщеплённое сознание космоса

не достигает, ибо нет резонанса внутри. Надо чтобы был не только резонанс внутри, но и снаружи. Вот все эти призраки – это продукт пьяного коллективного сознания. Вот этот призрак – это именно проекция нашего коллективного «Я». Это всё электромагнитная энергия вышла из нашей коллективной психики и материализовалась в форме призрака, забрав с собой частичку нашей воли. Это наш бред, просто он вышел из мозга в ментальное пространство, пронзил материальный эфир и выдал сообщение. И это есть причина всему происходящему. Есть воля адекватная, слитая во едино, и даже являющаяся монолитом таким, цельным куском живого гранита. А есть воля расщеплённая на эфимерную призрачную составляющую, и биологическую, а так же ещё какую-то, которая только во сне приходит. Нет, пожалуй, во сне приходит эфимерная структура и начинает разговаривать с мозгом.

– Какая нелепая речь слышна от космонавтов, – проговаривал со злорадством диспетчер. Айннет после таких слов вообще заткнулась, взяла свою волю и пошла со цвета разговаривать. Те светили ей. А потом девушка решила как-то при помощи робота объяснить, как нужно играть. Но через полчаса цветы поняли условия тетриса и стали в него играть. Падали фигуры по светящемуся полю вниз сами. Сначала девушка указывала, куда им падать, а потом цветы стали играть сами. Диспетчер удивился и фиксировал этот факт, сказав:

– Да ну вас со своими категориями «Ф» и «П». Лучше пусть цветы в тетрис играют.

Айннет говорила диспетчеру в ответ:

– А я ровным счётом ничего не понимаю в разведке. Прилетели бы и сказали. И не мне, а прямо в тот отдел, вот лично вам, товарищ следователь. А я тут причём. Я вообще от них вот прямо сейчас отреклась и решила для себя этот морально-этический вопрос. И, слава Богу, что их гиперпаранойя нас не касается. Не может наш человек как они возомнить себя Богом. Мой Бог – не инопланетяне, а вот Христос, да и вообще вездесущая сущность. Я им поклоняться не собираюсь. И искать их не собираюсь. А цветы эти ни в чём не виноваты, ни в чём абсолютно. Они ведь сейчас спят и они-то сложной душевной организации. У них есть душа. И видят они все сейчас коллективный сон. Эти картинки можно им придумывать сколько угодно – они будут их показывать и демонстрировать.

– А генетическая программа в них же есть? – спросил следователь.

– Конечно, да есть.

– Ну, так кто-то эту программу, – следователь уже кричал ожесточённо, словно передним слепейшая глупая курица, – Эту программу кто-то записал. Взял ген и препарат и ввёл прямо в семя этот препарат и этот ген их световой речи. Кто-то определённо внедрил гены. Неужели вы так и не поняли, что они хранят послания от людей категории «Ф», да не просто категории, а целой гаплогруппы FR. Они же по любому наши предки. И вы не хотите расшифровывать это послание. Скажите нам это послание. Они же вам намекают сами.

– Ну, что вы так кричите, будет вам послание. Ничего не понимаю, зачем от них послание слышать. Ведь кто они там, чтобы передавать нам послание?

– Да какая разница? Это послание может стать основой мировой политики. Это послание – информация о нашем геноме. В нём может быть пророчество о нашей стране.

В нём может быть всё, что угодно, в том числе код всевластия над миром, код вакцины от всех болезней. Или код творческой способности.   Код сознания.   Там может быть ответ на многие главные вопросы человечества. А вы просто так, потому что они балваны и параноики, вы идёте только поэтому мимо истины, которая перевернёт весь мир и даст вам постоянный доход. Вы будете величайшей героиней, вы получите столько премий, а вы просто так идёте мимо.   Дайте нам то зашифрованное послание. Вынудите их психику вспомнить о нём и предупредить нас. Да их создатели ещё те сволочи, но вы обязаны дать нам спасение.

– А почему я должна спасать мир, нечего его спасать, – буркнула холодно Айннет, что-то там в своей головке понимая. Она уже твёрдо стояла на ногах и теперь сказала: – Я пытаюсь до сих пор найти с ними общий язык. И им вот нравится тетрис. Что самое удивительное, что фигуры падают случайным образом. Будет вам послание. Только ждать надо, буквально, ждать, пока ваши принцы соизволят вам его дать. А как это ускорить – понятие не имею. Наверняка, есть какой-то сигнал условный сигнал, но этот символ попробуй ещё найди.

Семён этого всего слышал сквозь сон. Картинка была в этот миг полупрозрачная и сновидение как кинофильм, быстро проникло в мозг. Врачи же диспетчера уговорили после прекращения сеанса лечь в больницу. И он действительно держался из последних сил. И именно это факт того, что три человека чуть не умерли, когда дана была такая информация кем-то. Именно этот факт заставил следователя всерьёз отнестись к данной информации. Естественно, в теорию создания призраков коллективным сознанием следователь не поверил.

Глава 14.

Отец Георгий сидел в комнате переговоров в доме-кольце, чтобы быть ближе к народу. Сам отец не видел тех разноцветных линий вокруг себя, ведь с глазами у него было всё в порядке. Превосходные голубые русские глаза вещали свободу и благодать. Он потирал свою бороду, попевал чудесный кофе и рассуждал о том, что всем предстоит. Сегодня в комнате переговоров на удивление все проснулись. И припёрлись люди с других этажей. Так что двадцать человек тихо сидели и смотрели на монаха с подозрением. А один с пацанской издёвкой спросил:

– А отец Георгий, а что вы видите такого, чего не видим мы? Вот я абсолютно здоровый. У меня целительное устройство, поправляющее мою ауру. Вот я сам себя исцелить могу и без всякого Бога.

Больные глаза смотрели на отца Георгия, полные истерики, тихой, правда, ещё.

– Беса вижу, – ответил монах, – того, что внутри тебе. Чёрного такого с бородавками. Беса-лентяя вижу. Ты всякую херню постоянно городишь, а сам при этом ни хрена не делаешь. Вот ты программист?

– И чё? Так что программировать? Тут же всё нормально работает.

– Не парень, нормально – меня не устраивает. Нормально в твоём понимании, это когда тело настолько лениться, что встать само с дивана не может. Вот ты представь, что хочешь встать с дивана.

А парень действительно лежал на диване и просто курил:

– А чего я буду представлять, ну встану, допустим. Ну, просто ты намекаешь на то, что я своё тело не контролирую.

– Почему намекаю, – рассмеялся отец Георгий, – я прямым текстом говорю, что ты не встанешь.

– Э, да ладно.

– Ты так обленился, что лежишь здесь безвылазно три дня и под себя ходишь. А всё понты крутишь.

– А, не это я просто восемь часов поспал.

– Ну, встань.

– Это принципиально? – парень приподнимается на локтях и с ужасным криком обезьяны падает вниз: – Нет, а так я здоров. Я же слышу.

– Ну, встань и иди.

– Ой, да нет, не могу.

– Бога в тебе нет, а бесы одни – вот идти, и не можешь, а даже встать не можешь. А блатного из себя корчишь. Вот здесь у вас у всех такие проблемы. Вот смотрите в одну точку, прямо на стол. Я беру из сознания и души этого парня Валерия того беса лени и высаживаю его на стол. Вот прямо сюда. А потом он погибнет на месте. Сам бес преобразуется в другой вид энергии и исчезнет. Необязательно, что он будет с рогами или копытами. Это может вполне себе обычный человек.

Какой-то придурок появился сидячим на столе. Он всё сидел и записывал что-то на листке. У него была форма какой-то силовой структуры. Он грозился всякими протоколами. Отец Георгий просто проговаривал вслух то, что витает в воздухе:

— И что бы ты, как человек не делал, он всё запишет. Из какой спецслужбы, явно ещё и неземной, — он принципиально не скажет. Каждое твоё действие зависит не от тебя и твоей воли, а от него. Он взял нас в заложники, манипулируя какими-то бессознательными животными установками. Всё в этом мире, всё от быта до политики и религии, — все процессы он, гад, рептилия какая-то, контролирует. Да он сейчас покажет свою как бы разумную сущность, этот динозаврик. Такой маленький стоящий на столе динозаврик на двух стоячих лапах. У него такой горбик и длинный в меру хвост. Хватательные лапы и короткая пасть. И может он только рычать и кусаться. И бить вас вот такими маленькими лапами. Это просто динозавр может вот такую теорию обо всём Фаэтоне. Это динозавр даёт вам эти устройства и теории. Он даёт вам теории и устройства. Миниатюрный телепорт, и он работает, не смотря на то, что колоссальная радиация убьёт не только вас, но и сам прибор. Миниатюрная машина времени, которая телепартирует вас в прошлое или будущее работает, несмотря на то, чтобы удержать все ваши квантовые структуры, требуется целая термоядерная электростанция с пятью энергоблоками. Товарищи бойцы, где у вас перед глазами огромное здание с пятью энергоблоками? Где вокруг вас вот эта самая система кольцевого реактора? Где огромный тор, где ядра водорода сталкиваются, образуя ядра гелия, а из гелия получается литий? Или что там получается. И какая энергия необходима? Путь динозавр объяснит всё. Даже если требуется написать десять томов, пусть объяснит вот то, что является первопричиной всех этих устройств: телепорта, машины времени, гравитационной пушки, устройство оптической невидимости, уменьшители, материализаторы и так далее. Нет, он молчит, нам требуется не ощущение устройства, а реальная теория того, как его сделать. Нам требуется от рептилии, чтобы она не передавала из какой-то библиотеки ощущений всякие эффекты и галлюцинации, нам нужно увидеть реальную теорию в голове, как работает телепорт. Сколько требуется энергии для того, чтобы совершить телепортацию. И что же Боги ваши, товарищи бойцы, не могут вам дать теорию. Взгляните на стол, где это существо, диктующее вам формулы. Вот этот кактус диктует формулы?

Все двадцать человек видели воображаемый кактус. Кактус был такой маленький, зелёный, в горшочке, молоденький ещё, самый маленький, какие есть в каждой квартире.

– Это Эхинокактус, маленький кактус, который живёт в наших комнатах. Он умеет говорить? Может он посланец каких-то странников с Фаэтона, не знаю, но как это прелестной растение может говорить. Не верите, Эхинокактус растёт в США и Мексике, в пустынях. Ему нужна известковая и глинистая почва, жара и водой заливать их нельзя. Мало того, максимум три метра в высоту он может достигнуть, и не дома, а именно в пустынях США и Мексике, – это для него домашние условия. И как эта хрень может вас гипнотизировать. Коснитесь его.

Тактильных ощущений не было, а отец Георгий спросил, когда после касаний каждого товарища бойца, гадкий кактус исчез:

– И где кактус? А где устройства? А где теории гравитационных межзвёздных струн и всего прочего? Нет. И нет. И теперь нет. И сейчас нет. А ошибаетесь, этот кактус у вас в голове. В мозгу он сидит и называется бактерией FH1N1. Он там сидит и жрёт ваш мозг. Где знания о программирование, о великом и могучем C++? Нет, меня интересует

не квантовые эффекты времени и всякие машины на этих эффектах основанные, вы мне объясните, какая сволочь вот это делает?

Часы идут вперёд, показывая три часа ровно, потом резко 14:59:40, через минуту объективного времени на механических часах, атомные часы показали: 14:40:05. Механические часы показывают 15:10:07, а атомные 14:12:09. Дата вообще странная 02.02.1888г.

– Хронологию, – гневно продолжал отец Георгий, – можно придумать какую угодно, в особенности, если кактусы в голове, но сейчас 2222-ой год, а не 1888-й. И часы атомные и все электронные совершают вот такие странные измерения времени. Мало того, вот сейчас, дойдя до 14:00:00, время пойдёт вверх. Вот прошла минута, а вам говорят, что прошло двенадцать минут, причём назад время пошло. И вот 14:00:00. Хорошо, теперь время вернулось и уже опять через минуту 14:10:10. Поздравляю, вы совершили петлю во времени, достаточно написать программу коррекции всех электронных и атомных часов и вот такие чудеса будут. У вас на телефонах, смартфонах, компах, – всё то же самое. Ну, гравитационное поле у каждого одинаковое, искривляющее пространство и время. Если это аномальная зона и здесь в ней есть портал. Портал – это то место, где в точке пространства сама кривизна этого пространства на квантовом уровне стремится к бесконечности. Вот есть эта вращающаяся воронка, – отец Георгий показывал руками вращающуюся воронку, – она вот она вот так вращается, и если встать в центр воронки и включить резонатор, или сама воронка будет с чем-то резонировать, то вы попадаете в эту трубу. Что такое бесконечная кривизна пространства? Это банальная труба, связывающая условно говоря, город Циолковский с каким-то другим городом, допустим с городом Владивосток. И буквально говоря, между Владивостоком и Циолковским есть эта труба, соединяющая нашу воронку и Владивостокскую. И разве в каждой точке пространства, на каждом квадратном сантиметре время будет совершать одинаковые петли во времени? Любые часы будут так идти, строго и синхронно друг с другом? Почему все показывают неправильное время, но одинаковое для всех. Если вы как-то влияете биополем на часы, то они всё равно идти неодинаково будут. А тут секунда в секунду, но какие-то петли вытворяют. Люди, опомнитесь, ради себя и отечества, эти физики манипулируют не только временем, но и вашим сознанием. Сигналы такого времени – сигналы управления вашим сознанием, попытка этот кактус в голове выдрессировать. Все эти программы управления не существующими устройствами, все эти якобы физически существующие у нас в городе инопланетяне-агенты, все эти программы, сканирующие ваши мысли посредством квантовой механики, – всё это, извините меня, лохотрон. Вас надули как воздушные шары. Как сами вы во всё это поверили? Нет, я вас и Бог наш оправдывает, потому что на вас действует бактерия. Но всё же стержень внутри должен быть, как же без него. Критично надо к миру относиться и своим ощущениям. Критично. Вот попала вожжа под хвост и буянит: хочу тут с инопланетянами разговаривать. А возьми и пошли её куда подальше. Ну, хоть пытайся. Цель человека – не свобода как ощущение, не страдание, не счастье, и вообще какое-либо ощущение; цель человека – прогресс как процесс развития, духовная эволюция человека, овладение новыми способностями и усложнением собственного сознания. Страдание вам даётся для того, чтобы вы в голове

у вас сформировалась целая система взглядов, целая теория, – отец Георгий искренно конкретно жестикулировал, внушал и манил наверх из этой бездны: – Жизнь – это божественная школа, где вы должны полученную на том свете теорию, доказать на практике. Если вы её докажите, будете рядом с Христом, если нет – будете в аду опять-таки её доказывать. Я вам говорю, что в рай попадают не из-за ощущений, не из-за страдания или свободного духа, а из-за того, доказали вы своим поведением и мышлением ту теорию, которая заложена в вашем предназначении. Вот сектант говорит, я страдаю ради Христа и ради Христа я напиваюсь и бьюсь головой о железные гвозди в полу. Разве Христос примет его в рай. Пока один сектант, пусть ради Христа, искренно забивает головой гвозди в пол, сотня человек, даже отдалённо зная библию или не зная её вовсе, искренно пишут научные проекты. И этот проект, пусть он не набрал такую популярность и не перевернул мир, он достоин того, чтобы его автор попал в рай. Вот этот сектант, который тупо просто забивает гвозди в пол, заявляет, что мы десять тысяч лет как минимум жили неправильно. Мы творили прогресс, мы изобретали колесо, колесницу, пушку. Мы изобретали бетон и стеклопакет. Мы изобретали компьютер, радио, телефон. Мы изобретали ракету и спутник. И всё это вместе, весь этот процесс творения за десять тысяч лет – всё это ничто, по сравнению с его страданием и забивание лбом гвоздей в пол. Неужели Господь выйдет и скажет: нет ученики мои, десять тысяч лет художники и учёные творили прогресс, а сейчас ради одного идиота, сворачивайте всё, и вперёд забивать гвозди головой? Мы пушинка в руках Господа. Не будет одного художника или писателя – придёт другой, умнее его. Не будет одного учёного – придёт другой. Человек заменим, потому что он пушинка, деталь общего механизма. Может важная деталь, может самая важная, но Богу важнее именно развитие, а не забивание лбом гвоздей. Поэтому сектанты попадут в ад, если не откажутся от своей ереси. Берите у Бога не ощущения, а знания. Ощущений нам и так предостаточно от нашей биологии. Есть гормон, отвечающий за ощущение свободы. Вот есть адреналин, отвечающий за ощущение страха. Вот можно взять электроток и пустить в мозг. И будет вам какие угодно ощущения. А Бог – это система знаний. И Бог вездесущ, это Разумная Вселенная, полная знаний. Мало того, что вы надумали? Какое терраформирование? Вы тут в бумагах написали о том, что неплохо было бы заняться терраформированием. У вас целые теории, где написано вечно на каждой странице «я чувствую», «я ощущаю», «я слышу», «у меня вдохновение». Меня не интересует же все эти чувства. Вот вы пишете, что вокруг города будет лес? А почву вы, где возьмёте? Вот эта теория ваша, господин пилот, изложена на обратной стороне отчёта о доставке грузов з Земли. Тут написано чёрным по белому, что привезли земной грунт для фермерских залов. Всё то, что выращивается здесь, выращивается в земном грунте. А вот рядом с вашей теорией, на лицевой стороне бумага, где описано то, что окружающий город грунт не приспособлен для выращивания растений. Отчёт какой-то там комиссии для зарубежных фирм. А вот отчёт с кислородного завода. Мы для чего построили кислородный завод. Чтобы воздухом земным дышать, а не атмосферой марсианской. Так зачем выбегать за пределы города без скафандра. А отчёт о радиационных измерениях? Я вам серьёзно говорю и говорить буду, что нам строительство и обслуживание города обходиться слишком дорого. Чтобы пригнать Европу гравитационными лучам, хе-хе, нужно сложить бюджеты

ЕС, Славянского союза, Китая, Индии и Бразилии, США и Канады, да даже если сложить все бюджеты всех стран, мы не сможем финансово пригнать Европу спутник Юпитера прямо к Марсу. А тут, когда вы молодой человек рассчитывали, Ошиблись в расчётах так называемого «гравитационного пригона Европы» на десять в шестой степени. Вот у вас здесь она есть, в коэффициенте бета икс, а потом этот коэффициент в результирующей формуле пропадает.

Двадцать человек, одухотворённые гипнозом отца Георгия, вышли из стеклянной комнаты, даже парень Валерий, лежащий на диване, встал и пошёл прочь.   Отец Георгий остался один.

Отец Георгий вдруг сам себе сказал:

— А они одухотворённые, но в глубине обиженные. Воображалы.   Мне кажется, что я сейчас в этом городе как в центре моего воображения. Господи, ну как им объяснить. Конечно, вроде нормально объяснил, раз драки не произошло, но в глубине души они не поняли.   Это просто, да, гипноз, но только толку от него.   Покажи мне эту духовную вакцину, которая поможет победить эту истерию.

Отец Георгий, уже слабый и полный волнения и тревоги, уснул.   Во сне он шёл по пустынной деревенской дороге. Повсюду зелёное поле, на котором растёт дикий люпин. А рядом опушка леса, где сплошь одни ели, какие-то безобразные и неаккуратные.   Здесь стоит колонка. Прямо посреди поросшей дороги, где нет никакого по близости деревенского дома. Дома и вся деревня в километре отсюда, а здесь дикое поле. Железная дорога в трёх километрах от этого места. И места здесь не священные, да святую воду скважиной не портят.   Георгий хотел пить и подошёл колонке, стал нажимать на рычаг. А вопрос витал в голове и срывался с уст, банальный вопрос, что он задавал при своей службе в городе-колонии. Вода только через полчаса с гулом полилась.   Пить коричнево-красную воду было нельзя.   Жуткое гудение уже было в голове, но верил Георгий, что после красной воды пойдёт прозрачная и чистая.   Но нет, алая вода всё ещё лилась и через полчаса и через час.

Вдруг вокруг него появилась вращающаяся алая светящаяся спираль.   Резко и неожиданно отец Георгий ощутил себя падающим куда-то в бездну.   Вокруг него резко появилась воронка, и люпин на поле рос уже на стенке воронке, как и деревья, растут под наклоном. Искривилось само пространство. Искривилось само время.

Спустя минуту священник падает в абстрактном мире вниз, летит по этой трубе, о которой он говорил только что.   А по центру трубы, явно на квантовом уровне что-то происходит, течёт алая багровая   кровь.

— Сто, — какой-то счётчик звучит в голове.

Священник пытается за что-то зацепиться. За что зацепится, за прошлую опушку елового леса? А существует ли он? Когда ты находишься внутри червоточины, то нет ничего, даже пространства и времени, даже существование материи под вопросом.

— Восемьдесят, — опять голос в голове.

Кровавая жидкость напоминает синусоиду, какую-то спираль, какую-то хреновину.

— Семьдесят, — вот эта сама хреновина так говорит.   Приглядываешься, а там летящие в кровавой жидкости детские кубики, знакомые с детства. Может эффект линзы, может там ничего нет, просто железистая вода?

— Шестьдесят, — вот эта сама хреновина говорит, но уже детским измученным голосом ребёнка, которого жестоко пытали горячим металлом. Вопли, крики, выстрелы, взрывы.

— Пятьдесят, — уже конкретные черепа с какими-то наростами появились в сознании. Сознание смешивает всяких животных, изображая скелеты мутантов. Вот лошадь смешали с человеком. И скелет кентавра был виден не как отдельная точка, а как огромное полотно из какого-то параллельного потока. Сама червоточина, оказывается слоями. Он, священник, практически в самом крайнем слое червоточины. Т.е. это как слоёный торт, ты в креме летишь, а есть ещё двенадцать слоёв бисквита. Хотя какой это торт, это террор самый натуральный. Светящиеся шары какие-то теперь мерещатся, какие-то молнии. Галлюцинации достигли и отца Георгия. Хорошо, что это сон и здесь можно переболеть всей дрянью города-колонии.

— Сорок, — противный голос с немецким акцентом. Странные письмена мелькали перед глазами. Просто буквы на непонятном языке передаются в каком-то другом слое, наверно, по сердцевине червоточины. Боже мой, если уж если священник так падает в ад, то что будет с тем алкоголиком Валерой. Вон черепа бесов видны, они говорят: — Тридцать.

— Двадцать, — какие-то голоса с американским акцентом слышны в воздухе. Хотя какой тут воздух, всё трупами и кладбищем воняет.

— Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, — говорил какой-то шоумен в форме надзирателя, — четыре, три, два, один, ноль-ноль-ноль.

Священник упал вниз на какое-то поле, где просто растёт какая-то трава диковинная с множеством зелёных средних шаров вместо листьев. А рядом колонка, из которой течёт кровавая жидкость. Рядом с колонкой лежат фотографии.

На первом фото: портал в форме лежачего диска под землёй, старый и раздолбанный, рядом абсурдистская ёлочка с цилиндрами. Второе фото скорее график подряд идущих временных петель, непонятный математический расчёт. Третье фото: ядерный взрыв прямо в городе. Четвёртое фото: вообще непонятная какая-то пыль, тоже какой-то абстракционизм.

Дальше пошла конкретика. Сцена, где многие жители города Циолковский давали членам медкомиссии взятки, чтобы полететь на Марс. Практически все строители были неправильно допущены. А физики вообще были родственниками каких-то там миллионеров. Программисты в особенности давали взятки, чтобы попасть туда. А вот сцена, где те самые якобы именитые физике, подделывали результаты исследования, подделывали даже дипломы. Сцена бунта мечтателей на площади.

Священник на этом проснулся. Была глубокая ночь. Священник не мог забыть огромную реку крови между двумя пространствами. И понять то, откуда в городе Циолковский воронка аномальной зоны, вот это понять было невозможно по сути.

Свет был выключен, а рядом цветы сигналили. Священник стал спрашивать у них, успокаиваясь:

— Нет, откуда-то вы же появились? Нет, и как-то соображаете, что сигналить? Нет, если бы вы сигналили в ультрафиолете, или инфракрасном свете, то всё было бы ясно. И что эта за кровь там была? Как это оценить? Неужели вот здесь была цивилизация. Ну,

похож Марс на Землю. Ну, есть тут бактерии какие-то, вот из глубин пришли. Но почему мы все упорно думаем, что там, была фаэтонская цивилизация. Доказательств нет никаких. Абсолютно. Фаэтон – вообще согласно альтернативной теории – пятая планета от Солнца. И где-то я слышал, что астероидов не хватает на то, чтобы взять и собрать из них планету. Даже вместе с Луной, мать вашу. А пятая планета была на этапе формирования солнечной системы, но упала на Солнце. Миллиарды лет назад, когда никакой цивилизации у нас быть не могло. И в священном писании ничего такого не сказано. Ой, как они трактуют библию. Её и так переписывали по сто раз. Все эти соборы и догмы, все эти терзания религии. Теперь верить в прогрессоров-создателей, людей-Богов, а точнее людей, у которых гиперпаранойя – это наша религия? Да это секта такая. Какие-то больные люди. Нет, человек кончено имеет право на своё мнение, но ошибиться на десять в шестой степени. Это же какая точность расчёта. А пилот не видит, что везёт. Да что я говорю, сейчас об обыкновенном посредственном романе каждый такое мнение строит, и приписывает то, что там вообще не написано. И излагает из-за какой-то гадости такие теории. Вот человек хочет видеть в книге ровно то, что ему по каким-то причинам нужно, а не то, что есть на самом деле. Берёт свидетель какой-то хренотени начало страницы библии и её конец. Вот условно первый стих страницы и последний, и суммирует только эти два стиха, а всю страницу не читает. В итоге и получается противоположный смысл, где Бог разрешает убить человека, забивая его камнями. И они называют себя истинной религией. Что самое удивительно, считается, что если их адепт погиб, так, не отказавшись от своей веры, ну пусть даже страшно страдая, то он попадёт в рай. С какой стати? Это что же получается, можно совершать всё, что угодно, любые гнусности, трактовать всё что угодно как угодно, фактически переписывая под себя текст, и ты прав. Нет, у нас вот обыкновенный человек, грубо говоря потребитель, клиент, там обыватель, всегда прав. Надо жене изменять — придумали, что мужик физиологически так устроен. Надо убить человека — придумали, что она истеричка или просто, потому что мутант или инвалид. Раз инвалид, то жить тебе не зачем. Хотя перед Богом все равны. Ведёшь себя не так все, то сразу ты изгой, потому что выделяешься. А что делать, если все идут к пропасти? Вот все вы, рассуждая о Фаэтоне, идёте к пропасти. А я наоборот хочу выжить. Почему нельзя ругать клиента мне как работающему здесь в качестве психолога. Но их поведение объективно безнравственно и противоречит логике и закону.

Глава 15.

Коморовский вместе со своей девушкой Валентиной Мироновой синтезировали при помощи опасных реагентов ещё более опасные реагенты. Миронова ласково и нежно говорила при этом:

— Хорошо, что именно в нашей лаборатории можно синтезировать нанороботов. А то я опять засыпаю. Скорей бы таблетку приготовить.

— Так поспи, ты итак уже тридцать процентов перебрала формул, чтобы получить этот несчастный препарат, — отвечал Коморовский, глядя в фиолетовые глаза своей будущей жены: — Нет, фиолетовые глаза тебе идут.

— Да, не спорю, новый народ и всё такое. Прямо поражаюсь, почему нельзя спокойно эти глаза воспринять. Ой, вот если бы не эта навязчивая серость в коридоре. Это что, мэр к нам идёт.

— Странно, что только сейчас дошёл.

— А ты знаешь, у меня такое чувство….

Раздался стук в дверь. Потом она распахнулась, и влетел Василий Богданович:

— Ой, мама, у меня гигантский вихрь перед глазами. Голову кружит. Такое серое месиво. Нет, вот ваши жёлтые цвета намного лучше, а то повсюду была такая серость. Бунт намечается.

— Вот кого-кого надо списывать, так это мэра, — вдруг сказал дружелюбно Коморовский. — Нет, вывод о бунте делать только по серости в глазах. Это ещё надо умудриться.

— У вас же самих серость в голове и глаза фиолетовые.

— Какой прекрасный разговор о цветах, — ответила Валентина, — хотите что-нибудь выпить. Только алкоголь – это место жительства бактерий.

— Ну, знаете. Что серьёзно?

— Уже двадцать летальных случаев в городе, — ответила серьёзно Валентина, — мы просто статистику вам говорим. И все были пьяные в доску.

— Это буквально. Это не пропаганда трезвого образа жизни?

—Буквально, если хотите, то отчёт об эпидемии.

— Ну, хе, я чуть не умер бы, если бы не услышал предупреждение. Явилось недавно нечто белое и с крыльями и приказало не пить. Я вот услышал от этой сущности, что бунт будет.

— Ну, бунт больных – это наш профиль. Как бунтовать будут? У нас же есть мощные успокоительные. Да я уже слышу оранжево-жёлто-синие позывные боевой помощи. Сейчас серые цвета превратятся сначала в красные, потом в оранжевые и жёлтые, может даже белые и фиолетовые.

— Разговоры сумасшедших о цветах продолжаются? — вдруг спросил Коморовский.

— Мне успокоительное то же надо, но мне бы таблеточки от FH1N1 и участки мозга восстановить.

— Каково, нет, а мы вот только тридцать процентов формул перебрали только, осталось ещё семьдесят.

— Если что, я буду первым испытателем. А что значит, перебрали тридцать процентов формул. Что это за шифр?

— А вот у нас аппарат, химический реактор и создаёт препарат. Потом на крысах проверим. Видите, цифра тридцать пять, вот медленно мы движемся к победе.

— А на каком основании вы решили, что это правильный алгоритм. То же сущность белая с крыльями сказала?

— Ну, не знаю, как там у остальных, а мне логика подсказала. Нет, конечно сущность была. Но я просто полазил по справочникам. И нашёл логическое соответствие между сущностью и справочником. И построил научную логическую систему. Я вычислил, что бактерия FH1N1 – это действительно генетическое оружие, специально слитый наноробот с какой-то бактерией. Та бактерия, ну предок нашей бактерии, сама по себе безобидная. А опасен сам слитый с нею наноробот. Там в нём есть особенная ДНК, в которой есть ген фиолетовых глаз и не только. Есть ген зелёной кожи. Есть ген жёлтых глаз. Т.е. есть там ген какого-то существа.

— И он устойчивый?

— Ну как….

— В пределе своём, — мэр уже размечтался, — это поганое существо может жить. У него может быть стабильная жизнь.

— Стабильная? Ну, есть там островок стабильности. При правильной комбинации.

— И долгая жизнь?

— Ну, относительно да, до тринадцатого колена включительно.

— И интеллектуальная жизнь?

— Ну, а как бы тут скажешь, какой-то интеллект есть у зелёного рептилоида, т.е. зелёного человека с лягушачьей кожей и крокодильей пастью.

— А-а, ну понятно, что шансов нет.

— Ну, такое наследство потомкам предлагать, это уже попахивает такой гнилью. Хотя в таком стабильном состоянии размножаться невозможно. Ну, это же невозможно при таких гормонах и генах.

— Так, при таком потреблении спирта вот такое стабильное состояние, м-да, рептилоидное состояние.

Какая-то светящаяся фигура сидела спокойно на стуле в угле лаборатории и наблюдала за троицей. Фиолетовая какая-то форма, знаки отличия непонятные. Что-то непонятное, какая-то звезда с мистическими символами. Лицо было похожее на лицо какого-то поэта. И такой же романтически настроенный вид. Аж противно стало. Или кажется, или он физически здесь. Василий Богданович только что заметил странную фигуру и засмущался, нет похож на того поэта, но тот не был таким мускулистым, что ли. И у того не было такое длинное лицо. У этой фигуры, что ли череп удлинённый. Явно мужчина какой-то неестественный и как бы размытый. Уже пятьдесят процентов работы химического реактора сделано. Этот то ли воображаемый поэт, то ли инопланетный инспектор, всё что-то записывал на планшете с бумагами. Всё больше и больше это раздражало мэра:

— А что тут делает здесь делает этот придурок?

Врачи Коморовский и Миронова всё хлопотали над вакциной, поэтому не замечали вопросы мэра:

— Кто же это такой? Я его только один вижу? Какая-то хрень с глазами? Нет, всё же кто это такой? На поэта похож, ну который в девятнадцатом веке. Ну что молчите все, у меня приступ, а вы молчите. Тут какая-то хрень в этом углу. Дайте, я напьюсь, а то не выдержу его взгляда. Это что за инспектор? Какую хрень он там пишет? И вообще, как он сюда попал, мать его? Тут же инопланетянин сидит, а вы не хрена не делаете. Или испарите его, ну как он сюда попал? Тут же хрень какая-то не говорит, нет всё записывает. И что записывает — не понятно. Вся моя жизнь – это ожидание ревизора, того самого инспектора Высшей воли. Вся моя жизнь говорит, что нужно просто ждать своей участи и что любого можно взять. Так вот он меня сейчас возьмёт. Вот он записывает, чует все мои качества, чувствует мои мысли. Он же, поганец, телепат. Он же, тварь инопланетная, всё знает. Он же видит весь исторический процесс извне. Он как бы над этим историческим процессом, он над историей, он над временем. Он как бы из параллельного потока, того самого временного. Вот летит он сюда и думает. Вот как он, тварь, попал сюда. Вы проверяли всё на радиацию? Хотя бы надо что-то сказать, что-то дать. Ой, мамочки, ведь это он устроил эпидемию, чтобы нас потом проинспектировать. Они там с ума посходили. Я ничего не понимаю, почему все молчат. Я ведь здесь мэр. Если со мной какая-то мистическая сила возьмёт и что-то сотворит, то я же умру, а вы же тоже погибнете. Господи, у меня же паралич уже внутри. Моё тело не слушается, а он хохочет. У меня сейчас что-то будет.

Силуэт смеялся, а Коморовский вдруг сказал:

— Я слышал теорию Семёна Федоренко. Это мой друг биолог. Он выдвинул теорию проекции. Коллективное сознание русских народов может просто взять и воплотить в форме свечения вот этого самого инопланетянина. Нет, ну сами посудите, если это разведчик, да к тому же инспектор, то что ему тут делать вот в таком виде? Он-таки проиграет? Его по физиономии и форме можно идентифицировать, его можно распознать. Найти его коллег. Он так провокационно себя ведёт, что это даже слишком. И говорит он то, что может не знать, конечно, индивид, но само коллективное сознание русской цивилизации в своём пределе может знать фаэтонскую библиотеку и даже больше. Оно же этими понятиями у себя в ментале и оперирует. Вот этот ментал и есть гиперпространство, и там вся эта информация о Фаэтоне хранится, и коллективное сознание нашей русской цивилизации там же находится. Я не знаю, какая группа лиц будет здесь шпионить? Ну, смысл к тому же сидеть и молчать, а ещё что-то фиксировать, — Коморовский сидел на стуле и смотрел в тот угол: — Может этот текст слишком заумен для такой ситуации, и читатель самиздата не поймёт это, ну нашу теорию, которую мы напишем с Федоренко, но это явно не инопланетянин, да к тому же разведчик. Ведь я разрабатывают химические препараты, которые могут уничтожить их грёбанную планету. Вот как он это предотвратит. Вот вдруг это так. Он может только эмоции проявить. И всё. И наоборот, если бы инопланетянин был заинтересован в том, чтобы нам помочь, то уже бы дал таблетку. А нам приходится самим что-то делать. А если мы себя погубим. И как они светящиеся и полупрозрачные могут нам помочь, если ходить сквозь предметы – это закон для них? А если надо реально повлиять на материю? И как это может быть, чтобы

разведчик просто сидел и что-то писал, вместо того, чтобы активно и физически действовать. Ни одна разведка на это не пойдёт. Она прибудет сюда физически и будет действовать. Призраков мы так раз не видим. Вот смотрите….

Коморовский взял камеру и стал снимать. Он постоянно так теперь будет делать – видно по его физиономии, довольной до ужаса, что теперь их с Федоренко теория достигнет высшего здесь начальства. На камере видны какие-то блики, и довольный Коморовский стал трепетать и почему-то шептать:

— Вот видите, у него тела нет. Я плохо понимаю физику, не так, как вы, но это явно какое-то поле, сгусток энергии. Ну, наши щиты работают, вы меня понимаете? Вот эта хрень – не является человеком. Ведь если бы, как гласит идеология, они были бы в ментальном гиперпространстве, то всё равно тело бы человеческое у них было. А вот смотрите, его тут нет. Вот вы же физик, вот как вы физически объясните такое не соответствие. Вот призрак кивает, а энергетический сгусток делает похожее на кивок движение.

— Если бы сущность, — говорил мэр шёпотом в ответ, — насколько я знаю физику, а я её знаю. Вот если бы сущность берёт. Ну, если человек выйдет в гиперпространство так таковое. Вот если здесь есть портал, то для обычного человека он не будет видимым. Для обычного. А мы с тобой кто?

— Кто?

— Необычные люди. У нас фиолетовые глаза.

— И?

— Ну. Мы же видим гравитационную энергию? Т.е. энергию пространства и времени?

— В смысле?

— Так пришелец или не пришелец? Ты должен мне сказать, понимаешь?

— Что сказать? По моему мы видим электромагнитную энергию, т.е. биологическую, прежде всего.

— А мне святой…

— Погоди, кто? И его медкомиссия допустила.

— Не перебивай, он мне сказал, что у нас в глазах есть фиолетовая гравитационная линза.

— Погоди, отец Георгий сказал, этот нелепый парень? Ну, психологом он у нас работает, только тут конкретные таблетки надо.

— Ну, смотрел ты глаза, вот отец Георгий мне доказал, что это гравитационные линзы. А гравитационная линза, сеточка такая, может взять и увидеть гиперпространство.

— Ну, знаешь, увидеть, — Коморовский уже перешёл на «ты», — увидеть то самое сокровенное. В смысле ментал, эфир и тот свет? Ну, я исследовал фиолетовые глаза сразу, как только они появились.

— Ну, давай правду-матку. Если уж святой не прав.

— Как точно сказал святой?

— Видит глаз микрогравитацию, вот есть сеточка в глазах. И эта сеточка транслирует в мозг гравитацию на микроуровне.

— Любопытно. Вот смотри, — Коморовский открыл файлы на компьютере: — Вот сеточка есть, линза есть. Я проверил. Но как она работает. Это какие-то новые особенные клетки. Я не могу их воссоздать эти клетки и понять, как они работают. Есть гены фиолетовых глаз, но не простых, а именно с линзой. Есть патологии, редко бывают фиолетовые глаза. Ну, если ты или дальтоник или альбинос, т.е. меланина мало. А здесь меланин есть, но есть и другое вещество в этих самых клетках. Полностью всю химическую цепочку я восстановить не могу. Но и убрать не могу. Т.е. вакцина восстановить режим день-ночь, вылечить нарколепсию и сможет избавиться от бактерии. Да это невозможно физически.

— Как это невозможно физически? — завопил мэр по сто раз одно и тоже, повторяя эту фразу: — Как это невозможно физически? Как это невозможно физически?

— Эта мутация, — пытался Коморовский что-то объяснить, — не вредная, а полезная.

— Как это полезная? — Богданович даже сплюнул.

— Ну, есть преимущества….

— Вакцина готова! — зазвучала сиреной гражданской обороны Валентина Миронова.

— У нас интернациональный космический город, — говорил мэр, не слушая Миронову вообще, — если все будут знать о фиолетовых глазах и новом народе, то мои же власти меня уберут отсюда в небытие.

— Вакцина готова!

— У нас же этих глаз не должно быть. Всё должно быть как прежде.

— Как прежде – это как? — Коморовский в полном недоумении. Он уже забыл, как было прежде.

— Чтобы вообще ничего не было. Фиолетовые глаза – это патология, — возмущения мэра не было предела.

— Я понимаю.

— Ну, — такой многозначительный возглас мэр говорил о том, что Коморовский может быть списан.

— Вы можете меня списать….

— Ну….

— Но только проблема в том, что без фиолетовых глаз вам не жить.

— Что?

— Вакцина готова! — только это может кричать Валентина как сирена.

— Да подожди ты со своей вакциной, — прикрикнул на неё Богданович, — толку от неё, если я так и буду видеть эту хренотень в углу?

— Да кто вам сказал, что вы её видеть будете. Один чудак сказал, что фиолетовые глаза это показывают, и все за ним повторяют.

— Минуточку, но он же есть.

— Да это ваш мозг картинку формирует. А не глаза.

— Так и?

— Вы же сейчас в приграничном состоянии между сном и бодрствованием. Вот и мозг и дорисовывает образ инопланетянина в соответствии со сном. Ну вы же не знает

всех этих особенностей, — продолжала Валентина, — ведь все видят продолжение тех самых снов, так называемой генетической программы, какого-то послания от марсиан. Марсиане в бактерии FH1N1 занесли какое-то послание, вот ваш мозг и воспроизводит его. А глаза тут не причём.

Дальше Валентина так загипнотизировала обоих, что они видят банальный фикус. Что все увидели коричневое дерево с овальными зелёными грубыми листьями. Крайнее удивление было у всех. И мэр вдруг успокоился и стал ждать спокойно, пока ему дадут таблетку. А когда Коморовский дал ему две пилюли, лишь бы он отвязался со своими разговорами, то фикус исчез сам собой. И серая взвесь больше не окружало его, как прежде. Никакого огромного в масштабах города-колонии эмоционального вихря серой взвеси не было. А то небо уже казалось серо-чёрным, не смотря на то, что Солнце светит ярко. Спокойный уже мэр Василий Богданович только сказал, уходя и открывая дверь:

— Только я хочу, чтобы всё было как прежде.

— Так я тоже скажу, — сказал раздражённо Коморовский, — у меня же самого непонятки из-за глаз, но не могу. Нам сейчас руководит вот сила эволюции и всё. Сказано, ну не знаю, Богом, что нам нужны эти глаза, так пусть будут. Только всё равно, как бы ты не делал всё, что можно и нельзя, всё равно будут эти глаза. Как бы мы не рассчитывали, а всё равно выходит по тому, как эволюция сказала.

Мэр всё же задержался:

— Выходит, что в правду я проецировал инопланетянина в пространство?

— Ну, вернее в гиперпространство, в ментал. И сами же его видели.

— И странников-прогрессоров нет?

— Ну, получается так, — отвечал Коморовский уже спокойно. — Чтобы их найти, надо лететь в космос. Он на других звёздах. Или плетут агентурную сеть и работают, как и наши разведчики под прикрытием легенды. И чего им выходить к нам и говорить всё прямым текстом. Читатели нашей теории нас могут не понять. Да и если описать то, что мы видели, нас не поймут. И мы не за то, чтобы нас понимали или как-то оценили. Истина не в том, чтобы кто-то что-то понял. У кого-то свои проблемы в понимании мира. И не надо туда лезть, к нему в голову. Я выполняю свою миссию вот такого философа. И всё. И нам не нужно признание, нам просто нужно уважение к нашей миссии.

— Ух, скромно до боли. Вот когда будет полная теория всего этого, то я поверю. А так фикус ли, инопланетянин ли, статуя ли или ещё что-то – не в этом суть, главное, что внутри ну такая истерика и паника, и жажда воображать всякую херни. Вот эти неизвестные устройства, которых нет, всякие теории, которых нет и так далее.

— И это есть проекция вашей психики.

— Но они настолько реальны.

— Естественно, если бы галлюцинации не были настолько реальны по ощущениям, то они бы не назывались галлюцинациями. Это было бы неправильное безграмотное воображение и всё. Именно всех нас лечить и надо, что это миниатюрное устройство под названием переносной телепорт настолько реален по ощущениям. Что именно ты его в руках держишь.

— Минуточку, а если я видел этими фиолетовыми глазами Ангела?

— Ну, вопрос о существовании Бога, — начал Коморовский, разводя руками, — это лично для вас вопрос: верить или нет. Но галлюцинации Божественной воли, которая побуждает там совершать, мягко говоря, противоправные и аморальные акты поведения, в моей практике на Земле было не мало.

— Твою мать, — опять ругнулся Василий Богданович, — тогда как определить истину?

— Волей своей и логикой своей – единственный способ. И если Бог есть, то он в нужный ему момент подаст конкретный знак. А это ваши проблемы, что вы его не так поняли или вообразили себе ответ Бога, когда он сказал противоположное.

— Ладно, готовь вакцину на всё население. Пошли, я тебе код доступа дам к этому оборудованию. Вот именно сейчас ты меня убедил.

Врачи помчались в специальный цех по производству таблеток в массовом масштабе. Вакцина таким странным способом найдена и было глупо не начинать производство. У мэр впервые бодрость духа и желание работать, и не автомате, а осознано. Тихо и спокойно началось производство, а мэр ждал помощи и мысленно говорил с летящими спасателями. А город, судя по серому вихрю, который был перед глазами, город планирует что-то ужасающее. Неужели все так называемые находки, все встречи с Ангелами, бесами и инопланетянами – всё это проекция коллективной воли и коллективный материализованный в форме призрака бред. Да, говорит прежде всего себе самому, Коморовский. Но теперь в союзе с ним мэр. И когда он решился просто позвонить на Землю и доложить том, что есть таблетки, Коморовский вдруг сказал Валентине, когда цех стал работать:

— Валя, давай организуем тайное общество.

— Что-то типа масонов? — спросила шёпотом Валя.

— Блин, т.е. любое общество тайное – обязательно масоны?

— А что тайно руководить коллективным сознанием. Ну, это же неплохая идея.

— Нет, мы должны не управлять обществом, а лечить его. Вот это общество будет лечить людей посредством избавления от ненужных проекций.

— Вот только в чём причина проекций?

— Понятие не имею.

— Ну, так не фантазируй, а делом занимайся. Тут аппаратура гремит.

Глава 16.

Оксана Айннет проснулась рано утром и разглядывала обои. Наверху узоры из клевера внутри двух горизонтальных линий. В точь в точь по белорусскому орнаменту красный клевер сиял на белом фоне. Как было уютно при свете люстры под потолком. Сверху вниз шли красные узоры из птиц, кажется лебедей, смотрящих друг на друга. В центре какое-то дерево жизни. Больше символов не было, но и этих достаточно, чтобы насладиться белорусскими узорами и вспомнить о родине. Словно ты не за миллионы километров от Земли, а просто-напросто в тридевятом царстве, тридесятом государстве. А это уже настолько близко. Стоит стол с четырьмя шуфлядками посреди комнаты, тяжеловесный шкаф у стены с одеждой, папками и документами, книгами. У стены также стоит журнальный полупрозрачный столик. Прямо в углу рядом с дверью в комнату стоит шкаф с оборудованием и реагентами. Девушка стала смотреть на площадь. Странное видение вдруг увидела девушка. Ощущалось, будто сама мысль, исходящая от коллективного разума, преодолевала некий временной барьер. И событие недалёкого будущего резко проявилось на площади уже сейчас в форме каких-то фигур. Этот временной след события, которое произойдёт в будущем, Оксана сейчас и застала. Какие-то люди что-то кричат, чего-то там требуют в жуткой истерике. А в голове вопрос: почему вы ничего не сделали, вы же медик? Ну, хоть что-то можно сделать. Оксана сидела на стуле и не понимала ничего. То ли сон продолжается, то ли её галлюцинации, то ли реально чудеса какие-то. Девушка наслаждалась своей уютной комнатой. Теперь бы сидела в этой комнате вечно. Превосходная красивая кровать с кривыми линиями различных цветов. Откуда-то взялся большой флаг этого космического города, стоящий аж на полу: фиолетовый крест белыми угловыми линиями, так сказать, окантовкой, и всё это на жёлтом фоне. Красивый превосходный флаг – есть чем гордиться. Фиолетовый цвет, или как сказать правильно, аметистовый цвет – символ драгоценных камней, которых тут навалом. Белый цвет – символ залежей льда. Жёлтый цвет – символ Солнца. Уютные родные статуэтки стоят на полке шкафа. Её родная коллекция фигурок в национальных одеждах. Здесь есть и украинка, и белоруска, и полячка, даже индейцы Южной Америки.

На полках стоят книги, некоторые из них редкие, некоторые из них так и не прочитанные. Оксана листала страницы, пыталась отвлечься, но загадочные цветы манили всё сильней. Как было уютно в своей комнате, несмотря на то, что на четыре часа утра. За дверью бродил какой-то алкоголик и кричал на непонятном языке, пытаясь установить контакт с Фаэтоном. А у Айннет проявилась здоровая гордость за то, что она живёт в этом городе. Она ни чем не примечательный биолог, попавший сюда по воле какого-то случая, удостоена великой участи – расшифровать язык гелионы. Да какие прекрасные ощущения великой участи – быть открывателем того языка гелионы и познать психику растений. Они ждали этого тысячи лет, чтобы взять и вырасти вновь. И ты тут, Айннет, пускаешь слёзы. Наконец-то наступает революция. Революция духа, проникающая сначала в умы избранных, а потом и все остальным в сознание.

Хватит думать о каком-то там Фаэтоне. Хватит думать о той погибшей цивилизации. Нужно думать о том, как спасти тысячу человек. Айннет ощутила, как само время всеми тремя измерениями давит на мозг.

Девушка резко стала одеваться в свою форму и увидела костюм специальный с респиратором. Почему она не додумалась раньше надеть этот костюм? Странное желание прямо сейчас начать работу. Оксана вышла из квартиры. Идя по коридору, девушка чётко уже видела пространство коридора, в пределах которого были разбросаны какие-то картины. На полу валялись местные жители. Они просто спали, сбившись во времени. Лифта Оксана испугалась не на шутку, аж сердце заболело.

Поэтому пришлось спускаться вниз по просторной лестнице. Из глаз текли слёзы от осознания масштабов трагедии. Столько людей при всём своём желании не могли подняться. Засыпали или искали сокровенный Фаэтон. Транспорт не работал. Вся умная автоматика была быстро выведена из строя. Должен автоматический трамвай, управляемый искусственным интеллектом, приехать и взять пассажира и увезти по расписанию в нужном направлении. Так что пришлось идти пешком до фермы. Никто не проверял, не задавал вопросы на ферме. Транспорт не работает. Как-то зловеще выглядят краны роботов, застывшие в своей работе. Они уже больше двух недель так стоят и не работают. Хотя здесь должны быть уже гравитационная лаборатория, завод обработке драгоценных камней. Должен быть навигационный центр и центр связи. Должен быть и вычислительный центр.

Оксана смотрела уже на цветы, светящиеся, оказывается, только ночью. Днём цветы как бы спят и видят сны. Ощущение, что сами заросли этих цветов, обладают каким-то разумом и сознанием пришло как-то неожиданно и больше не покидало.

– Здрасти, – вдруг сказала Айннет как-то смущённо, ощущая на себе коллективное сознание. А через минуту до неё дошло: – У вас чувство паники, вы тоже боитесь, что вы так мигаете?

Цветы что-то там ответили. Если растение захочет донести информацию до человека, то донесёт, что аж полностью смысл фразы услышишь:

– Да вот ваши люди сегодня прямо истерику устроят. Мы больше всего истерики боимся.

Только приглядевшись к полю, вдруг мелькнула мысль подняться наверх и с высоты потолка всё увидеть. На потолок малого зала на высоте пять метров ведёт лестница с цилиндрическими узкими ступеньками, естественно, слабоосвещённая лампами. Есть подъёмник, но страх залезть на лифт, ну подъёмник – какая разница, суть одна. Страшно до ужаса. Подъёмник к тому же вверху и навеки заглох – микросхема сдохла, оттого и вечно светится надпись понятным только программисту кодом ошибки. Искусственный интеллект, мать его. А ей жутко надо наверх. Вот прямо в одном месте что-то свербит: лезь на потолок, кому сказано, тварь науки! Преодолевая свою лень, свою вечную слабость, свою вечную болезненную сомнительность во всём, биолог города Циолковский, аспирант кафедры космической ботаники, космонавт Оксана Айннет идёт на риск и хватается руками за лестницу.

Лень – смертельный грех русского человека. У русского человека огромные просторы, данные Богом, чтобы он их контролировал, а в итоге он лежит на печи тридцать лет. И несёт чепуху, что все виноваты в том, что мы, русские, живём так плохо и вечно на вторых ролях, когда простору завались. А это тебе не пустыня и не ледник, это куча ресурсов, в том числе и дефицитный нынче уран или нефть, или та же самая ввода. У нас

всего навалом! А работать кто будет? Зато гонору вон сколько: нас, видите ли, забижают и вводят санкции. А работать слабо? Ведь слабо, мы же, русские себя знаем. И на всяких призраков и зелёных человечков ведёмся, потому что легче перенести ответственность с самих себя на какую-то мистическую тварь или на вероятного противника. А вероятный противник, в виду таких просторов, у нас порой весь мир. Проще валяться на кровати и кричать как нам плохо, и все во всём виноваты. Вот когда мы встанем с колен, вот тогда мы такое устроим, аж земной рай с кучей предприятий, фабрик и сотней открытий века с последующей экономической научной и даже религиозной революцией. Только чтобы встать с колен, нужно из положения лёжа встать на колени. Всё общество в смертельной лени лежит и не хочет работать. Скажут работы нет. Скажут силы нет. Скажут всё, что угодно. Будут всякую фигню от лени и гордыни писать, а как да дела дойдёт, так я работать не буду. Не можешь работать по болезни, в смысле инвалидности, так ты хотя бы возьми и начни книжки читать. Ну, Стругацкие чем плохи? А Лем? А Достоевский, которого сейчас уже канонизируют. Ну, в чём-то есть за что, ты попробуй так напиши. Нет, именно попробуй. Займись хотя бы лепкой из пластилина. Хотя бы изометрические какие-нибудь сюрреалистические картины. Можно вязать крючком. Но нет, лень и маниловщина прёт из-за всех щелей. Прёт обломовщина. Прёт смертельный грех русской лени. А всё это из-за гордыни и уверенности в том, что у тебя изначально ничего не выйдет, что шансов спасти себя и отечество, просто нет. Теперь нужно только лежать и ждать смерти, тем более манит воображение. Жители Циалковского просто-напросто типичные представители русского сознания. Они не хотят совершать подвиги, даже если профессия космонавта обязывает. Хоть они и прошли подготовку, но пространство фантазий тянет русского человека в параллельную вселенную, где куча галактик и звёзд. Пусть они знают, что это их голова сейчас так работает. Да знают все они об этом. А что толку. И усилие надо предпринять, чтобы просто выжить. А и на Земле тоже надо принимать усилие, чтобы выжить. Нужно взять и вытащить себя. Да пусть вы больны, пусть вы ощущаете страх. Страх – это естественная форма существования любого общества. Именно страх как реально действующий инстинкт движет общество, заставляя себя преодолеть. Страх заставлял Достоевского написать не один роман. Страх заставлял известных журналистов сказать правду. Страх заставлял космонавтов в первый раз выйти в открытый космос. И сейчас страх есть, но следующей фазы нет. Преодолевать страх лень. Почему пришли к таким выводам, а по-другому нельзя. Зачем говорить правду самим себе, что человек сам творит собственную историю. Зачем постигать внутренний мир самого себя? Проще верить в то, что будет конец света. Но ведь ключ спасения у тебя, человек, в голове. Ключ к спасению твоей души в том, чтобы включить сознанием резерв и преодолеть страх. А для этого нужно плюнуть на всех, кто не верит ни тебе, ни себе, ни кому, кроме идеологии апокалипсиса. Нужно против них поставить стену. Услышать не других в себе, а самого себя. Внутри тебя есть человек, есть личность, знающая всю свою судьбу. Вступи с нею в диалог и резерв откроется. Эта личность, как бы сейчас парадоксально не звучало, знает всё, что уже произошло за момент до рождения. И нужно просто преодолеть страх в себе.

Преодолевая смертельную сонливую лень, Оксана залазит на лестницу. Обвиняя отца, что не научил мужественности и героизму, девушка проползла слегка дрожащими

руками ровно метр. Обвиняя всю современную литературу, в особенности кричащую об апокалипсисе, что именно она внушает лень и слабость, создавая иллюзию праздника, что всё закончится и работать не нужно. Обвиняя даже славянских Богов, которых так раз с мистического и недоказуемого Фаэтона. А можно ту же самую Макошь упрекнуть в том, что не те гены русскому человеку дала. Да повод есть, у нас же большинство генов не работает. Вот спит сладким сном. И мозг работает на десять процентов всего лишь. Так уже два метра есть. Минутный перерыв, ведь мышцы начинают слегка болеть, и до сознания что-то там доходит, что может этой высоты достаточно. Но из одного места свербит, что надо на пять метров подняться. Так полезли, зачем разбираться, зачем тебе туда надо. Надо же покривляться. Айннет так устроена, как и мозг среднестатистического творческого человека. Придёт инсайд куда-то залезть. И эмоции при этом прут. Эти бы эмоции в слова в голове преобразовать и обдумать всё, увидев всю структуру новой идей, всю глубину новой идеи и каждой её детали. Уже три метра пройдено. Много мыслей обдумано о том, зачем я такая дура полезла на лестницу. Зачем я дура на ферму ночью полезла. Нужно было просто спать. И дома лучше. И язык гелионы можно изучить дома в комнате переговоров. Да и база символов достаточная уже. Но уже четыре метра пройдено на одном автоматизме. И откуда силы берутся. Вот и крутиться в голове вопрос монаха: а что такое основа разума? Уже руки серьёзно болят, но дело делают. С трудом ноги двигаются вверх. Уже одышка появилась. Всё, пять метров пройдено и девушка оказалась на узком проходе под потолком. Озирается по сторонам и видит камеры. Только сейчас дошло, что они есть но почему-то светодиодный индикатор не светится.

Пошла по проходу под потолком дальше на середину поля и стала смотреть вниз. А гелионы светят какими-то картинами. Сначала изумлённая и испуганная Айннет видит ядерный наземный гриб, разрушенный дом, человека с истерикой в глазах, какой-то летательный аппарат, звезду восьмиконечную, спиральную галактику, нить ДНК. Словно какой-то цифровой код кто-то ввёл. Одни бактерии показывали такие картины. Такие курсы были ещё на Земле.

Огромное чувство любви вдруг проснулось у Айннет к цветам. Сигнал стал повторяться, так что Оксана смогла записать на видеокамеру. Она чудом была в кармане и не упала.

– Умницы вы мои, кветочки мои, прелесть вы моя, – ласково говорила девушка, – вы наверно напуганы да?

Тут же гелионы показали, что видят Оксану. Просто прямые светящиеся линии сходились прямо под ней.

– Так, значит, социальную энергию вы ощущаете?

Жутковатое истеричное лицо появилось у разумных цветов.

– Ну, истерика у нас в городе, бактерии атакуют? А ядерный взрыв причём, ладно, потом разберёмся.

Девушка, опять ощущая инсайд, уже ощущая больше информации, но пошла вниз на одних эмоциях. Спускаться ей пришлось по той же лестнице – на лифты и подъёмники у неё фобии. Стала обхаживать каждый цветок, собирая молодые листочки. Когда девушка поговорила с каждый цветком и успокаивала, как могла. Только когда обошла последний, поняла, что цветы спят и видят все общий коллективный сон, т.е. сновидение.

Это сновидение цветы и демонстрировали. Как же сложно устроены эти цветы. И что там, пардон, отвечает за мышление. Ну, определённо, мышление там есть. Девушка собрала необходимые молодые листочки, а потом пошла, куда бы вы думали, в столовую.

Там стала заваривать чай в огромных чанах, кинув туда листочки гелионы вместо обычного чая.

– Минуточку, – вдруг в пустой столовой Оксана услышала голос, а потом разглядела высокого человека с чёрными кудрявыми волосами, с чёрными длинными гусарскими усами, прямым носом. Рот и подбородок не разглядеть – он в респираторе и специальной одежде. Угловатое лицо. Теперь форма бросается – форма инспектора космических колоний и космических станций и космических аппаратов. На бирке фамилия имя и отчество, впрочем, у него рот есть: – Евгений Петрович Горский – старший инспектор. Что здесь делает биолог? Айннет Оксана Сергеевна, что вы тут делаете и что за отраву варите? Да в таких количествах. Вы с ума сошли? И что с вашими глазами, почему они фиолетовые?

– Какие? – переспросила девушка, рассматривая в зеркале свои фиолетовые с желтизной. А потом сказала: – Были вроде раньше голубые, потом жёлтые, а вдруг фиолетовые. И дальтонизма нету. Фиолетовые глаза должны обладать дальтонизмом, ну таким эффектом, а его нет.

– Глаза, милочка, это мелочи, – сказал инспектор, – а где остальные. На кухне биологов быть не должно, а вот повара должны быть на кухне и готовить завтрак. Где все? Где ожидающие космонавты за множеством столов? – Евгений Петрович так нервно и скандально говорил. Из него сквозит раздражение и досада, а даже гнев: – Что эта зав хрень в чанах? Аж целых два, он уже сейчас закипит.

– Не знаю где все, видно на площади истерику испытывают. Мне разумные гелионы об этом сказали. Ой, я честно всю ночь не спала, я устала. С ног валюсь. У меня в видеокамере есть кадры послания цветов.

– Где доклад по поводу гелионы, отчёт? Вы должны писать сейчас отчёт о своих биологических исследованиях. Вы пришли сюда в респираторе – уже хорошо. Костюм на месте. Значит, рассудок есть у вас. Так зачем здесь рано утром сидеть и готовить вот это? Вы не повар, а биолог. Вы должны взять себя в руки и не готовить завтрак, а дать отчёт о языке гелионы, – инспектор стал смотреть на поданную видеокамеру: – Вы залезли под потолок, и сняли оттуда? Минуточку, вижу ядерный наземный гриб, разрушенный дом, человека с истерикой в глазах, какой-то летательный аппарат, звезду восьмиконечную, спиральную галактику, нить ДНК. Что это значит?

– Во-первых, коррекцию генетиков с мистического Фаэтона, – говорила Оксана, – кто-то взял и запрограммировал бедные растения на вот это самое. Явно сами они до этого не додумались.

– Ну, это я тоже вижу, – уже спокойнее говорил Евгений Петрович, раздражённость пропадать стала, – но этого мало. Таблицы уже составили?

– А, уже кое-что есть, только в электронном виде.

– Так что вы готовите?

– Меня спас декан моего факультета Эдуард Щеглов, приготовив напиток из нектара гелионы. Я его слишком много выпила и во мне сейчас всё бурлит. Осознание медленно происходит.

– Ну, от любого чрезмерного употребления осознание медленно происходит. О полимере Щеглова я уже наслышан. Так это листья гелионы.

– Да, там лекарство.

– Зачем так много?

– Ну, каждому по кружке. У нас же тысяча человек.

– Ох, уже эта эпидемия, сразу сказать и доложить нельзя. И почему повара нет?

– А я не знаю, у нас эпидемия лени: не хочу лечиться и работать и всё тут. А что тут есть распорядок дня.

– Вы понимаете, что я вас могу списать отсюда? Причём непросто списать, а лишить вас права работать по специальности, а ещё лучше арестовать?

– А я уже не знаю, что меня спасает, честное слово. Да что там за шум. Кто-то громкоговорители включил, там что, митинг что ли?

И инспектор, и Оксана слышали какой-то гул с площади. Столовая примыкала к жилому кольцу. Трое сопровождающих испектора следователя по особо важным делам пришли в кухню столовой, один из них доложил:

– Не зря спецназ пригласили, они уже директивы на терраформирование стали давать.

– Директивы? – переспросил Горский.

– Да, нужно окружить площадь и эвакуировать всех. Там весь Циолковский.

– Революция, значит, мы их под арест всех. Нет, такая реакция приведёт к потере кадров и люди погибнут окончательно. Надо не давить.

– Вы боитесь, товарищ Горский?

– Чтобы товарищ Горский боялся, товарищ Горский просто хочет послушать то, что революционеры хотят. Истерику затеяли больные единицы, а вот остальные подвержены индукции. Психоз заразителен. И просто так его не снять. Я читал уже кое-что о гелионе, так что пусть эти чаны здесь стоят, Оксана Сергеевна, а спецназ нужно. Интуиция меня не подвела. Я умею слышать усами, – Горский уже шутили и шевелил усами как сом перед атакой: – Оксана Сергеевна, за вакцину спасибо большое, ну а пишите доклад и успокаивайтесь. Они будут идти сюда. Ничего не предпринимайте сами. Вас будет охранять спецназ. Всё сделает спецназ.

– Товарищ Горский? – вдруг услышал Оксана знакомый голос Тадеуша Коморовской. Он стоял с огромным мешком своих таблеток.

– Тадеуш Коморовский?

– Да. Вы думаете, что раз поляк Коморовский спит и галлюционирует, то он сдался? У меня, между прочем, есть и гордость и самооценка. Я просто так не сдаюсь. Я стольких тяжелобольных вылечил, что и тысячу человек для меня – мелочи жизни. Вакцина готова. Проверено на себе.

– Сейчас мы вас обоих проверим, – вошли трое медиков с земли, так что на кухне стало тесно. Они провели пульс. Сделали забор крови. Проверили мозг переносной аппаратурой. Сделали экспресс анализ ДНК. На всё ушло всего лишь полчаса. Старший

врач заявил: – оба здоровы. Бактерии нет. И это главное. Повреждённые участки мозга есть, но это незначительно повреждение можно вылечить легко и просто. А чаны мы сейчас проверим. Уже вскипели?

Проверяли оба чана. Взяли образцы бактерии. Остудили капли напитка, и влили в чашу. Бактерии были убиты, как и следовало ожидать. Все ахнули и стали ликовать, обнимать ошалевших двоих исследователей. Больше всех кричал сам Евгений Петрович:

– Так орден им обоим, да ещё премию!

Глава 17.

Чуть начало светать, и жёлтое тусклое солнце только-только проникало из-за горизонта своими лучами, а народ стал толпами выходить на площадь внутри дома-кольца. Шумел, гудел народ, от кого-то что-то требовал. Люди пёрли на площадь не для того, чтобы любоваться небом. Хотя здесь и неба никакого нет, одни только окна одного большого дома видны. Быстро все скамейки были заняты, а народ всё прибывал и прибывал. Все с серьёзными лицами и такими глубокими философскими выражениями на этих самых лицах.

– Вот, смотрите товарищи космонавты, какой у меня миниатюрный телепорт в руках, – сказал молодой парень, держа какую-то зелёную хрень цилиндрической формы. Это устройство телепортировать может, осталось только с кнопками разобраться. Молодцы фаэтонцы, дали нам полный доступ к своим технологиям. Этот минителепорт в руках может телепортировать нас в любую точку галактики. Мы здесь, вот тут, это самое, мир новый построим, покруче чем у коммунистов. Вот тут будет атмосфера, я её вот этими руками построю. Нужно взять все наши телепорты и гравитогенераторы, машины времени и анигиляторы материи, и сотворить всё марсианское ядро, марсианскую мантию, марсианскую литосферу, марсианскую атмосферу, да и биосферу! Превосходную планету сотворить надо! Пишем, товарищи, директиву, ой тьфу, товарищи, декларацию, закон!

– Да, это закон! – кричал пьяный мужик, держа в руке полную бутылку водки. И откуда-то эти бутылки берутся. В режимном объекте бутылки с алкоголем. Это же невозможно просто представить: космонавт – алкоголиком вдруг представляется, ну их же там проверяют! Не выдержал в своей жизни главного испытания и устроил истерику:
– Есть такой закон природы, вот тебе Господь, сотворивший тебя, дал тебе топор. И ты должен взять этот топор в руки, взять в свои руки планету. Вот в одной руке планета, в другой топор. Ты должен этим топором взять и полностью срубить всё лишнее, а потом создать нужное. Вот это принцип моей жизни. Я взял сына в одну руку, поднял его тело и его психику. И взял этот инструмент, сами понимаете какой, и изменил его, нужно вот сделал, а лишнее выкинул. Романы он там писать собрался какие-то стихи сочинять! Я заставил его стать инженером строителем. И пусть там говорят какие-то критики в журналах, что у мальчика талант. Их вообще надо убрать: критиков, поэтов, музыкантов и всю эту творческую демагогию, и сотворить инженеров. Взять и убрать. И пусть там, в универе, где он учится, говорят, что он в строительстве не бум-бум. И что у него таланта нет! Он будет строителем нового мира, он построит дом! И не на Земле, а на Марсе! Возьмёт и построит! Вот я же строю завод и какую-то лабораторию! А как называется лаборатория, я запутался!? Грабическая какая-то, по-моему они там должны изучать какое-то излучение. Вот по-моему, это называется так. Или пионное излучение. Нет, пси-излучение. Короче говоря, сынуля, тебе три здания построить и большой высотный жилой комплекс в сто двадцать этажей с телепортом внутри! Мы построим новый мир и новое человечество, чтобы там лишние люди не говорили! А лишних убрать нахрен с пути перестройки. Бомбу в деятелей искусства запустить надо, сами понимаете какую! Чтобы бах и всё! О, как она взорвалась, прямо перестройка сейчас начнётся!

Потом кто-то с прыщавым лицом с трещинами на лице, с огромными испуганными агрессивными жёлтыми старческими уже глазами, полными гнева и обиды на всё человечество, просвистел странную комбинацию гипнотических звуков, держа в руках обыкновенную детскую куклу в зелёном платье. Вся кукла была измазана чем-то красным и жутко пахнущим. Этот химик-старик осознано стал программировать толпу, медленно умирая сам, сначала стала уходить быстро вся биографическая информация. Он уже не помнил своих только что родившихся внуков, он уже не помнил своих детей, а к половине своего гипнотического монолога, он уже не помнил своего имени, но внушал строить новую планету. Люди стали видеть параллельный манящий к себе мир. Народ воровал оттуда вещи, а главным образом накопители цифровой информации в форме кристаллов драгоценного аметиста розового, фиолетового и белого цветов. Люди, уже находясь в жуткой истерике, видя вокруг каких-то странных зелёных сущностей, стали спорить друг с другом, показывая всякие штуки в руках.

Все ощущали многие технические устройства в руках. Мантию невидимку, шпаку невидимку. Гравитационный ручной резонатор, заставляющий леветировать всё, что угодно. Телепорт, машина времени, какие-то трансформаторы материи. Уже стали люди в истерике превращаться в лягушек, ради эксперимента. К примеру, один человек взял и посветил детским лазером игрушечным в глаз другого человека, а тот стал квакать и прыгать как лягушка. Второй сигнал толпе пошёл от ещё одного старика, с уже седыми волосами и испачканным в зелёнке лицом. Он кричал жутким голосом о директивах и законах. У него оказывается есть способность генерировать юридические законы. Все ощущали себя люди. И нелепые законы вдруг появлялись в сознании как норма. Например, налог на воздух, например, запрет художественной литературы и кино. Закон об обязательной генетической селекции. Весьма туманный закон, что касается последнего. Там настолько туманная формулировка, что разрешает чуть не кентавров, ангелов, циклопов, русалок и людей-бабочек, в смысле фей и так далее. Далее закон об обязательной коррекции земного климата. Тоже туманная формулировка, разрешающая создать цунами, ураган или ураган. Даже предупреждать не надо. Двое стариков выдумывали и управляли толпой, когда спецназ с фотонными переносными поражающими установками ФПЛ-12 окружали толпу, занимая позиции на верхних этажах здания. Толпа, в шаге от убийственной драки всех на всех, а эта тысяча человек, ждала уже третьего сигнала.

– Товарищ инспектор, мы на позиции, ждём сигнала, – ответил, глава группы снайперов Виктор Шмелев, – спецназовец сидел в той комнате, где сидел Семён Федоренко. Спецназовец сидел в позе и целился из длинного в мерах разумного светового автомата, похожего на автомат Калашникова. Ведь стрелять при помощи пуль нельзя, ведь разгерметизация. Здесь нужен именно лазерный автомат. Федоренко сидел за столом и плакал спокойно, всё спрашивая о том, где Айннет и что он ей что-то не успел сказать.

Драка уже началась, и чётко Виктор услышал того, кто дал команду. Сначала десять человек стали биться кулаками и ногами. Они спорили о том, какой цвет кожи принять. Через секунды пять прозвучал голос Евгения Петровича, спокойный и серьёзный, внушающий покой и отважность:

– Спокойно бойцы, не стрелять без моего приказа.

Народ кричал, обсуждая то, что нужно построить, как использовать какие-то приборы, с написанной на ней информацией. Группа космонавтов из тридцати человек, когда трое стариков что-то там уже непонятное внушали, показывали в руках какие-то необработанные камни, крича о том, что там информация о Фаэтоне. Впрочем все активно жестикулировали руками, что-то щёлкая на виртуальных устройствах, словно дети играли с уже жарким и душным воздухом. Кто-то тащил виртуальный ящик на плечах, собираясь уже его кинуть в дерущихся. Гипнос был настолько силён, а переносной какой-то аппарат настолько для больных людей реален, что простой жест прямых ладоней, когда они повернулись почти на девяносто градусов, дерущиеся упали, а кто-то стал подбирать виртуальные детали. Если уже не кровавые рожи и подбитые глаза, если бы не порванная одежда и полные лени и истерики, паники и раздражения, усталости и задумчивости глаза яркого жёлтого цвета. Шмелеву именно вот эти глаза толпы, гипнотизирующие, и манящие этой смертельной ленью казались самим страшным на свете. Ему вдруг стало страшно, но страшно не впасть то же состояние. Ему уже не хочется ничего делать – это верный признак того, что именно этот синдром проникает в сознание. Лень двигатель всего этого противного. Хочется воображать телепорт у себя в руках, бесценную информацию на виртуальном кристалле. Люди видели и грезили сон, где они уже в другом мире, где они чуть ли не те самые Боги. Им лень строить город Циолковский, фактически строить своё будущее и будущее своей планеты. Им лень строить великий город. Им лень делать научные открытия, а работы ведь не мало. А ведь больше всего истереть начали именно сами строители. Потому что от них зависит то, что они построят. Им бы обыкновенную гравитационную лабораторию построить. Построить навигационный центр, который будет координировать полёты, в том числе и к Плутону. Зачем лететь на Плутон, зачем лететь даже на Землю. Зачем нам реально класть стены, если можно вот вообразить себе аж целый мегаполис с сотней небоскрёбов, двумя десятками веток метро под поверхностью, с кучей улиц и площадей. Тут не надо предпринимать никаких усилий, ведь строить в сознании воображаемый город – дело лёгкое.

Истерику манящего воображения каких-то сверхспособностей толпы на площади слышала и Оксана Айннет. Она была с одной женщиной в форме следователя, смотрела в одну точку на потолке и ощущала боль в аметистовых глазах, боль в лобных долях. Боль была нетерпимой, но девушка молчала. Молчала не потому, что хотела молчать из-за временной социопатии, а потому что рот заклинило, замкнуло мышцы челюсти. Сам мозг, понимая всю серьёзность происходящего и разделяя ответственность перед всем человечеством, начинает действовать вопреки сознанию. Сознание вынуждено догнать те странные и неизвестные чувства. События имеют своё излучение и в этом девушка уверена, что есть сложная формула, связанная с гравитацией и чем-то там ещё на уровне атомов, молекул и частиц. Девушка видит библиотеку ненаписанных книг. Вокруг себя странная библиотека чужих невысказанных мыслей. Девушка берёт одну книгу со странным названием «Секреты управления мышцам агентов разведки». Странно, но допуск в эту бесконечную библиотеку виртуальных ненаписанных книг был получен, и именно в этот сегмент. Вся эта библиотека – это огромный лабиринт из стеллажей с

полками, на которых стоят книги. Девушка не видит привычное пространство столовой со столами и стульями, а видит именно узкий проход с книгами поверх привычного облика обеденного зала. Где-то уже расплывчатый образ врача и следователя, просто смотрящих на странные движения глаз и на выражение лица биолога Оксаны Айннет.   Девушка за несколько секунд прочитала мысленно двадцать две страницы нужной главы из той самой книги и поставила её на полку. Челюсти и глотка стали вновь слушаться, и девушка уже стала быстро намёками и фразами, полными мистики и эзотерики, описывать то, что видит. Как странно это не выглядело, но следователь кивнула понимающе, и даже не удивилась, когда услышала названия книг, которые Оксана берёт и читает. Даже смеётся следователь, словно ожидает чуда. Чудо произошло, первое слово названия девушка не разобрала, а дальше следовало «наука о событии».   Прочитала аннотацию, но библиотека даёт не всю аннотацию, а отдельные фрагменты. Какая-то наука, видимо, название ей ещё не придумано, изучает событие так таковое как с религиозной, так и с философской точки зрения. Изучает событие как запись в каком-то поле, вероятно, название этому полю тоже ещё не придумано. Удивлённый взгляд следователя чётко в голове. Дальше содержание: «глава седьмая. Способы предотвращения критических ситуаций по вине человека». Мозг начинает работать не просто на сто процентов, а ещё с запасом, словно какой-то физический участок мозга, состоящий из всегда до этого момента спящих нейронов, вдруг активировался. Оксана физически ощутила эти клетки, ощущая странное чувства инсайда с чем-то другим. Это чувство было у неё всегда и раньше, просто есть раньше оно было фоном, то теперь оно имеет высший балл, одиннадцать из десяти возможных. Это суммарное ощущение каждого члена толпы, т.е. просто социальное поле. Вот о каком поле идёт речи. События содержаться в социальном поле, почему-то обозначаемой латинской «S», только над ней символ короны из трёх зубьев.   Не проводя расчётом, а действуя строго по инструкции из виртуальной книги, девушка сначала продиктовала то, что видит следователю. А потом озвучила то, что нужно отсечь снизу. Следователь Маргарита Игоревна, сидящая подле её, удивилась пуще прежнего, как говорится, одиннадцать баллов из десяти, и взяла девушку за руку, сказав просто так, чтобы девушка успокоилась:

– Я блокировку ставлю, чтобы ты конкретных фаэтонских событий не видела. Отсекай, ты те события видишь только в подсознании.

Девушка увидела странное веретено из болтов и гаек и странных верёвок.   Только теперь стало понятным, что к этому веретену идёт то, кто уже синхронизирует ощущение времени. Идёт светящийся отец Георгий, держа в руки кровоточащую икону неизвестного мастера. Девушка отвлеклась и описала икону.   На иконе изображена Богоматерь с младенцем на руках, на фоне тёмного синего неба   с несколькими звёздами. Девушка ощущала ножницы, как в чужих руках, так и в своих. Слабое ощущение в правой руке от ручек ножниц.   Она просто сделал движение, и передала нужному человеку. Так веретено в руке одного из главных провокаторов в толпе реально разорвалось на части. Девушка космонавт Инесса, теряя связь с воображаемыми предками, стала со злостью резать уже всё странно произведение непонятного искусства. У больного действительно было странно веретено, а точнее сетка из верёвок и узлов с петлями. Причём оно было большое. Больной две недели маялся дурью будучи уфологом и автором двух книг

альтернативной истории. Все две недели, вместо того, чтобы работать по специальности строителем, он плёл эту хрень. Там было двадцать шесть генеральных временных линий. Каждая нить соединялась хаотично друг с другом. Расстояние между нитями ровно два сантиметра. Плюс были поперечные линии, соединяющиеся как угодно, где угодно. Никаких чётких рядов и петель, как у вязальщиц. А Макошь пряла пряжу, т.е. вязала свитер, или шарф, или носок, но чётко что-то связанное с одеждой. Макошь – это на секундочку Богиня не только судьбы, но и прядения и домашнего хозяйства. Айннет удалось внушить, что такое вязания альтернативщика – это вызов всем нормальным женщинам – эта хрень не может быть судьбой в принципе. Инесса такой стала орать на провокатора, что тот оторопел от ужаса. Андрей быстро стал сопровождать отца Георгия, уже видя краем глаза, что бойцы с Земли уже стали выходить на площадь. Все провокаторы стояли возле памятника Гагарину и держались вместе. Всего тридцать человек. Оксана стала тырить книги в этой божественной библиотеке. Чувствует она, как мозг со всеми своими нейронами стал, словно как цифровое устройство копировать книги. Ощущение просветлённости и смирения проникает в душу. И в таком смирении со своей судьбой, девушка колдовала мысленно прямо за столом. Мозг копировал и копировал, что-то запоминал. Может теперь душа Айннет успокоится и поймёт, что та старая Айннет ушла, а новая наступила вместе с новой эпохой. Когда человек болеет и видит видения, пускай даже если они его мучают и тащат в бездну, то этот человек всё равно любит их, и мало того, находит в них зерно истины. Новая наука о событии или новое философское учение — это выглядит неплохо, но нужно, чтобы видений было по минимум, а реальной логики и целой системы знаний должно быть по максимум. Девушка перед этим же описала в точности то, что происходило на площади, но связи с площадью не было, элементарной цифровой связи. А к тому же одна девушка перерезала веретено. И это серьёзная проблема: как определить то, что она сама перерезала или ей на расстоянии внушили. Да и вообще, какова роль этой херни из гаек? Тем более что куча мусора граждане на площади держат. Но факт остаётся фактом, если внушается при помощи какой-то куклы что-то негативное и опасное, то если куклу грамотно сломать, то магия гипноза рассеивается как страшный сон.

Группы бойцов, имеющие опыт в разгоне демонстрации, стали разделять семьсот человек на группы, изолируя друг от друга, а потом отлавливая буйных. На буйных надевали знакомые всем наручники. Андрей Баталов, вместе со своим отрядом смог вбежать на площадь вместе бойцами с Земли. Он быстро проникал в толпу, и разделял её. Одного буйного повалил на скамейку и надел-таки наручники. Кирилл, будучи с ним рядом, поражался тому, какой бесстрашный его командир. На лице одно выражение лица, чётко прочитанная мысль: «выжить любой ценой и спасти город и репутацию страны». Ещё один буйный всё не унимался, доказывал, что фиолетовая кожа – самое лучше украшение. И его Андрей взял. Девушка та, уже всё понимая, с озарением в глазах резко встала с бетонной плиты. Она отошла в сторону, крестясь и молясь, с паникой и озарением в глазах, всё причетая:

– Боже спаси и сохрани.

Федоренко плакал и проклинал себя за то, что не проследил за ней. Уснул он, видите ли. Он уже ничего не соображал. А боец Шмелев то ли дело оглядывался на три

цветка гелионы, светящиеся порой недвусмысленно. Цветы недвусмысленно говорил, где и говорили, что с ней всё в порядке, успокаивали Федоренко, а потом вообще стали в открытую говорить, что у них есть вакцина против бактерии и что они её знают.

Теперь отец Георгий оказался пред провокаторами и заявил громко и властно:

– Вот наша Христианская Высшая сила – Богоматерь с Иисусом Христом! Попробуйте прямо сейчас им, здесь присутствующим заявить, что вы Боги!? Высшая сила, здесь присутствующая….

– Что он городит? – спрашивает Горский у следователей, стоящих подле его.

– Понимаешь, мы с Земли, а это уже другая каста, другое человечество, нам их не понять, – ответил один из следователей.

– Нет, ну Бога христианского я ощущаю, что есть другой Бог, здесь физически присутствующий?

– Да ладно, что серьёзно? Не может быть? – громко переспросил следователь, а потом крикнул ещё больше: – Ничто не может быть выше православного Бога Иисуса Христа! Покайтесь в греках своих, вероотступники параноики! Это я вам как старший следователь космической следственной комиссии говорю!

А отец Георгий продолжал, держа в руках икону:

– Господа, проявите волю и как пушинка подымитесь в воздух. А ещё лучше, сделайте так, чтобы это кровоточивость иконы прекратилось, и крови не было. А ещё, сделайте так, чтобы её не было, чтобы она вся исчезла.

Все тридцать человек дрожали от страха. Ноги и руки физиологически дрожали. Каждая мышца тела дрожала, по нейроном шёл серьёзный электрический ток. Челюсти тоже дрожали, и было слышно одно бормотание. Вся хрень, которая держалась в руках, упала. Федоренко то смотрел в окно на площадь, то на спецназовца Шмелева.

Федоренко услышал голос инспектора Горского:

– Ну что товарищи, я инспектор Горский, три трупа уже есть. У вас два варианта: или вы спокойно эвакуируетесь с Циолковского, или будете трупами. Так что все поражающие святой купол элементы выкинуть добровольно. Все поражающие мозг и тело, а также дух и душу выключить и выкинуть. Вы все под следствием. Блатных и крутых мы ликвидировали.

Тридцать человек ощущали стон костей своих, как тяжело костям держать на себе весь вес тела. Главарь, какой-то старик с трудом произнёс:

– Вас же не должно быть здесь, товарищ Горский. Я же собирался создать Фаэтонскую республику, а вы как-то странно прилетели. Я вас своим гравитационным радаром внутри мозга своего не услышал!

– Значит, он не работает, товарищ Смейчуков, может нашим снайперам взять и отключить его? Вообще?

Шмелев взял зачем-то большое зеркало и просигналил.

– Что телепатия тоже не работает, – спросил вдруг отец Георгий. – И предсказание будущее. Хорошо, я прошу Высшие силы вас отпустить отсюда туда, куда вы пожилаете. Вам лишь нужно взять на себя гравитационную энергию, ядерную энергию, и ещё три неизвестных моему сознанию энергии и валить отсюда через портал. Давайте, грешники.

Все тридцать человек провокаторов только сейчас увидели то, как толпа уже под контролем Горского и все эти слова это всего лишь их юмор. Тела их не держали, они отказывались работать. Вдруг кости сами упали, потянув за собой всё тело. Тридцать человек упали на колени. Только это уже бессмысленно, ведь на них уже одевали наручники.

– Товарищи митингующие, поздравляю вас с подавление Фаэтонского восстания. Революции не будет ибо мы обязаны вас вылечить, только потому что вы люди. Есть такие биологические существа вида homo sapiens, если вы не забыли. Так что начнём.

Психоз медленно проходил. Толпа, разделённая на группы, стояла и смотрела на так называемую Землю, не помня себя, а помня именно тот прекрасный параллельный мир. Но должного эффекта уже не было. Вдруг товарищ Комаровский вдруг сказал громко:

– Товарищи мои, родненькие мои, а у меня карта временная есть. У меня стабилизатор есть машины времени. Я же только о нём и думал. Товарищ Комаровский, я вам звонил, вы же меня помните, дайте им, в конце концов, стабилизатор. Как ракета без стабилизатора взорвётся, так психическая машина времени без стабилизатора приводит, сами понимаете к чему. Ну, нельзя же быть зависимым от этого времени, в том числе и от жидкого материального времени. Жидкое материальное время надо товарищи изъять для исследования. Ни в коем случае больше жидкое материальное время, и философскую воду, и жидкую первородную материю не употреблять внутрь. Там же та самая бактерия фаэтонская размножается. Это, так сказать, практически её родина. Именно бактерия FH1N1, расшифровывается как Фаэтон Хроно один поколение один, и вызвала простые перебои со временем и сном. Ребят, ну по сравнению с телепортом троих погибших наших товарищей от лазерной установки, это такие мелочи жизни. Вот что касается троих товарищей, то они уже одно сами констатировали – смерть свою собственную. Главное собирались всем вот это самое сделать, а тут, видимо поленились, и только вот сами себе устроили.

Уже без упоминания инспектора, вакцину стали всем давать. Тихо и спокойно резко стало. Только плач стоит повсюду и паника в глазах. И у всех один вопрос: а что происходит? Больные граждане уже со слабостью в глазах и явным непонимание того, что они сами делали только что, шли в столовую. В столовой они пили чудный зелёный напиток с настороженностью и опаской. Напиток отчего-то назвали хроно. Ну, пусть будет так. Волнение внутри головы каждого участника митинга резко стало проходить, и видения исчезали с бешеной скоростью. Эффект времени в голове стал уже чётким и ясным. Слабость исчезла, и хотелось работать, пусть тупо и бездумно. Комаровский со своей девушкой Мироновой, как и Оксана с Семёном уже шли домой.

— Я честно не понимаю, — говорил Семён, — как я пережил этот день.

— Это хорошо, товарищ Федоренко, — говорил Комаровский в ответ, — что ты уже считаешь дни. А это верные признаки выздоровления.

Оксана не хотела, уже находясь в своей квартире, говорить серьёзно с Семёном. Она уже ничего не слышала. Она улеглась прямо на кровать и уснула. Семён тоже улёгся на свою кровать, и неожиданно для себя быстро уснул. А многих в городе ждало такое интересно предложение медкомиссии «а давайте мы вас спишем на Землю».

Глава 18.

Оксана спала во сне, видя чёткое сновидение. Её душа парила в каком-то пространстве и времени. Девушка всё ещё путалась в координатах, блуждая по огромной библиотеке ещё не созданных книг. Ощущение того, что ты получаешь доступ к какому-то всеобщему информационному центру не проходило, а только усиливалось. Тихими шагами Айннет шагала по превосходному мраморному стандартному полу, где каждая плиточка расположена в шахматном порядке. Всюду книги то в твёрдом переплёте, то в тонком, то просто тетради какие-то. Большинство книг не читаются. Не видно же букв в книгах, как на обложке, как на листах в книгах. Нету букв и всё тут. Понятно, что как программисты в своих базах данных ставят режим приватности, так и в этой библиотеке не дают доступа к книге. Точнее ты ощущаешь переплёт, видишь сам носитель информации, а информации в нём нет. Можно взять и посмотреть пустую книгу. Ох, как хитро сделали. В других книгах название читается не полностью, к примеру, только надпись «теория», дальше в конце «событие» и ещё какие-то три числа. Листаешь книгу, а внутри целые пустые листы. Теория, видите ли. Нет, есть что-то ценное, в каких-то листах есть отдельные слова и предложения посреди пустот, кое-где есть целые абзацы текста. Главное понастроили библиотеку – куча пустых книг понапихали. Ощущение того, что просто своровали кучу денег. Вместо того, чтобы действительно собрать множество превосходных мыслей всех людей планеты, вместо того, чтобы наполнить мыслями книги, они просто пустые страницы вклеили. И смысл в этих пустых книгах? И кто конкретно так строит? Выходишь их одного коридора, и видишь странную картину: стена рядом является полом, на котором стоят стеллажи с книгами, т.е. та комната повёрнута относительно этой комнаты на девяносто градусов. Ещё один момент: она только что шла по горизонтальному полу, шла из предыдущей комнаты, смотришь назад, а та повёрнута на тридцать градусов к нынешней комнате.

– А как это, – спросила сама себя Айннет, ничего не понимая, – а разве можно так искривлять пространство? И где сами устройства, искривляющие пространство. Я знаю такие комнаты для лечения алкоголиков. Там специально диван и кровать, шкаф и стол, в общем, всю мебель прикручивают к потолку, чтобы сознание встало на место. Вот я уже сейчас начинаю трезветь, – на этих словах девушка задрала голову, – реально тут зал читальный вверх ногами стоит, а как туда попасть. О там люди ходят, ой сколько людей, что-то там читают, пишут даже, ходят туда-сюда. Ай-не, туда я не пойду, я чего-то боюсь людей, которые ходят по потолку вверх ногами. Здесь тоже огромный зал, куча столов. Что на них, дневник Петренко, так он наш, в смысле с Циолковского. Вот, так здесь все наши, почитаем их мысли. Все пытаются изучить время, все пытаются понять Фаэтон, нет это уже какая-то мания. Чего меня тянет людей лечить. Нет, понятное дело, тут парты странно расположены. Так нужно взять у всех этот Фаэтон и выкинуть. Минуточку, тут причина истерии была где-то. Ну, должен быть мотив всего этого. Голова болит от этих рассуждений. В одних абзацах мысли вполне знакомые и понятные. Там что-то люди, когда я пошла на ферму, что-то в доме нашем общем нашли. Какую-то штучку, которая спровоцировала истерику. Этот альтернативщик какой-то, и как сюда альтернативного историка допустили, он лазил по каким-то пещерам под городом и нашёл какую-то технику, какое-то техническое устройство. Вот его описание: продолговатый предмет с

кнопочками и отверстиями. Точнее был такой цилиндрик, с тремя кнопочками. Так сколько их было, этих кнопок? Где нормальное описание объекта археологических исследований? Я полностью ощущаю себя космонавтом в городе Циолковский и помню полностью свою биографию и, главное, ощущаю, что я сплю. Тут есть один документ. Ага, описание: три отверстия для кнопки, отверстия для разъёма, кристаллик внутри. Остатки микросхемы, остатки проводов и светодиодов. Цифровой накопитель, использующий кристалл фиолетового аметиста для считывания и записи информации. Этот чудный историк, доцент, кажется, забыл тут теорию программирования кристаллов. Нет, ну может ещё вернётся, зачем я тырить буду тут. Нафиг мне этот хабар, или как это у фантастов сталкеров называется. Эта хрень устроила истерику. А политика тут причём? Фаэтонская республика, говоришь? Нет, политика какая-то противная, эти три старика умудрились тоже слазить в пещеры и достать оттуда осколки камня с надписями. А потом пошло-поехало. Так все эти дневники о Фаэтоне, я как врач забираю со столов, – девушка шла по кругу, собирая со столов всё, что только можно. Никакой истерики внутри не было, только эффект неожиданности, что когда идёт по спиральному проходу, собирая столов документы, то подымаешься вверх по перевёрнутой воронке. А на поверхности вороник тысяча столов. – Ай-яй, я иду и как сервер терабайт информации в секунду обрабатываю. Он достигла того зала.

Айннет прошла воронку и очутилась в странном узком помещении цилиндрической формы. Это комнатой невозможно назвать. Двигаться тут невозможно, а всюду книги. Узкое место: одно плечо уже касается одной книги на полке, а другое плечо касается противоположной книги на полке. Пол медленно подымается, и лампа на потолке приближается Айннет. Через несколько минут странное зрелище пропало и бы обыкновенный стеллаж и широкий достаточно проход, прозрачное окно во всю стену, а за ней громадное звёздное небо из разноцветных точек-звёзд. Девушка изумилась, что она потеряла все дневники. В руках была совсем другая книга: «Теория и практика языка цветов Гелионы. Оксана Айннет». Да не одна такая книга. Изумления не было предела. Все эти дневники она распределила в той шахте, через которую прошла. Она поражалась тому, какую книгу в руках она держала. Она держала книгу, описывающую саму эту библиотеку, т.е. в ней описана теория такой библиотеки. Ей было любопытно, что это такое то место, куда она попала, пусть даже во сне. Чувство любопытства, ради которого её и взяли в космос, так проникало в голову, что уже не отпускало. Значит болезнь, которая была всё это время, прекращает своё существование. Теперь организм окончательно здоров, только это уже совершенно новый организм.

И с этим изумлением девушка проснулась, с этим чувством любопытства и желанием работать на пользу, прежде всего, самой себе да и на пользу родине, чего уж там. Любовь к природе, как бы она не выглядела и откуда не пришла, пусть даже с марсианских пещер, проникла так в сознание, что уже ничего не надо объяснять, она сама поняла, что гелионы – растения бесценные и уникальные. Все проверяли свои дневники и устроили такое совещания, сидя за тетрадями, каждый в своей комнате, шкрябая ручкой по листкам бумаги. Каждый обсуждал Фаэтон, рассуждая о мнимых или реальных находках. Сейчас проводили инвентаризацию своего имущества. И все требовали от Айннет объяснений, так сказать консультации. Всё-таки биологи, почти медик. А тут

непонятное состояние психики. И все боятся, что спишут на Землю, да и вообще интересно её мнение. Всё-таки знаменитость, сам инспектор, важная шишка, дал орден, к тому же премию. Значит, есть за что, значит специалист.

Но в дневник Оксана записала, проговаривая всё вслух, пытаясь разом всем ответить:

– Ну, товарищи, я вот одновременно в дневник пишу и говорю с вами. А то реально времени нет. Итак, записывайте лучше все, этот, как его меморандум, или как вы любите говорить, резолюцию. Не нужно искать атлантов или гиперборейцев, да и сам Фаэтон везде, где только можно, во внешнем пространстве и во всех временах. Тем более что мы не знаем, что искать. А Фаэтонцы, создавшие нас, определённо были. Во-первых, если человек сам родился в обезьяньей среде, и воспитывала человека обезьяна, то откуда у него появилась речь. Ведь если человек нынешний растёт в джунглях в стае обезьян, к примеру младенец, то происходит эффект Маугли – младенец говорит точно так же, как и обезьяны, и по-человечески говорить не может. Более того, есть одна проблема – основа человеческого разума есть вера в Бога и творческая способность. Развивается творческая способность у Маугли? Нет, её нет совсем. Откуда у Маугли вера в Бога? И как же он тогда сотворил государство. Значит, были люди-создатели и они же к тому же воспитатели. А что там дальше говорить о Фаэтоне, если это все доказательства. Я не видела городов на Марсе, я не была на раскопках в Гизе. И я не историк, я не могу определить, что там, на фреске в пирамидах изображено и как пирамиду Хеопса строили. Я не могу определить: те часы, один в один швейцарские – подделка под старину или реальный артефакт древних. Но я знаю, что акт творения Бога руками человека произошёл. Только это были обыкновенные люди, пусть более развитые, чем мы. Я знаю, что Фаэтонская цивилизация у нас внутри. Вот допустим, если бы мы погибали, а были дикари, которые могут выжить. Мы берём всю информацию, которой мы владеем. Берём ДНК. И каждой особи нового человечества на неизвестной планете мы передаём весь наш опыт в зашифрованном в ДНК виде. И даём программу раскрытия этого знания. И эта программа, пусть тысячелетия тому вперёд, в наших потомках раскроет всю информацию о нас, а значит, восстановит всю планету. Вот этот манёвр – уже гениальный ход, следовательно, есть за что любить наших создателей. В моём ДНК, как ДНК каждого нашего гражданина есть знания Фаэтонской цивилизации. Вот это есть уникальная библиотека, по которой я и бродила всю ночь. И услышала прогноз, что будет целый новый народ с фиолетовыми глазами, умеющий ими видеть социальную энергию. Новый народ сможет лучше реагировать на социальные вызовы времени. Он обретёт нескоро свою свободу. Но он прыгнет выше и дальше всех. Он сможет обогнать других в науке, а главное в культуре. Только творческая способность, а людей с фиолетовыми глазами она необычайно развита, только она поможет преодолеть проблемы, связанные с этими глазами. И будет прорыв, а значит время деградации на нас завершается и наступает эпоха развития.

А дальше за девушкой стали записывать все: кто-то с интересом, кто-то с завистью и желание ещё даже насолить, а большинство за компанию, находясь в жуткой депрессии.

Все долго галдели в микрофоны, так обрабатывая информацию. Семён уже был на ферме и отключил связь, так что Оксане пришлось одной, с жутким волнением в лобных долях успокаивать. Все упоминали, что всё же видели фаэтонцев, а значит путешествовали во времени. Поэтому пришлось продолжить:

– Я не закончила меморандум. Господа, вы конечно извините, но для меня время объективно трёхмерно. И это точка. В меморандум я включу следующее. Есть информационные волны, как испускаемые мозгом человека, так и всем обществом в целом. И можно даже шкалу разработать по оценке этих волн. Но одна проблема информационная волна, содержащие эмоциональную и семантическую составляющие, распространяются как в пространстве, так и во времени. Назовём эту волну – волной аффекта, ведь они наиболее дальнодействующие. Гибель целой планеты – это колоссальная волна аффекта, распространяемая от предка к потомку. К примеру, если в семье произошло убийство, то этот аффект распространяется как минимум на три поколения, а то и на все пять. Соответственно будущие дети, да и сами участники конфликта, даже если ситуация разрешила давным-давно, бессознательно ещё долго будут это помнить. И на детях психологически, на уровне подсознание убийство отражается. То же касается любой войны, как с сопредельным государством, так гражданская, так и всех государств со всеми, – всё отражается на бессознательном. Итак, следующие пункты моего меморандума. Волна аффекта, исходящая от гибели Фаэтона, создаёт иллюзию конца света, и он нам всюду мерещится. Все так называемые прогнозы, что будет конец для нашей планеты, это воспроизведение в голове этой программы аффекта, т.е. и есть пик той самой волны. Именно волна аффекта, спровоцированная мировой войной и гибелью Фаэтона, и спровоцировало нынешнюю деградацию человечества. И именно бактерия FH1N1 и спровоцировало перенастройку нашего сознания на улавливание той самой волны аффекта. Так как волна распространяется по изменённому искривлённому времени главным образом, то она нас обогнала. Если фаэтонская аффективная волна распространяется на всю планету, а так оно и есть в действительности, то мы как бы находимся внутри консервной банки, внутри колпака. И эта консервная банка просто-напросто создаёт множество иллюзий восприятия внутри её границ. И выйти за рамки иллюзии – вот наша цель на сегодня. Иллюзии рухнут сами в момент «Ч». Но тут же самое главное успеть до момента «Ч», когда проявится политический кризис. Когда целый ряд стран могут развалиться и сферы влияния будут вновь поделены. Не говоря уже о том, что придётся взять и признать, что все ваши базовые теории неверны и подлежат, мягко говоря, пересмотру. Генетическая программа, заложенная в нас, меняет структуру нашей ДНК и меняет весь организм. С этими изменениями нужно смириться, так как это позволяет выйти за грань консервной банки. Условием выхода и окончательной трансформации я называю отказ от апокалипсической идеологии. Сама вера в апокалипсис и формирует те самые события, которые будут материализовываться в опорных точках. Аффективные волны сталкиваются друг с другом и усиливаются в конкретных точках пространства и времени. В городе Циолковский и сошлись аффективные волны, усилились и поэтому мы так сильно болеем. И если мы поставим себе программу, что произойдёт конец света и город погибнет, то это и произойдёт.

Публика по-прежнему бурлила, но девушка не слушала уже никого, а записывала таблицы. Записывала девушка в том числе какие-то числовые коды, чтобы потом в документе их использовать для записи световых сообщений. Она завела целую базу данных, чтобы понять, как цветы разговаривают. Она заметила, что сам по себе сигнал цвета ничего не значит. К примеру, светящаяся наверху сигнального стебля точка – это лишь начало сообщения, и сама по себе эта точка ничего не значит. Т.е. у гелионы есть, уж извините, буквы. И из букв пишутся слова, да и целые сообщение. Слово не менее три буквы. Коморовский, который всё это выслушивал, и было видно на экране монитора, как скрипят его мозги. Нахмуренный лоб, сосредоточенный взгляд в монитор, стуки пальцев по столу. Медицинский халат даже не снял. Через пять минут Коморовский сказал лишь одну фразу, но такую громкую:

– Подписываюсь, оформи это как официальный документ и пусть висит везде, где только можно. Так и назовём, меморандум Айннет. А хотя скинь мне на комп, я сам отпечатаю и развешу.

– Зачем? – не поняла Айннет.

– Ну, просто чтоб вся эта толпа больше не приставала и дала спокойно расшифровать световой язык.

– Коморовский, давай я лучше к себе сама зайду, – вдруг обеспокоено ответила Айннет.

Врач Коморовский осматривал глаза, фиксировал активность мозга. Проводил анализ крови. Девушка жаловалось на то, что видела какие-то события у себя в голове, была какая-то боль в глазах.

– Никаких бликов нет? – спросил Коморовский.

– Да вроде нет, дело не в каких-то визуальных эффектах события, а именно в психологическом ощущении. Просто я видела чётко всё то, что происходило на площади.

– Да нет, ты адекватная.

– Только чтоб никому, слышишь?

– Да, да, да, даже медкомиссии, не волнуйся, хотя фиолетовые глаза не скроешь.

– Блин, зачем я столько нанороботов выпила.

– Слушай, дело не в глазах. Проблема не в них, просто считается, что фиолетовые глаза бывают только у дальтоников. Но бывают такие случаи.

– Нет, все цвета я воспринимаю нормально.

Коморовский по картинка стал проверять глаза. Полчаса Айннет проходила тесты, тесты серьёзные и утомительные. Найти какой-то элемент, распознать образ. Материалы тестов такие, что тут и адекватность проверяется. Через полчаса изумлённый Коморовский вдруг сказал:

– Нет, да всё в порядке. Странно,

– Что странно?

– Ну, бывают фиолетовые глаза, что в этом такого, значит, то, что фиолетовые глаза уже признак дальтонизма, нет, это признак для других, а для тебя нет. ДНК анализ сейчас посмотрю. Ты меня, конечно, извини, но то, что ты рассказала о том, что ты видела и как-то влияла. Нет, если можно было бы материально зафиксировать вот эту энергию и как-то пощупать. Хотя отец Георгий. Нет, мне кажется, что тут недоказуемо. По-моему ты

перегибаешь палку, это всё предрассудки. Скорее всего, это гипноз, и не гелионы, ты их явно недолюбливаешь, а твоего подсознания. Раз у тебя фиолетовые глаза, то у меня и какие-то способности новые появились. Но это не так. Это не доказуемо, я тебе больше скажу, что вот ты сама сказала вскользь, что во что веришь, то и получаешь. Как эта аффективная волна действует, ведь она и вызывает эти страхи. То, что ты видишь события. Ну, это конечно интересно, это мы назовём что-то типа телепатии. То, что ты смогла внушить разорвать какую-то хрень? Нет, эта девушка уже была сама изначально разорвать это так называемое веретено. Нет, я бы сказал, что она сама сделала. Я думаю, если ты и пыталась воздействовать, то отец Георгий не позволил своим гипнозом, ну воздействием. Весь удар на себя взял он. А фиолетовые глаза сами события, как тебе сказать, не воспринимают. События видят не глазами, а специальном отделом головного мозга.

Доктор смотрел на результаты сканирования мозга, смотрел на анализ крови. А потом вдруг сказал, долго подбирая слова:

– Айннет, я подозреваю, что ты…. Понимаешь, у тебя есть способность события вот из этой библиотеки видеть. Мозговой центр есть и он активен, но причём тут глаза, я, хоть убей, не понимаю. Я тебя обрадую, что вот этот резерв у тебя сработал. Ещё бы, столько нанороботов выпить. Но…. Как-то дико это звучит, но это будет работать только некоторое время, чтобы стабилизировать организм. Вполне возможно, что и фиолетовые глаза пропадут. Станут зелёными или серыми. У тебя нет этой стабильности. Я не могу сказать, что вот этот мозговой центр будет работать так всегда. Да и активирован он слабо. Ну, привыкай к этому, что у тебя такие глаза, что у тебя такая способность.

– Буду надеяться, а что это всё? – не ожидала такого от Коморовского Оксана: – Говори уже всё.

– Что? – не понял Коморовский, – У тебя обыкновенная эмпатия, я ощущал то же самое, что и ты и то же пытался взять и загипнотизорвать толпу. Удалось только Георгию. Явно. И инспектору этому ещё, как его фамилия? Нет, типа только ты видела, не находясь на площади, что там происходит. Эта же толпа так раз эти волны и излучает. Ну и сейчас мозговой центр с зеркальными нейронами активен. Ну, творческая эмпатия как у тебя, так и у меня. У меня тоже необычные глаза, только жёлтые. Как у большинства космонавтов. Только извини, списывают из-за того, что ты не ощущаешь времени и засыпаешь постоянно на ходу. Решились там они подождать и посмотреть, как вакцина действует. Тем более что шансы есть. Да я тебе скажу, что я лечил их и так. Постоянно же по дому носился с таблетками. И декан твой всем нанороботы предлагал. Но мы же не хотим верить в лучше, нам нравится болеть. Вот и произошла истерика на площади из-за того, что все от Фаэтона балдеют. А самой хвори этой в них только на пятьдесят процентов, а то и на все тридцать. Так что спишут уж явно не тебя, раз ты сама не митинговала. Уж извини, но ты не экстрасенс, явно. И твой характер, твои убеждения и мировоззрение не соответствует экстрасенсу. Ты скорее философ, в некотором смысле творец. У тебя есть размышления о целом философском направлении – науке о событии, предметом которой являются те самые информационные волны. А это даже выше, не виденье одной волны, а виденье системы и первопричины. Так экстрасенс не мыслит, он просто считывает информацию, а не анализирует её. Так что давай, развивай

евентусологию, «eventus» – событие по-латински, а логос – сам понимаешь что. Ну а что, напиши теорию об этих волнах. Конечно для научной дисциплины или целого направления в философии — это перебор, но как знать. Может ты способная.

— Да ну тебя, — говорила Оксана, — этим всем заниматься. Нет, хорошо, а как изучать эти самые волны?

— Пфф, нет ну твоя наука, сама и думай, — Коморовский пыхтел, — хорошой конечно вопрос. А предложение вот сейчас самое заманчивое, может потому, что мы опорная точка и тут волны сходятся, а вот инструментов зафиксировать, — он постучал у виска, — как при помощи своей головы у нас нет.

— Если бы было такое устройство, которое фиксирует на квантовом уровне информационное поле и дешифровывает его.

— Ну, мать ты даёшь, кто ж тебя такой прибор даст. Информация-то нематериальна. Как её материально измерить?

— Значит евентусология или как ты там её назвал, язык коверкать, это наглая попытка сектантства, — сделала вывод Оксана, потом вздохнула и спросила: — Так даже если скажу о своих видениях и теории, даже если фиолетовые глаза?

— В смысле?

— Спишут меня, даже если во всём признаться?

— Формально нас всех списывать надо, формально у нас были проблемы со сном, причём критические. Почему до сих пор всю тысячу не эвакуировали, я не понимаю.

— Так, приплыли.

— Нет, ну сама посуди.

— Да пожалуй ты прав, как медик, что нас списать надо и не мучатся с гелионой и таблетками, тобою разработанными. Формально у нас у всех были приступы нарколепсии, я так понимаю.

— Ну да. Только понимаешь, они надеются на чудо, на снисхождение благодатного огня. И ты надеешься на то же самое чудо благодатного огня, когда думаешь, что тебя не спишут за твои ведения. Экстрасенсу место на Земле в больнице или телевизионной передаче, а на Марсе ему делать нечего.

— Юморист.

— Может они-то видят силу гелионы, а мы нет. Понимаешь, вот по твоим анализам я вижу, что бактерии FH1N1 в твоей крови нет. Повреждённые участки мозга той самой нарколепсией я видел на земле. И у тебя таких участков нет, — говорил Коморовский со всей серьёзностью, разглядывая графики.

— Шутишь, нет, это адекватная оценка моего состояния?

— Да, тебе другой медик точно так же скажет.

Оксана смотрела на экран ноутбука и ничего не понимала. Ощущение снисхождения божественного огня появилось резко и неожиданно. Душа не понимала того, что она совершила. Она не может объяснить, как прошла этот путь, но именно путь пройдён. Айннет ощущала внутри себя огромный огненный шар яркого жёлтого цвета. А там температура миллионы градусов в самой короне. Вот этот благодатный огонь так согревал её саму. Этот огонь сиял так ярко, что за сотни парсеков видна эта звезда как ориентир во тьме. На энцефаллограмме был виден здоровый мозг. В крови ничего

необычного, здоровая чистая кровь. Здоровое чистое сердце. А что в сознании происходит – вот самая главная проблема в голове у Оксаны. Вот великая загадка для науки.

— Коморовский, выходит у меня просто психологические проблемы? — на всякий случай Оксана спросила в серьёзном недоумении и удивлении.

— В принципе, как и у меня, — ответил Коморовский, а потом добавил: — И решить эту проблему таблетками или твоим напитком нельзя. Нужно просто записывать философию на бумагу и получиться эти психологические проблемы преодолеть. Евентусология – нормальная название для науки, цель которой спасти не мир, а самих себя. Цель евентусологии взять и генерировать события в своей жизни так, как нужно тебе, а не обстоятельствам или другим людям или даже бактерии. Вот и всё. И лучше просто записывать даже не в научном стиле, а художественном, как роман. Так и будет даже убедительней. Вот ты добавь принципы евентусологии как жанра фантастической литературы, мы напечатаем эти пункты на принтере, чтобы эта вакцина действовала на всех.

— Нет, спасибо, — отказалась Оксана, не веря в свою творческую силу.

— А надо, ведь творчество – предназначение мозга.

— Нет, спасибо.

— Бог творец — мы творцы.

— Нет, спасибо, ну что ты пристал. У меня забот — полон рот.

— Пусть будут принципы. Ну, в шутку так, невзначай, слегка так проинформируй население.

— Нет, спасибо, хотя ты всё равно не отстанешь. Ты должен увидеть первопричину аффективной волны, зафиксировать её распространение в опорной точке. И показать изменение в опорной точке. В идеале аффективную волну устранить.

— А так же всего мира, ведь опорная точка часть остова нынешнего мировоззрения. Всё достаточно, вот и всё, — Коморовский записал и стал печатать меморандум. Ух, и проблем у Айннет с ним будет. — Минуточку, а как устранить?

— А ты напиши, что устранением аффективных волн, занимаешься лично ты в своём кабинете. И всё, — сначала посмотрела на экран, а потом как бы в сторону Айннет сказала: — Главное, чтобы по шапке не дали.

Глава 19.

Все бродили по коридорам дома-кольца, не понимая того, что происходит здесь и сейчас. Никто не понимал, что и кому говорил, где был, где он вообще живёт. Полная дезориентация в пространстве. Расписанные неприлично стены коридоров нецензурными словами и посланиями с Фаэтона. Даже потолок исписан всякими непонятными словами. Где-то график какой-то херни, какого-то процесса, по сути, запись с эквалайзера при прослушивании музыки. Какой музыки – хоть сказать сможешь? Что за график? Что за последовательность чисел? Что за схемы устройств? Тут какая-то энергия поступает куда-то, а потом что-то крутит. Бессмыслица на бессмыслице. Где хоть какое-то, уж извините за прямоту, образование? Вот по тем словам, если судить серьёзно, которые вон там: на стенах и дверях написано? И ведь дело не в том, как нужно составлять сложноподчинённые предложения с пятью причастными оборотами. А тут просто в слове «ёж» – пять ошибок. Космонавт – это звучит гордо, это честь нации и участь великих смелых отважных героев, но когда система даёт сбой, то уже конкретно. Прилетели какие-то богачи, которые не знают языка и не могут выразить то, что написано словами. Теперь они пишут отчёт о своей экспедиции. Всюду их виртуальные устройства: тряпочки, комки бумаги, гайки, отвёртки, гвозди, стёклышки. Пылесосы, которые должны убирать мусор, все были выведены из строя. Вот один придурок ездит на нём. Едет и кричит:

— Давай, вези меня к новой жизни.

Инспектор Горский схватил молодого парня за шкирку, тот аж соскочил с робота-пылесоса:

— Поздравляю, придурок, твой отец арестован и даёт показания.

— И кто же его арестовал? У нас же всё схвачено.

Инспектор Горский продемонстрировал превосходные фото ареста главы какой-то там корпорации:

— Так что все твои монологи и диалоги с конкретными людьми фиксируются и записываются, а твои виллы на лазурном берегу уже не твоя собственность.

— И?

—Бойцы, вяжите его.

— Да я космонавт.

— Какой ты нахрен космонавт, скорее сомнонавт — любитель во сне путешествовать.

— Да что вы говорите такое, — парень пытался вырваться. Глупец, куда же он денется с колонии-то.

Большинство всё же мусор убирали. Было слышно, как постоянно в квартирах что-то прибивали, что-то сверлили, чинили. Народ сидел и что-то ремонтировал по квартирам, пока спецназ вылавливал любителей халявы. Совершив круг по неизвестно уже какому этажу, Горский устал и зашёл в комнату отдыха, где Айннет спокойно пила чай из листьев гелионы, а Коморовский всё рассуждал, вместе с Федоренко об инопланетянах.

— Вот говорят эти идиоты, — Коморовский аккуратно складывал какие-то бумаги зачем-то себе в папки, при этом сортируя, ставя условный психиатрический диагноз.

Зачем он это делает, вошедший Горский не совсем понимал. Ему и так было всё ясно, как и Айннет, Федоренко, да и медкомиссии, которая будет здесь заседать. А врач с намеренным издевательским польским акцентом говорил дальше: — Вот мы столкнулись с чем-то непонятным, что повсюду инопланетяне, разведчики с иного времени и так далее. А вот что я думаю. Доказательств существования палеоконтакта и тех людей-Богов у нас немного. Вы не в курсе, как строили те самые пирамиды в Египте. Уж извините альтернативщики, но вам придётся застрелится, коль вы такое пари ставили. Цемент, раствор – из него сделали блоки уже на самой пирамиде. Цемент из особого состава. И всё. Теперь понятно, почему даже лист бумаги нельзя просунуть. Всё делалось как монолит. И всё объяснение. Сколько нам говорили о световых шарах. К примеру, нам твердили, и мне приходилось эту фигню слышать, что, — Коморовский увидел, как в другой половине комнаты сели отдыхать спецназовцы, и тем же издевательским акцентом стал говорить дальше: — что светящиеся шары – инопланетные корабли. Представьте себе летательный аппарат, где по всей поверхности аппарата фотонные двигатели. Тут так и написано? Мощно. Только как передвигаться? Вы же должны лететь и видеть, куда лететь. Мало того, вы должны как-то стабильно летать, а где же стабильность? Мало того, я конечно не разбираюсь в этом, то я бы сказал, ого, если есть зависимость между мантией, шарами и землетрясениями, то вот эта связь более достоверна и логична, нежели чем то, что это инопланетяне. Вот молодец, кто написал – Гавриилов? Просто мантия берёт и подходит к нижнему краю литосферы и даёт, как тут написано, электромагнитный и гравитационный эффект. И всё просто. А сколько у нас летательных аппаратов, экспериментальных тарелочек? Все мировые державы такие имеют. Но этим мировым державам выгодно, чтобы это были инопланетяне. Выгодно, понимаете. Кто виновен в том, что страна живёт в долг? Кто виноват в том, что квартплата высока? Кто виноват в том, что у нас деградация населения? Кто виноват в том, что у нас хреново развивается наука, культура, промышленность? Это всё не правительство, а инопланетяне. Это инопланетяне возомнили себя Богами, вообще фашисты, правда, и наших загипнотизировали, ну как бы так. Скажу более, правительство, вот то самое, уже не преступники и виновны в деградации и кризисе, а кто? Инопланетяне виноваты, а правительство – жертва инопланетных интриг.

— Да что ты говоришь, — инспектор грубовато посмотрел на Коморовского.

А тот продолжал, читая фигню с листов:

— А что, классная теория, позволяющая для так называемого быдла оправдать любое зло, вот абсолютно любое. Тут вот написано: «вы думаете, почему у нас дороги плохие? Постоянные ямы, всюду грязь, мусор, асфальта почти нет. А всё потому, что негласно ведётся постоянная война с инопланетянами. И дороги реально бомбят как инопланетяне, так и наши. Только особенным гравитационным оружием бомбят. С тарелок светят». И выходит: дороги ремонтировать не надо. Как удобно.

— Гравитационный лазер, — засмеялась Айннет, — тема инопланетян и всяких странников с космоса будет вечно будоражить умы общественности. Конечно, девяносто пять процентов случаев контакта с инопланетянами и просто пролётов НЛО – это враньё, или небесные явления природы, или секретные испытания разных аппаратов, но есть же пять процентов непонятного. Просто у меня в голове не укладывается, вот

зачем было так врать. Я никогда не пойму тех идиотов, которые намеренно это всё выдумывают.

Валентина Миронова вдруг вошла в комнату и громогласно заявила:

— Коморовский, хорош об инопланетянах говорить и всякую херню собирать, коллекционер хренов; тут у нас тараканы завелись громадные, калифорнийские.

— Это ещё что, — вошёл Андрей уставший и разбитый с каким-то контейнером, где что-то шевелилось. Он специально искал Горского, — я змеюку поймал в одной из квартир. Я вот не знаю, куда её девать. Товарищ Горский, вот такое своеобразное добро куда девать?

Горский с задумчивым лицом сидел, облокотившись на колени, и смотрел в пол:

— Змею убивать из-за этих идиотов, нельзя. А что с ней делать – я не знаю. Она и так натерпелась. Тут лягушки есть, вон нашли. Нашли ящериц и пауков. Теперь ещё тараканы. Что вы тут творили, философы хреновы? Я не удивлюсь уже, если здесь макака обнаружиться с целой стаей. Разве вы достойны, носить звание космонавта? Воот те уроды, что вот это всё устроили?

— Где инспектор, я Леонидов, известная личность, — вошёл какой-то богатенький так называемый космонавт.

— Ах вот и змея пришла, самый главный алкоголик.

— Вы понимаете, что я могу купить весь ваш город. Я глава крупнейшей международной корпорации. Я вас всех куплю. Деньги правят миром.

— Хорошо, — говорила Айннет Федоренко, попевая уже вторую кружку чая, — хорошо, что я гелионы спрятала у себя в квартире. А то умнейших растений растерзали бы по листочку. Аффективная волна – вопрос серьёзный и актуальный, но зачем же рвать так себе листочки, чтобы их ещё и жевать. Да и просто разбрасывать по полу. Да что у нас только не разбросано.

Инспектор смотрел так раз на кучу всяких железяк на полу. Именно какие-то странные проржавевшие бывшие разъёмы, какие-то держатели, всякие странные винты с непривычной резьбой. Горский всё же поднял все эти штуковины на стол, прейдя в себя. Он же то же человек и у него эмоции есть. Он бродил со спецназовцами по кольцу и арестовывал, мало того, он проверял жилые помещения. Заходил в квартиры, вникал в рассказы очевидцев. И всегда находил вот такие странные непонятные штуковины непонятного назначения, все ржавые и непонятные. И если бы все не говорили о том, что они откуда-то оттуда, то может быть, он не обратил на это бы внимание. Андрей с Кириллом вбежали запыхавшись к инспектору Горскуму прямо в эту комнату. Андрей стал говорить, медленно соображая над этими штуковинами, которые уже лежали на столе:

— Товарищ инспектор, мы экспедицию совершили в пещеры Марса и обнаружили….

Товарищ инспектор обнаружил кристалл, разновидность кварца, такой правильный, чересчур правильный маленький цилиндр фиолетового цвета, с тремя штырями, торчащими из него:

— Это как сделали?

Андрей всё же продолжил:

— Товарищ инспектор, это фаэтонский цифровой кристалл. Они использовали квантовые технологии для хранения информации. До сих пор там что-то есть. Это не наши сделали.

— Я, — тут инспектору только дошло, что кто-то с ним говорил, — где это было обнаружено?

— Да богачи за взятки самому коменданту выходили в марсианские пещеры. А там такого добра навалом, если знать, где искать.

— Вопрос, глупый простой вопрос, зачем им эта хрень?

— Ну, можно использовать как драгоценный камень, и он действительно будет стоить выше натуральных камней, потому что они синтезированы по неизвестной технологии.

— А Земля не в курсе. Мэр не в курсе. Нет, это класс. Минуточку, ты сказал, что тоже совершил экспедицию.

— А что мы могли сделать, был приказ коменданта.

— Ну, приказ – это дело серьёзное, уголовное, всемирного масштаба. Давай, давай, докладывай.

Андрей и доложил, вот прямо всё, что Коморовский и Миронова, а так же Федоренко с Айннет чуть сознание не потеряли. Всё казалось каким-то странным фантастическим романом, словно божество – это какой-то писатель, а они всего лишь безвольные персонажи из его коллекции. Опять главная проблема этого романа, что есть реальность, что воображение. И какова его природа. Мысленно четвёрка неслась в бездну рассуждений, пытаясь понять, кто это такой, Вадик. Андрей и Кирилл, да и все эти персонажи, заинтересованные в этом государственном секрете, только сейчас о мумии вспомнили. И где там теория проекции, что весь Фаэтон – это выдумки твоей мозговой коры. Просто нейроны так устроены, что вот так фантазируют. Уже казалось, что всё объяснилось, и только теперь тот вывод напрашивается сам собой. Айннет вбежала в свою комнату, нашла распечатки расшифровки языка гелионы, анализ структуры клеток. И теперь, когда Андрей только закончил говорить. Когда только-только бойцы, сидящие за столом, побежали по адресу на содержание и охрану, Айннет сразу показала удивлённому инспектору расшифровки языка гелионы:

— Я долго думала, что всё это значит, и как естественным способом это могло получиться. И не могла долго понять, зачем растениям, которые опыляются неразумными насекомыми, такие световые речи. Здесь я выделила какие-то слова. И даже есть какие-то правила синтаксиса, ну в понимании растений. Хорошо, что я отделила три цвета от остальных.

Горскому пришлось взять материалы доклада в руки. Удивлённо он смотрел на это. Есть управляющие союзы или знаки препинания из одной буквы. Есть глаголы – буквы в динамике. Есть существительные или имена – буквы в статике. Есть предложения, они не такие сложные, как у нас. Но это речь. Волосы у Горского вставали дыбом. Особенно, когда он видел внутри листа растения на фото с микроскопа разноцветные нити вдобавок к жилкам. А кое-где, в местах соединения нитей, есть утолщения, как бы нейроцентры. Тут прозвучало в воздухе слово «нейро»? У растений есть свои нервы, по крайней мере есть именно то, что есть у животных, рыб, и даже

человека. Или не то. Может показалось, но нет, фотографии, полученные при помощи микроскопа, явственно свидетельствовали о том, что нервы есть. Что есть какая-то система, которая обрабатывает сигналы. Сам расшифровка этих сигналов лежала на столе толстенной кипой бумаг с флагом города Циолковский. Айннет завершила свой доклад в полной тишине, последним её выводом было:

– Гелионы появились на свет в результате генетических экспериментов инопланетной цивилизации. Это был своеобразный эксперимент по исследованию речевых особенностей живых организмов. Вот если бы они светили в ультрафиолете как обычные растения, то таких бы выводов я бы не сделала. А тут они видимым спектром светят.

– Осознают они то, что за картинку они передают? – спросил инспектор, – Вот этот ядерный взрыв, какие-то нити ДНК и что-то подобное.

– Нет, это просто генетическая программа. Вообще-то, когда растения светят, то они находятся в спящем режиме. Для поддержки неестественного свечения используются нанороботы в их зелёном соке. Нанороботы поддерживают и нервы в таком состоянии. Они самовоспроизводятся гелионами и являются переносчиками определённых микроэлементов, даже определённой химической молекулы. Там формула есть. Эта формула молекулы и есть основа их речи.

Инспектор смотрел на формулу. В глазах наконец-то сверкнула злость и любопытство. Появилось желание действовать. Айннет, да и все собравшиеся видели, особенно те, у кого фиолетовые глаза, как дверь в прошлое захлопнулась. Как бы все они из этого дома-кольца перешли в параллельный мир, где нанотехнологии смогут восстанавливать речь больных параличом детей и взрослых. Они перешли туда, где расшифруют послание инопланетян, той самой цивилизации, где они откроют, может сами того не зная, секретные технологии. В корне в это мгновение меняется мир. И дверь в прошлое захлопнулось, где мог быть страшный кризис и голод, а может и серьёзная война всех против всех. Только нет лишних в этом странном пространстве, полным странной материи. Какой-то парень всё это время сидел за компом и строчил какие-то тексты, а потом в эту секунду, когда был полный эффект искривлённого времени и пространства, когда что-то там в глазах сверкало, этот парень сказал:

– Я дико извиняюсь, но я сейчас пропаду, и я пропадаю. Я просто видение из параллельного потока. Меня здесь и так физически нет, просто есть какие-то зеркала в прошлом. Резонатор вдруг под действием радиации стал работать.

Парень пропал. Никого не было и ничего не было лишнего. Буквально через секунду всё пропало. Инспектор говорил уже о том, что всех их он принимает в особый какой-то отдел по исследованию Фаэтона. Такой, оказывается, существовал. Они теперь становились агентами спецслужб и должны были исследовать это всё под эгидой правительства.

Тем временем, все убирали уже коридоры, пока нужные Горскому люди подписывали бумаги. Люди в ручную веником подметали коридоры. Выносили большими мешками мусор и друг другу жаловались, решали бытовые вопросы, как-то заряжались простые смертные. Вот он, то самый параллельный мир, где есть соц. сеть, где есть обычные бытовые проблемы и обычные любовные интриги, куда без них.

Обычные интересы людей, которые уже не во что не верили, сводились к банальной работе на стройке и уже действующих заводах. Обычные научные эксперименты, какие можно было и на Земле провести, было бы желание. Обычные проблемы провинциального города. Так и хочется услышать подобные фразы:

– А на дачу или в деревню сегодня поедешь?

– У меня там помидоры загибаются, подвязывать надо.

– Помидоры, я ещё картошку не посадила.

– У меня уже яблоня цветёт.

Да обсуждают они это, только прибавляют слово «на земле», прекрасно понимая, что шансов остаться тут – нет. Да уже противно, после такой пьянки и истерики здесь быть. Стыдно как-то оставаться.

Народ ходил где-то вдали, потом приближался и уже подошёл вплотную, а договора уже подписаны и спрятаны. Бытовая волна настигла теперь уже разведчиков с головой. И они тоже погрузились теперь уже в ностальгию по обычным проблемам. Какую-то смертельную усталость они почувствовали, когда стали смотреть на то, как люди с тряпками убираются. Инспектор слышал обычную вещь о помидорах, об обычной школе, об обычных проблемах, и как-то удивился, что такие люди здесь есть. Он привык, что на этажа сидели какие-то богачи. Он возился целый день с ними, а тут простые смертные ходят и убирают. Те остановились и смотрели на разведчиков теми же глазами, что и то видение парня с параллельного потока. Правда, глаза аметистовые, в смысле фиолетовые, такие тёмные глаза у этих граждан. Что у них там внутри, и Коморовский и Айннет, как Федоренко и Миронова, знали не понаслышке, потому что сами раньше были их частью. Сами они ездили в автобусах по огородам, сами ходили в обычные школы и сами работали и учились в обычных условиях. У самих были проблемы с деньгами. И самим надо было сразу менять дома полы и проводку, а так же окна и мебель. Сами они любили, есть обычный ментай или скумбрию, куда там до устриц и креветок. Надо ли им эта разведка и эти тайны Фаэтона? Какой-то час назад они тоже мечтали о том же, что и они. И как-то глупо все друг на друга в эти секунды смотрели. Ощущение вдруг пропало через пять секунд, но надолго запомнилось. Толпа остановилась, а инспектор вдруг сказал, что лучше бы они готовили доклады. И приказал вдруг унизить богачей. Сам не знал инспектор, что на него нашло. Может какая-то та же ностальгия по обычной жизни в плюсе с той самой злобой к тем, кто его предал и ни раз. Богачей согнали и заставили убирать. Именно бывшие принцы ходили со швабрами и всё убирали. Сами они таскали противные мешки с мусором, а спецназовцы, которые и заставляли всё это делать, дерзко смеялись. Весёлые простые смертные ходили по коридорам и вели обычную научную жизнь. Заработал нормально наконец кислородный завод. Заметно это было по свежему нормальном воздуху, почти земному. Неужто те додумались, как сделать озон? Было такой ощущение, что прошла гроза. Дышалось свежо и по-домашнему.

Айннет сидела у себя в комнате, и смотрела на цветы. Она плакала, и Федоренко, сидя рядом с ней и обняв её, еле сдерживался сам. Он удивлялся тому, что в тот момент, когда надо было взять и приготовить тот напиток, он сидел и боялся этой истерике. По сути женщина оказалась сильнее мужчины. Хотя с другой стороны, что он мог сделать?

Теперь уже не хотелось с этой девушкой разлучаться и как-то даже уходить в другую комнату. Он лишь приготовил кофе с чаем, а потом решился: взял уже консервы, свежие фрукты и овощи и стал готовить из них какой-то салат. Приготовил отчего-то много. Но Айннет сама уже пришла на кухню, и ни слова не сказав стала есть. Они долго смотрели друг на друга, но сказать о главном, так и не решились. Не до того было. Надо было писать доклад, надо было проводить исследования. Да и родные сеанса связи заждались. Только теперь им разрешили использовать дорогую квантовую связь. И поэтому оба из них спешили.

Зато решились на самое главное Миронова и Коморовский. Они уже сидели за квантовом передатчиков и хвастались своим родным, как они трепетно любят друг друга и уже подали заявление местному мэру. Рассказывали они о своих чувствах и о том, что пережили. Становилось легче и уже верилось этой паре в стабильную жизнь на Марсе.

Только отец Георгий сидел в своей квартире в доме-кольце и принимал одного за другим простого смертного. Говорил одно и тоже: фиолетовые глаза – дар божий, Фаэтон – проекция их подсознания, а жить на Марсе можно и нужно, к тому же если тебе Бог предоставил такую возможно, то не исполнять наказ Бога – грех. В очередной раз он изменял какого-то увиденного пришельца на кактус или цветок, и всё проходило. Мало того, виделись горожанам и родственники с Земли, бывшие друзья и знакомые. И их так тянуло на родину, но жить приходилось здесь, и в этом убеждал отец Георгий, сам уже не понимая, почему.

Оказывается, об этом Айннет и все остальные обычные люди узнали прямо сейчас, был здесь с самого начала противный журналист. Он сейчас так же смеясь, анализировал стоимость акций компаний, собственниками и акционерами которых были эти богачи. Акции падали, и сами богачи же не понимали уже ничего. Деньги, которые перестали иметь здесь весь в раз и одночасье, улетали в трубу. Просто журналист старательно делал репортаж о светской хронике здесь, в городе Циолковский. Сначала он копил материал, а потом всё, что заснял и накопил, стал выдавать какому-то телеканалу. Журналист Виктор Топалевский уже понял, что он останется здесь и возглавит своё журналистское подразделение своего телеканала, на который работал когда-то обычным спецкорром.

Откуда он взялся и почему до сих пор жив, но как он мстил экономике тех самых светских идиотов, как он их назвал. Кризис экономический всё же начался.

Глава 20.

Айннет пошла в медцентр, вместе с Федоренко. Шли молча, пытаясь мысленно смоделировать диалог в голове, но что-то мешало сказать им самое главное. А может и не надо. Зачем лишний раз волноваться, переживать и потом же кусать локти будешь. Очередь в регистратуру в холе медцентра. Хоть богачей здесь не было, но и остальных навалом. Все волновались, что-то обсуждали и тряслись. Обычная жизнь в поликлинике. Все обсуждают свои болячки. Да обсуждают то, что видят фиолетовые глаза. Какие-то странные видения, какую-то ауру. Жёлтые глаза – это ещё привычно, хоть там то же проблемы с тем, что ты видишь в темноте, но вот с фиолетовыми глазами. Никто не говорил о новом народе, как говорил тот самый журналист. Как его фамилия?

Все хотели от фиолетовых глаз избавиться, как и от жёлтых. Никто не гордился ими. Им не позволительно думать о том, что они новая ступень эволюции, и что на их глазах в буквальном смысле природа проводит эксперимент. Им хочется стабильности, и чтобы были нормальные глаза, то бишь зелёные, голубые, пусть серые, но чтобы пси-эффектов не было. Странные какие-то люди, казалось так Айннет, будто бы здесь все пациенты психиатра. Все в очереди были уверены, что их спишут.

Медкомиссия будет с Земли. Никто из местных участвовать в отборе не будет. Поэтому все и боялись, что объяснить всё происходящее на местном языке не получится. А общепринятый язык многие забыли. Очередь не рассасывалась. Хоть карты выдавались быстро. Просто новые люди постоянно прибывали. В регистратуре Айннет и Федоренко дали бланк, который должны были заполнить врачи.

Айннет и Федоренко спокойно прошли окулиста, хирурга, дерматолога. На это ушло полдня, потому что были гигантские очереди. Все решили пройти именно этих специалистов. Успели сдать кровь на анализ. Когда возвращались домой, слышали от пилота, что всех его коллег списали из-за того, что центрифугу они не прошли. И что из двадцати пилотов, остался только он один.

Уже пройдя половину пути домой, Айннет посмотрела внимательно на комиссионный листок:

— Семён, тут у нас центрифуга есть?

— А что? — сначала не понял тот.

— Мы проходили центрифугу, когда должны были прилететь сюда?

— Ну, я не помню.

— Серьёзно?

— Ну, всё о фиолетовых глазах я думал.

— Я тоже думала о них, я и забыла о ней. Когда пилоты успели их пройти.

— Ну, они заранее стали проходить. Им наверно такое указание дали.

— Точно, все должны проходить центрифугу! — воскликнул Семён. — Блин, это же надо.

— А психиатра и невролога прошли?

— Ну, стоп, пошли пройдём, мне просто интересно, я псих или нет.

Опять толстенная очередь. Опять странные разговоры у кабинета о фаэтонцах. Психиатр и невролог сидели в одном кабинете. Там же были аппараты для сканирования мозга. Огромная просторная комната. Где сидели пять врачей и проверяли что-то.

Самый серьёзный и обстоятельный диалог начнётся вот-вот. Невролог их принял, простучал молоточком, проверил рефлексы, тут же проверил мозг стандартным шлемом. И сделал вывод:

— Ничего не понимаю, вы здоровы.

— Нет, извините, я не понимаю, — сказал Айннет. Федоренко тоже ничего не понимал.

— Больные – вы вовсе не больные. Ну, усталость. Ну, усталость через два дня пройдёт. Так, у вас доклад какой-то был, вы его подготовили.

— Вот, я, правда, его не окончила. Тут только фотографии, их анализ ещё не подшит. Не успела.

— Вы вместе его делали?

— Да, — Федоренко рассматривал себя в зеркало, умудрившись встать и подойти к нему: — а точно всё в порядке, или опять медкомиссия наоборот пытается всё сделать нормальным.

— Нет, ребята, это вы загнули. Ну, лица уставшие у нас.

— Так списываете, тем более эпидемия началась.

— Погодите, я поняла, — Айннет смеялась и восхищалась, дерзко и нагло: — Произошло снисхождение благодатного огня. Нет, вы поглядите.

— Я сам верю вот этому шлему. Шлем показывает, что ничего нет. Анализы где ваши?

— Я сейчас сбегаю, — сказал Федоренко.

— Не надо, может они в бумажки ещё не написали. Я по компьютеру проверю. Хитрый, сразу на Землю.

— Нет, вот увидите, врёт шлем.

— Молодой человек, ещё раз так скажите, и точно оставлю. А вот анализы, ну вот смотрите. Вот у вас лейкоциты? Какова норма?

Семён и Оксана сообщили, отчеканили норму.

— Хорошо, читайте энцефаллограмму.

Читали, читали долго, минут пятнадцать. Энцефаллограмма была в порядке. Тетта-ритм и прочие ритмы показывали идеальные графики. Повреждённых участков не было видно. Никаких.

— Словно вышли из одного тела и попали в другое, — сказала Айннет, — Т.е. формально придраться не к чему?

— Ну, любопытная ситуация. Хорошо, а что ваш Фаэтон?

— Ну, я взяла с собой расшифровки.

— Они, кажется, у меня, — Федоренко достал листки, — Вот куча бумаг. Я не знаю.

— Чего не знаете.

— Ну, вот вы пустили дождь. И отчёт аппаратуры есть. И фото сигналов есть. Ну, они же светят. Это не фотомантаж и не издевательство аниматоров. Я не вижу следов цветокоррекции. Хотя назвать это естественным, что цветы светят.

— Вот-вот.

— Так вот сигнал о том, что прошла кошка. Запомнил последовательность. Вот прошёл человек. Я вижу видео на компьютере. Монтажа нет. Ну, явно вот этот

повторяющийся сигнал – глагол, действие «прошёл», «идти», «перемещение». Логично, правильно. А вывод из всего этого какой?

— Генетическая коррекция.

— Где коррекция? Почему мы должны из вас по капельки доставать информацию, — психиатр говорил теперь, он отошёл от шокирующих видео: — Вы играете, вы нормальны и нам подходите.

— Нет, подождите.

— Вам хочется, чтобы вам врачи сказали то, что вы думаете, а не то, что есть на самом деле.

— Интересно.

— Умеренная психосоматика. Ещё есть шансы не попасть в больницу. Вот прямо сейчас, — психиатр показал прямо в глаза Айннет и Федоренко пальцем.

Минута прошла быстро. Тихо осознавая то, что можно и дальше здесь работать. Пара не задумываясь о том, работать или нет, стали под каким-то действием момента докладывать ещё раз о тех нанороботах, которые там были обнаружены. Объяснили принципы действия нанороботов. Показали фотографии с микроскопа, показывали графики и таблицы, да так увлечённо. Сейчас решалась их судьба, а они просто увлечённо советовались с врачами о том, правда то, что они увидели или нет. И где здесь логика? Врачи посмотрели, переглянулись, проверили. Дальше спросили о принципах работы бактерии FH1N1.

— Я так это не анализировала, — замешкалась Айннет.

— Ну, вы постарайтесь, как вы это понимаете. Хорошо, я, — врач стал спрашивать издалека, — Фаэтонцы с вами говорили?

— Нет, это была проекция моей психики. Т.е. галлюцинации. Что я врать будут.

— Вы не смотрите, что он здесь сидит.

— Нет, его здесь нет.

— Но душа его здесь есть и глаза же его видят. Ваши глаза.

— Я долго думала над этим вопросом. Глаза видят наверно какой-то сгусток энергии. Просто есть какая-то частота, которая ещё улавливается мозгом. А мозг потом додумывает.

— А какая частота?

— Глупо наверно, но электромагнитная, — сказал Семён.

— Ну, знаете, вы и так электромагнитную волну видели и раньше. Световые волны – частный случай электромагнитных.

Ассистент что-то включил. И фиолетовое свечение из какой-то штуки. Айннет нагло сняла на смартфон, чтобы проверить. Смартфон не увидел ничего. А глаза видят. Психиатр достал банкноты:

— Отличите подделку от оригинала.

Что-то они чувствовали, что какой-то знак должен быть. Они видели их всех сразу. И мало того, что-то начинало до них доходить. Проверили и хором ответили:

— Весь первый ряд, Второй ряд — вторая, пятая и шестая. Третий ряд – первая и шестая. Все они настоящие, а остальные подделки.

Ассистент просветил и поразился увиденному, те знаки на банкнотах, которые видны в ультрафиолете, указаны верно. Психиатр показал инструкцию как отличить банкноты. Всё совпало. Психиатр показал на стол:

— А где отпечатки ваши.

Странная картина у психиатра в голове. Товарищи биологи смотрели сначала на руки, а потом на стол. И указывали на пустом столе свои следы. Подсветка лампой всё подтвердило. Жуткий хохот стоял в кабинете. Якобы больные смеялись хохотали, хохотали все.

— Вот видите, — делал заключение врач, — зачем вам отказываться от фиолетовых глаз. Вы как Шерлок Холмс сразу можете выловить даже террориста. И всего лишь. Я не знаю, как это расшифровать с точки зрения теории мыслеобразования. Даже слова такого нет. Но отпечатки сравнить – это всегда, пожалуйста. Вот направления на центрифугу и барокамеру. Кардиограмма у вас хорошая.

Пара пошла уже спокойно. Даже если центрифугу они не пройдут, будут знать, кем работать на Земле. Хотелось было уже уйти, но было интересно. Ну, как же, они биологи. Они знают, что если они не пройдут, то сами себя не простят. А всегда им любопытно узнать свои способности и возможности. У барокамеры была очередь. Пришлось идти к центрифуге. Там к тому же никого не было. Здесь они уже встретили выходящих Коморовского и Миронову.

— Вы чего весёлые? — весело спросил Коморовский.

— А ты чего?

— Ну, я то прошёл и Миронова тоже, а вы почему весёлые. Я остаюсь здесь.

— Чего, ты точно это решил.

— Ну, да. А что, работать здесь врачом, тут ещё эксперименты проводить. И куда без практики. Мне же потом лучше на Земле будет. Я мечтал о Марсе всю жизнь. И отказываться? Я был ребёнком. Мне родители купили телескоп. Я высматривал там Марс. Мечтал всю жизнь быть здесь. И просто так улететь отсюда, когда я здоров и полон сил?

— Ну, ты прав, ладно, так ты всё прошёл?

— Да, главного надо пройти, ну это вопрос решёный.

Айннет уже сидела в центрифуге. Она начала двигаться. Всё убыстрялась и убыстрялась, ускорение — 2G. Айннет всё прислушивалась к своему телу. Все проверяла себя. Никаких сущностей. Ничего нет. Ничего такого, чтобы нервы сдали. Просто тихо и спокойно шумел аппарат. Айннет шептала в микрофон о том, что нормально себя чувствует. В голосе звучало удивление и радость. А также ощущения не то, чтобы не совсем приятные, но её уже сейчас тянуло туда, на закрытые фермы с определённым микроклиматом. Они манили к себе, скучали и требовали полива. Ну как оставить этих живых разумных существ. Только теперь она искренне захотела остаться на Марсе. Ускорение — 3G всюду всё в порядке. Уже хорошо, может даже слишком хорошо. Не верила Айннет уже в свои способности. Ей захотелось вдруг сразу резко и неожиданно непросто остаться в космосе, а жить, работать, как истинная новая марсианка. Её фиолетовые глаза – признак нового народа. Фиолетты – пусть будет им дано такое название. Пусть передаётся способность видеть в ультрафиолете и её детям, внукам, правнукам и так далее. Пусть Земля не поймёт, что она теперь родная для Марса, а не

для Земли, но она пусть приёмная, но дочь Марса, ускорение — 5G. Да Фаэтон существует у тебя в голове, но не менять же голову. Не ампутировать её и не исправить сами мозговые отделы. Пусть лезет Фаэтон в качестве каких-нибудь художеств. 6G Айннет уже ждала того, что будут у неё дети бегать с фиолетовыми глазами. И как её дочь будет экспертом-криминалистом ловить взглядом отпечатки пальцев и ставить в итоге приговор преступнику сразу. Вот уже сцена видна, как она обезвреживает ультрафиолетовым взглядом преступника. Ускорение — 7G, а теперь внимание за реакцией. Она умудрялась ещё при 7G разумно щёлкать на какие-то кнопки внутри камеры центрифуги. Сдала, сдал и Семён. Очередь к барокамере была громадной. И вскоре кабинет закроется. Завтра с утра они будут стоять здесь. Весь этот день они печатали доклад, его доделывали и проверяли. Не до нежностей и сантиментов. Уснули поздно.

Семён видел во сне какую-то странную библиотеку, где стеллажи с книгами и извилистые коридоры между ними были вертикальные. Пространство искривлялось и время текло по-другому. И идя по прямой дороге, якобы прямой, Семён на самом деле шёл по внутренней стороне какой-то спирали. Как только он это понял, то сразу её воочию увидел. И только сейчас вновь захотел жить, хотел постигать эту странную библиотеку внутри себя. Ему хотелось какими-нибудь средствами изучать себя. Сон стал разрушать иллюзии, потому что он вдруг вышел из библиотеки в космос, на окраины солнечной системы. Где он был на астероиде, мирно летящим вдоль границы Солнечной системы. А вокруг огромная сфера из покойников. Странно, но эта сфера состоит из могильных плит открытых. Там были изуродованные грязные души. Каждая душа что-то говорила.

— Мне же на роду было написано изобрести новый алгоритм шифрования.

— Я, оказывается, сына неправильно воспитала. Он без меня пропадает. Я слишком его баловала.

— Я зря чтила традиции. Все эти приметы не сбылись.

— Я бегала по всему городу и проверяла невесту, а, оказывается, проверяли меня.

Звучали обрывки фраз. И все эти космические голоса были бессмысленны и расшифровать всё это невозможно.

Вдали виднелась большая синяя тарелка. Явно она инопланетного происхождения. Только во сне эти инопланетные сущности приходят в голову. Семён видел свободные места между покойниками, которые всё разочарованно, говорили о своей неразумной жизни. Улететь на другие звёзды они не могли, Земля держала их и требовала вернуть долг. А ему хотелось уйти за пределы Солнца. На астроиде лететь – да вы что с ума сошли?

Проснулся, странно, но уже девять часов утра. Пришлось идти к Айннет. Та спала крепким сладким сном. Только от лёгкого прикосновения девушка проснулась. Без зозрения совести встала с кровати и прошлась. Сексуальная откровенная, в меру короткая ночная рубашка сразила Семёна. Её в меру большая грудь, пропорциональное тело, превосходные бёдра. Всё так было естественно и соблазнительно. Но Оксана быстро ускользнула от пронизывающего взгляда молчавшего Семёна. В этой робкой странной по ощущениям тишине звучала журчащая вода, открывались консервы, и кипел чайник.

Мужался Семён, а в это время боец Андрей был в центрифуге. Он только зашёл в центрифугу, и она стала быстро разгоняться в просторном цилиндрическом помещении. Вот, ускорение — 1G и концентрация внимания по максимум. Щёлкают какие-то переключатели. Решаются какие-то логические задачи. Ускорение — 2G и уже Андрей в предвкушении победы. Всё работает как часы. Андрей лишь рассуждал о том, кто под действием безумия погибли в тех пещерах. Андрей не понимал, зачем они туда лезли. Не понимал Андрей любителей адреналина. Вот же гад, не понимал, ускорение — 3G. Хотя сам же такой, любитель адреналина. Ведь полез за Вадиком. И было опасно. И сколько уже было опасностей, но ведь он профессионал, а они любители. Ускорение уже 7G, а он держится и работает. Складывает числа, щёлкая переключателями.

Он сдал и побежал к инспектору как одному из председателей медкомиссии. Инспектор встретил его недружелюбно, Андрей даже захотел выскочить из кабинета, даже заглянул на скамейку, а там никого нет.

— Что вы там смотрите, Андрей Баталов, — спросил гневно инспектор.

— У меня привычка соблюдать очередь, — ответил, что попало Андрей. — Вдруг я кого-то пропустил.

— Ну, — инспектор только развёл руками, — и что никого нет?

— Да нет.

— Минуту назад было десять человек. И каких.

— Да ладно, разве можно так. Ведь это великий шанс.

— Да, бывает.

— А так адреналином увлекались.

— А ты до сих пор увлекаешься, фильтры схоронил.

Андрей только теперь наконец-то сел:

— Схоронил, как же я тогда тряслся. Когда увидел какого-то придурка, идущего из пещеры. Вы постановили, был он или нет? Вообще расследование есть?

— Хотели спасать?

— Да, но я не знал, как и кто он. Может он преступник, но бойцов терять?

— Я тебе не судья, хоть приходится. Только тебе бойцов жалко в такой ситуации.

— Да у меня город бунтует, а бойцов на вес золото. И так опасно там находится. Город бунтует. Купол могли взорвать, ну чисто теоритически. Могли. Начать массовую и понажовчину, расстрелы и так далее, куча психов, бушует эпидемия. Есть же этот естественный отбор. В любом случае, я связан обязательствами не только с тем, кто лезет к метановой реке, а со всем городом. Я, как бы сказать теорию, психологически я архетип воина и защитника. И на уровне коллективном сознании города я обязан защитить как можно больше людей. Я завишу от них капитально. Вот какая-то связь есть. Да к тому же если не я, то кто. У меня есть генетическая защита против таких экстрималов.

— Я вижу эту защиту, — инспектор уже подписывал бумаги, — Вы прошли комиссию вот в тот момент, когда остановились и не стали одного придурка спасать. Это не было галлюцинацией. Отчёты я и так уже проверил ваши в первую очередь. Вы на Марсе нужны как никогда.

Весь отряд всё же приняли в космонавты. Они прошли переаттестацию. Все бойцы уже пошли отдыхать. Измученные и изуродованные они сидели по своим квартирам, просто отдыхая во сне. Специально выпили таблетки и уснули. Им так не хватало обычного сна. Обычного сна без сновидений. Психика должна отдыхать.

Оксана и Семён так же быстро прошли проверку, как и Коморовский с Мироновой. Вот только и у них сил радоваться аж целых три часа просто не было. Измученные непонятной эпидемией, они уснули. Теперь уже на восемь часов. Им так необходимо поспать. Им просто необходимо отдохнуть. Пусть до сих пор убираются эти ублюдки-алкоголики, которые попали сюда по блату. Работать, после осознания того, что произошло с ними, просто не хотелось.

Глава 21.

Эдуард Щеглов, о котором все благополучно забыть никак не могут, хотя ему этого очень хотелось, шёл на работу в какое-то помещение:

— Хорошо, что хоть здесь ваш Вадик лежит.

— А свет включать не надо? — спросил инспектор. — Где тут у вас выключатель?

— Да вот же, — Андрей щёлкнул кнопкой, — я уже привык к своим жёлтым глазам и что вижу в темноте превосходно. Долго же он тут лежал нетронутый.

Быстро переоделись эти три человека вошли в какую-то закрытую лабораторию. Как же здесь холодно.   Перед ними может тот самый странник-инопланетянин лежит на столе, описанный ещё в двадцатом веке, в том числе и братьями Стругацкими.   Перед ними тот, кто во всём виноват. Безумцы-фанатики готовы разрубить это тело на части из чистого любопытства, а потом эти части продать на рынке как священные религиозные артефакты их безумной веры.   Жёлтые кошачьи глаза Андрея уже привыкли к таким режиму работы и больше глюков не выдавали. Теперь можно спокойно ходить по тёмным коридорам и видеть мельчащие детали.   Он просто проводил их в просторное помещение, где лежала мумия, но всё же остановился проверить.

Действительно, и это слово надо выделить жирно, там лежало тело. Конечно, время и её не пощадило, но всё же неплохо сохранилось. Все поражались это правде о том, что всё же цивилизация была. Но никто ничего о ней не знал. А как же узнать, когда при такой катастрофе все доказательства не только разрушает при своей гибели планета, а ещё уносит в космос.   Вот сейчас Андрей Баталов смотрел на мир честно и трезво, без обидников и обвинений, но не мог понять, что там произошло. Скорее всего, всё же, Марсианская цивилизация погибла по собственной вине.   Не верилось уже в то, что эти мёртвые являлись сюда. Эх, всё же глаза сохранились. Вот сохранилось это выражение перехода в какое-то странное состояние духа.   Казалось, что мумия Вадика вот-вот оживёт и начнёт говорить. Андрей всё же вышел, и когда сам пошёл уже обратно по своим делам, то слёзы как-то сами собой потекли. Все его страдания ради такого бесценного артефакта?   Стоят ли они того?

Конечно, стоят, о чём разговор, но как только ты прилетаешь на Марс просто для исследований, то попадаешь в этот заговор погибшей цивилизации. Начинаешь искать врагов вокруг, начинаешь искать врага в себе.   Начинаешь пороть истерику, биться головой обо что угодно. Просто Марс – это одно гигантское кладбище. И даже если бы не было бактерии FH1N1. Даже если бы не было доказательств существования здесь цивилизации в прошлом. Даже если принять всё это во внимание и отмести в сторону цивилизацию странников, всё равно есть шанс заболеть Фаэтонской лихорадкой. И ведь это всё потому, что Марс очень похож на Землю. По своим орбитальным характеристикам. Земные сутки схожи с марсианскими. По составу ядра и литосферы. Атмосфера, пусть более разряжённая, но всё же схожая с земной. И трещина во всё полушарие – это о чём-то говорит. Огромные кратеры. Огромная гора Олимп, неестественная.   Следы иссохших рек и озёр, целые следы океанов и морей – всё это уже может спровоцировать эффект фаэтонца. Фаэтонская лихорадка может быть просто так, при взгляде в телескоп на планету Марс. Этим Марс и коварен, что воображение начинает чисто на бессознательном уровне додумывать то, что может вообще не быть.   И

именно на планете Марс обыкновенные камни начнут казаться черепами именно потому, что условия схожи. И воображение на основании этого видит. Просто само информационное поле Марса, что же там записано, начинает в твоей душе такое вытворять. Может это просто генетическая предрасположенность. В итоге Андрей стал рассуждать о том, почему он имеет именно жёлтые глаза, а не фиолетовые. А многие уже бежали с Марса именно потому, что Марс теперь для них кладбище, гигантское кладбище на всю планету. И они правы, потому что теория о том, что Марс в прошлом был идентичен Земле подтвердилась и будет дальше подтверждаться. Следовательно, как ни крути, даже если цивилизации на Марсе не было, и трупа нет, и нет этих кристаллов, то всё равно это кладбище. Неудачный проект Творца, его откровенный провал во всех отношениях. Даже банальной воды не сохранилось.

Но нет, мумия есть и есть много чего ещё. Только надо знать, где искать. Что же ты ещё Андрей найдёшь на свою больную голову. Тем временем тихо и спокойно Эдуард Щеглов с подоспевшими какими-то биологами из спецотдела стали осматривать чёрную одежду. Естественно все были в спец костюмах. Исследовалось абсолютно всё. Пугали Щеглова те самые фиолетовые глаза. Оказывается, и у него что-то такое было. Добрались до того, что стали исследовать кровь. Щеглов добрался до суперкомпьютера, проводившего миллиард операций в секунд. Нет, он не стоит на Марсе, на Марсе только часть такой системы, скорее просто обычный сервер, а суперкомпьютер есть на Земле. Диспетчер не хотел поначалу давать доступ. Последовал длительный путь согласования между ведомствами за право запустить стандартную программу на этом суперкомпьютере. Декан биологического факультета Щеглов взял даже при помощи ассистента свою кровь и передал полученное ДНК системе. А система поначалу зависла из-за проблем с какими-то модулями на этом суперкомпьютере.

Где-то на суперкомпьютере, где-то в Москве, в огромном здании тихо и спокойно сидели программисты и попевали кофе. Проводились какие-то стандартные расчёты. И ждать не ждали запроса на серьёзный анализ вплоть до Адама и Евы.

Т.е. это смотря как поставить задачу. Если взять за расчёт адаптацию к марсианским условиям и сравнить с земными условиями – это один момент. А найти соответствие между генами Вадика и известными генами предков землян – это другой момент, к тому же найти точку расхождения и определить схожесть с изменениями в генах. Инспектор вдруг вспомнил об Андрее и потребовал ему вернуться обратно. Он не на долго отошёл и удивился, когда ему приказали вернуться.

У Андрея взяли кровь, получили ДНК, в том числе виртуальное. И суперкомпьютер стал медленно искать точку расхождения. Есть такая теория гаплогрупп. Это теория о том, как формировались целые этносы и народы, и как эти процессы откладывались на генетическом уровне.

Находясь в этой лаборатории, все были сопричастны к великой тайне. В прошлом эту тайну хранили в своё время все тайные общества планеты, неся тайное знание. Но потом они деградировали и сами забыли, что несли. Сегодняшние масоны понятие не имеют об истинных технологиях своих Богов. Те пришельцы, которые якобы прилетают к нам, ими же масонами фальсифицированы и дискредитированы. Сколько случаев раскрыто, когда сами масоны притворялись инопланетянами на тарелочках и ставили

подпольно чипы населению. И всё это с конца двадцатого века. Сколько раз якобы был контакт, а оказалось, что в Розвелле — это всего лишь кукла, изготовленная масонами. Где реальные инопланетяне. А теория Эриха фон Деникина так манит к себе. Неужели тут будет облом. Ну, раз мумию нашли, то и сходства будут. Инспектор уже не сомневался в том, что тот поганец Эрих прав, но только что это доказывает?

Ничего. Пока ничего на суперкомпьютере нет. Вообще просто перебор генов идёт. У Вадика вдобавок человеческим земным генам есть ещё пятнадцать. У него лишняя хромосома. Пока мощный вычислительный центр проводил анализ генеральных линий, Вадика просветили. Проверили всё его замёрзшее тело.

Как-то быстро шло время. Быстро летели минуты и секунды, а так же часы. Два часа сбора всевозможных анализов. Два часа инспектор разбирал с Андреем гравитационный излучатель:

— Вот смотри, я верчу его как угодно. Вот у нас в городе стоят огромные такие резонаторы и излучатели гравитационной энергии, чтобы радиация шла прочь от города. Там огромные установки. Вот вся башня занята огромными аппаратами. Ваш кремль – это огромное предприятия, целый завод по производству гравитационной линзы. Целая атомная электростанция здесь нужна, чтобы пустить энергию в башни. А там внутри разгонные блоки с огромными магнитами, преобразователи из редкоземельных металлов. Огромные синхронизаторы в три метра высотой. Да ещё огромные излучатели с дорогими редкими нанокристаллами с особенными структурами. Да что там говорить. Квантовая связь, создающая телепортацию квантовых частиц с одной планеты на другую жрёт столько энергии. И там вся их начинка такая дорогая. А тут вот что-то на подобие гравитационного излучателя? Т.е. здесь идёт импульс сканнера некоего гравитационно-информационного поля, или как там оно называется. Считывается, чёрт возьми, из эфира, что ли информация и записывается. Ах вот где разъёмы для тех кристаллов. Сейчас торкнем, — Горский сунул в какую-то дырочку какую-то железяку, а потом из железяк сворганил переносное устройство, чему Андрей удивился. Всё держалось на честном слове.

— Я вам всегда поражаться будут, вот таким инспекторам, — сказал Андрей.

— Я, товарищ Баталов, представитель тайного общества инспекторов.

— Не-е, это я понял сразу.

— Хм, я – архетип коллективного сознания, я тот самый инспектор той самой божественной воли, которой служу. Я ставлю самим фактом своего появления людей всех чинов и званий, всех профессий и способностей в такие неловкие ситуации. Где, либо ты возьмёшь и поступишь хоть в раз жизни правильно, или ты попадаешь в места своеобразные. Высшая воля избрала мою душу в качестве проверяющего, чтобы спасать планету. Мы как инспектора бессмертны. Наша душа воплощается постоянно и постоянно время от времени в переломные моменты истории, и просто проверяют людей на то, достойны они жить в новую эпоху или нет. А сейчас так раз новая эпоха. У нас, у инспекторов есть такая способность видеть как рентген всю основу души, психики отдельно взятых личностей.

— Гм, — Андрей только промолчал, но в душе хотел сказать, мол, за что вам такие муки быть лакмусом.

— Мне казалось, что эта жизнь мне как каторга, как наказание. В особенности в мои ранние годы, когда даже родные меня не понимали. А теперь давно понял, что я сам прохожу испытание перед Богом. И в будущем меня ожидает лучшая жизнь.

— А так у вас жизнь – это херня полная, — что-то Эдуарда Щеглова потянула шутить, — а Евгений Петрович?

— Ну-эх, у инспекторов нет переживаний, эмпатий, приступов, да и плохих моментов в их истории.

— Ваша миссия дороже всего этого, ну надо же, есть точка расхождения, примерно в десять тысяч лет назад. Как назовём гаплогруппу? Пусть будет FR. Итак, он представитель гаплогруппы FR, ну этнос FR. От этого, по расчётам, пошло наследование некоторых генетических признаков гаплогруппе R1, R2, R3. Причём воздействие такое, малозаметное. И прошлые генетики не могли без таких расчётов это определить. У меня и у Андрея произошла перенастройка генов. Конечно, новой гаплогруппой это назвать нельзя. Но бактерия перекодировала участки кода. Короче, я выявил ген фиолетовых глаз и ген жёлтых глаз. И у Вадика есть эти два гена. Они были у нас и в прошлом, просто дремали. А сейчас активизировались. Я ещё раз убеждаюсь, что эволюция происходит резко и неожиданно. Так, отчего он погиб. Вот это сложно сказать. Я бы сказал странный нервный паралич. Ну, это, прежде всего. А как он умудрился замёрзнуть и сохраниться – вот этого я не знаю. Да немудрено, что он мне снился всё это время. У него глаза говорят об особенном предсмертном состоянии. Назвать это нирваной я не могу. Уж извините, это довольно-таки странное состояние. Нирвану я видел, здесь что-то другое. Здесь ещё есть странные нанороботы, которые и вызвали этот странный паралич. Вот их природу мне ещё изучать и изучать. Сердце у него почти здоровое, если не считать того паралича. Лёгкие забиты какой-то мелкодисперсной пылью. Ах, она ещё шалит радиацией. Тут ядерного взрыва не было? Желудок заполнен только растительной пищей, схожей по составу с земной на восемьдесят процентов. Мышечная ткань развита хорошо. Вообще он хорошо накаченный. Кости нормальные, если не делать поправку на время. Ну, нервный паралич – вот его диагноз, вызванный, погодите, бактерией FH1N1. Да это она, а вот и первая версия тех наноробото, слитых с этой бактерией. Товарищи, мы ещё живы?

– Живы, – инспектор разобрал излучатель, – а толку? Вот если бы мы вышли на тех, кто его убил. И почему погиб этот грёбанный Фаэтон. Тоже мне название – Фаэтон. Фаэтон – это пятая планета, которая ещё на этапе формирования Солнечной системы упала на Солнце и его окончательно запустило. Вот до сих пор Солнце, быть может, перерабатывает этот ваш Фаэтон.

– Вот зачем ты всю романтику разрушает. Ты идёшь по трупам.

– А нечего секту из этой мумии устраивать. Мне понравилась теория аффективных волн Айннет и её меморандум.

– Вот её касаться не надо. Нормальная девушка. Она должна здесь работать.

– Так ты не в курсе, я её здесь оставил. Я наоборот говорю, молодец. Только с евентусологией перегнула. Ещё название дурацкое, но вот как эта хрень работает. Вот это генератор гравитационной частоты, вот этот шарик, Мать его, какая же там масса и

плотность. Маленький шарик диаметром сантиметр, а такое чувство, что там все десять килограмм.

– Мне чего-то сейчас о нейтронной звезде думается. Не знаю, может тебе это как-то поможет. Так что ты по поводу аффективных волн думаешь?

– Я не раз её ловил, и не побочную, т.е. малую, а генеральную. Когда я был маленький и жил в каком-то там городе, каком уже не помню. Мне тогда пять лет было. Помню только, что был взрыв на площади. И было куча народу. Вот до сих пор сцена эта перед глазами. Так что в этом что-то есть. Миром правят какие-то волны. Вот поймает придурок волну и давай теракт в мирное время устраивать. Прямо слепое орудие такой системы опорных точек.

– Ты, батенька, идеалист, оказывается. Миром правят информационные волны. Т.е. аффективные волны.

– В пределе своём, мы не можем выйти за рамки вот этой информационной системы. Мы даже помыслить не можем, кто он такой, так как вот эта система информационных полей, волн, называй это как угодно, не может взять тебе и показать вот это всё: кто убил, что за война, куда сбежали пострадавшие. А ведь они сбежали. Нет, это нам не понять. Есть вот этот потолок.

– Политика, брат, политика.

– И это тоже, и теракт тот политически был выгоден некоторым политикам. Только волны всё равно есть. Только как их изучить, чтобы спасти человечество?

– А, – тут декан развёл руками, – я обычно аффект, т.е. страх преодолеваю, а не любуюсь им. Но с другой стороны, пока гадюку не изучишь, ты её и не убьёшь.

– Ага, тут вот такой цилиндрический бриллиант. Ой, а что так можно алмазы синтезировать, чтобы они светились слегка изнутри?

– Я давно работаю в этом твоём спецотделе и всегда поражаюсь, как ты всегда говоришь, – декан уже доставал бутылку коньяка и разливал даже ассистентам и бойцу Андрею, – ты сразу когда отдел появился, говорил, что это потолок, что само какое-то поле, только тогда это было гравитационное, нам не даёт развиваться. А однако вот эти гравитационные щиты – наша заслуга.

– Я же говорю, что я имею право на слабость, на усталость, на чувство боли. Как и любой живущий у нас человек. Только одни делают из своих чувств культ, я просто жду, пока все гормоны утихнут, – Горский взял стакан и произнёс тост: – Я пью за нашу молодую смену. Мне, как инспектору божественной воли, нужна смена. Пью я за то, чтобы наша смена закалилась ещё больше и смогла превзойти нас и поднять планку ещё выше.

Все выпили. Инспектор собрал всё, что осталось от излучателя. И хотел идти домой, но потом сказал Щеглову:

– Слушай Щеглов. Мне нельзя быть сейчас одному. Ну, вижу я и без ваших глаз гнильё внутри людей.

– Я же биолог, я же знаю всё, – ответил ему Щеглов. – Как там Маша твоя, лучше о ней скажи.

– Маша, а что Маша, жена моя. Зачем она ещё со мной нянчится. Я же постоянно летаю по планетам. А она дома растит детей. Эти обормоты-близнецы школу оканчивают. Да, в новую жизнь ступают.

– Мои тоже. Слушай, не верю я в такие совпадения.

– Ты о чём.

– Видение астрального духа, того старика. Когда я вакцину изобретал.

– Ну, а ты знаешь, кто это был?

– Мой покойный прадедушка.

– Да?

– Я только сейчас вспомнил, как он выглядел.

– Как думаешь, может ли вот эта вот четвёрка быть нашей сменой?

– Ну, пуф, а почему ты сомневаешься? Нормальные ребята. Только это в следующем томе нашего романа. Отправим их куда-нибудь на станцию фиксировать аффективные волны.

– Как ты их зафиксируешь? Ладно, нам надо вдвоём посмотреть отчёты.

Они вошли уже в дом-кольцо. А нам космодроме с вещами стояли люди. Космический пассажирский корабль медленно заполнялся людьми. Здесь было слишком шумно. Какой-то парень устраивал истерику. Сел на пол, на колени, бился головой об пол и кричал фразу «нет, почему я». Глаза фиолетовые и больные. Его стали волочь на Землю. Кого-то сопровождали врачи. Через час зал ожидания опустел, и пассажирский гигантский космический аппарат стал медленно разгоняться и взлетать.

Он сделал десять витков вокруг планеты. Было время попрощаться. А возвращались они в очередной кризис. Экономика переживала не лучшие времена.

Только новость о том, что плутониевый завод работает, как-то спасало страну. Но разорились уже два десятка банков. Разорились некоторые крупные IT-компании. Разорились крупные строительные корпорации. Да много кто разорился.

Утечка, опять утечка. Журналисты, эксперты политологи и экономисты, – никто ничего не понимал, что происходит на финансовом рынке. Правительство уже вводило какие-то свои особенные меры. И страна погружалась во что-то непонятное.

В очередной раз заговорили об кризисе образования и культуры. Вдруг вот так повернули тему, будто бы там, в космическом городе были лишь писатели-фантасты или педагоги. Люди летели на Землю в неизвестность. Кое-кого уже встречали следователи с бойцами омона. Кого-то встречали. Кого-то уже перевозили в наручниках.

Уже сейчас некая председатель медкомиссии Лидия Чайковская, отбиравшая космонавтов, была арестована. В структуре российского космического агентства началась реструктуризация. Это самое агентство начинает так же тонуть. Прошла целая эпоха Чайковской и Лужевского. Лужевский был главой агентства целых пятнадцать лет. Оказалось, что наворовалась эта парочка много. Ещё бы штук двадцать межпланетных кораблей можно было построить и запустить.

Тихой и спокойной жизни не было ни у кого.

Кризис бушевал, и по ходу дела многие получали удовольствие. Им нравилось разорять банки и предприятия, продавая акции крупнейших компаний. Вот такая цена всех этих истерик в городе.

Нужно просто время, чтобы что-то понять, чтобы что-то исправить. Но только где его взять. У правительства времени нет, как и у тех крупных корпораций.

Глава 22.

Евгений Горский спускался сам, да так ловко, что Андрей удивлялся, как и все его бойцы. Считается, что должность инспектора не подразумевает возможность лазать по гротам и пещерам, а даже больше, противоположно самой идее первопроходца так такого. А инспектор даже не боится, а только сосредоточено идёт по узкому тоннелю. Идёт действительно мужественный человек. Отважные голубые глаза, полные к тому же любопытства и стремления вперёд. Никакой усталости, никакой тревоги или страх. Чёткие правильные движения, чёткие однозначные команды. Каждый сантиметр тела инспектора был уверен в том, что экспедиция будет успешна. Про такого человека не скажешь, что он на грани. Нет, внутри его чётко схватившийся цемент вперемежку с стальными стержнями. Навряд ли инспектор просто может сойти с ума. У него иммунитет. Все инспекторы, контролёры и прочие проверяющие профессии обладают иммунитетом перед всеми этими мелкими колебаниями в нейронах, вызывающих страх, тревогу и панику. Чувствуется, что Горский находится под защитой тех самых Высших сил. И через инспектора Горского Высшая сила проверяет общество, проверяет тщательно. Инспектор Горский проводник этой самой Высшей воли, и это чётко видно в глазах. Ему было, видимо, всё понятно, всё ясно. А чего тут понимать, когда повсюду просто тоннели. И банальный вопрос: куда идём, вообще уже не вызывает сомнений.

В душе Андрея, как и его бойцов наоборот атмосферный вихрь. Он не понимает, что с ним не так. Вроде как определили с Георгием, что видеть так в темноте – это норма, а волнение, зараза, пьянящее волнение поступает, и только сознание, сопротивляясь, запоминает в темноте ориентиры. Опять страшна неизвестность. Вот инспектору неизвестность не страшна, ведь в глазах любопытство, детское и наивное любопытство. Горский идёт как школьник по жизни, любопытство, появившееся в школе в первом классе, было теперь у него всегда. И будет всегда это любопытство и это упорство. А теперь вдруг сказал Горский, разглядывая щель в тоннеле с множеством трещин:

– А теперь внимание, перед нами сюрприз. Какая-то хрень. Нет, мне определённо нужно сюда.

– Товарищ Горский, – не выдержал этого волнение Андрей, – Может, остановимся и пойдём даже назад.

– Зачем назад, нам нужно проход открыть. Я же вижу тут грот. И стена какая-то гладкая.

– Странно, я просто чуть-чуть волнуюсь.

– Да? А что тут такого. Увидели древнее здание и стали туда проникать.

– Я…, – малец удивился, а потом сказал: – Есть, так точно, бойцы, быстро разбираем эту хрень.

Полчаса быстро прошло и Андрей, уступая место Горскому, вошёл в помещение. Нет, это помещение. Определённо. Как-то природа это сохранило, вот такое зрелище. В центре было круг, застывшим внутри электролитом. Какие-то турникеты вдали. А у входной стены, у входа были странные установки.

– Ух ты! Да это же новогодняя ёлка! – кричал Горский, разглядывая странную конструкцию: множество горизонтальных балок, уменьшающихся в длине с увеличением высоты, крепились к стволу. На горизонтальных балках было много всевозможных

закреплённых ребристых цилиндров. Наверху, как бы удивительно это не звучало, был ёлочный наконечник в форме восьмиконечной звезды. По крайней мере, всё выглядит так, словно сошло с конвейера: – Так бойцы, нужно будет взять эту ёлочку. Тут надо аккуратнее. Ещё что здесь есть?

У Горского проснулся азарт, да не только у него, а у всех бойцов. Сама ёлочка стояла под упавшей плитой. Плита была пока цела. Но в узком пространстве была эта ёлочка. Увидели кое-где остатки вычислительной техники. Разбитый монитор, разбитая клавиатура. Системные блоки были вдребезги, они были под плитой. Сверху текла вниз какая-то жидкость большой струёй вниз, в какую-то дыру. Перешагнув через трещину и сгорая от нетерпения прикоснуться к сакральному эзотерическому тайному знанию, и плевать, что все эти рухнувшие кое-где конструкции из толстого особого бетона, информация важнее жизни.

Подошли к порталу. Это был решётчатый диск, внутри которого было что-то противно застывшее. Это что-то, по-видимому, электролит, был тускло зелёного цвета. Кирилл тряс каким-то шестом сквозь щель в решётке – ноль эффекта. Но кое-как взяли пробы. Так как повсюду завалы, пришлось идти через диск. Но на диске самом пришлось остановиться и почувствовать время.

Все ощущения времени, которые были до этого – ничто перед тем, что испытывают эти космонавты сейчас. Началось всё с эффекта бесконечно огромного пространства, внутри которого тянутся громадные струны. И ощущение духовного озарения, будто бы ты уже раскрыл ту фаэтонскую библиотеку внутри себя. Ощущения того, что прошлое твоё, неважно, хорошее оно было или плохое, уходит под диск. И это всё выражается в странных колебаниях в каждой клетке организма. Такое чувство, что ты громадная электростанция, преобразующее абстрактное время и пространство, в материальную энергию, и именно электрическую. Само бесконечное пространство, и такое же многомерное бесконечное время внутри тебя сжимается и даёт ток, словно ты в центре воронки. Эту воронку трудно описать, так как глаза не обманешь. Но ощущаешь это искривление мозгом и понимаешь, что глаза обманывают и эффект реальной кривизны пространства и времени присутствует. И это не галлюцинация, а полное ощущение тех обычных людей, которые бегут от всеобщей гибели. Теперь наступает страх того, что планета погибнет и уже не будет шансов вернуться назад. Ощущаешь стоны людей от боли, их плач, их истерику, мысленно с ними говоришь. А тут ещё страх проступает. Все стоят как завороженные, словно сейчас сами уйдут вслед за своими создателями. Как-то неловко стало. Но тянуло вверх. Ощущение того, что ты сверхчеловек не покидало. Да честно говоря, тот сверхчеловек, который описан модернистами, мелочи. Нет ощущаешь эту непросто сверхчеловеческую идею, а параноидную идею того, что ты просто Бог, с большой буквы. Ты управляешь этими самыми квантовыми суперструнами. Ты можешь взять и запросто воплощать в мире целые цепи событий на квантовом уровне и так управлять толпой. Минуточку, так это же власть. Это система гипнотического оружия: на квантовом уровне меняешь информационное поле и погибаешь. Так стоп, почему погибаешь. Делаешь всеобщее равенство и счастье для всех. Всеобщую справедливость. Всеобщее блаженство какой-то расы. Может посредство этой штуковины разобраться с

теми варварами и сделать вообще мутантами, зомби и стереть в порошок причину такой не справедливости.

– Всё равно какие-то непонятки, – резко спросил Кирилл, – неужели всех американцев эскандерами уничтожить надо? Неужели нет в Америке тех людей, кто сопротивляется. Нет, я могу…, – и тут же заткнулась, не договаривая фразу. Просто в голове стоял гриб ядерный. Огромные столбы серой жидкости. Серо-чёрное небо. Постоянно идущий снег вместе с кислотой. Пока ошалелый Кирилл, любитель провокационной пропаганды, ощущал власть, кто-то сзади его обнял так крепко, как и всех этих бойцов и инспектор.

– Немедленно сойти с диска! Опасно для жизни! – прозвучало пространство и время, вполне себе материально и объективно. И какая-то сила по-мужски за шкирку согнало с диска уже опьяневших от ярости и паранойдной идеи всевластия как Божества, требующего какого-то контроля всего пространства и времени планеты с точностью до нанометра, т.е. каждого атома. Связи не было. Не только с диспетчером, но и нервов с психикой. Но через минуту экспедиция вся пришла в себя, огляделась и увидела странные фигуры, явно светящиеся в темноте. Это были люди в странной зелёной форме, точнее не люди, а полупрозрачные силуэты, словно призраки. Лица нечёткие, знаки отличия не видны. Эти силуэты буквально через минуту пропали.

– Классная система предупреждения, нам бы такую, – сказал инспектор и отчего-то расхохотался, – блин нет, как бы тут, эх, разобраться, да. А Фаэтон-то ещё та штучка. Эх-да, нет, кажется, ух-ф, просто так эта параноидная идея не проходит. Так, сколько времени? По ощущениям прошёл где-то час, а было на самом деле, эх, минут десять. Да девять минут сорок две секунды. Насмешили, да, они о нас так позаботились. Две мировые войны, кровавые революции, кровавый террор, концлагеря, Хиросима, Нагасаки. Ой, мамочки, они о нас заботятся. Нет, смешно, а что ж вы тогда раньше делали? Главное сами-то Марс во что превратили. Фактически Марс – гигантское кладбище человечества, помянуть бы это человечество. Тут сколько надо трудов вложить, чтобы это кладбище превратить в райский сад. Главное они нас будут учить, как нам жить? Нет, ну должен быть в этой теории Фаэтона, ну хоть какой-то морально-этический комплекс? Ну, как вот это вот всё оценивать? Ладно, если они Боги были реальные, т.е. реально всемогущие существа, эх, в масштабе вселенной, а просто параноики, возомнившие себя Высшим разумом. Ладно, здесь есть что?

– Да, у них психика на место встанет, – вставил Кирилл, – не надо нам здесь терраформирование. Не надо. Я, честно говоря, даже жалею америкосов. Я вот только сейчас понял, что всю жизнь ошибался, так как считал, что вся жизнь такая простая штука. Да мы все больны, в нас эта паранойя. Мы возомнили себя Богами. Нет, эти люди, желающие вот так делить мир, я и америкосов имею в виду в том числе. Они ведь просто больны. Это просто болезнь. Им реально психиатр нужен. Нет, спасибо тебе Разумная Вселенная, создавшее всё человечество….

– Вот-вот, – вставил Горский, – Разумная Вселенная, создавшее всё человечество. И никак иначе. Ещё чего, мы пойдём на поводу у психопатов, эх, насмешили.

– Спасибо тебе, Разумная Вселенная, – повторил Кирилл, – что ты нас сюда привела. Мне вот ничего не надо. Спасибо тебе за переворот сознания. Я теперь за всех

жителей Земли свечку поставлю, чтобы разум и солидарность друг с другом проникла в сердца и эта паранойя прошла.

– Придёт и наше время, – ответил Горский, задумчиво глядя на ещё какую-то груду. Это были оставленные вещи.

– Как страшно стало вдруг, – искренне говорил Кирилл, – до чего противно это уже желание властвовать над миром.   Да этот диск притягателен, есть там такая изюминка. Я что сказал?

– Ну, неважно, главное, чтобы из тебя это вышло, наконец, – говорил Андрей.   В куче оставленных вещей были всякие письменные материалы, выполненные из странного полимера, скорее даже не из дерева. Андрей разгрёб кучу и стал разглядывать при свете фонаря схемы устройства ёлочки: – Тут схема нашей ёлочки.   Господа, это у нас какие-то коды. Язык похожий на старославянский, что ли. Сюда бы историка. Нет, это не старославянский язык, но похожий на него.   А тут ещё, какая-то энергия идёт сверху вниз. А потом распределяется в эти цилиндры. Такая система разложения какой-то энергии. Бойцы забирали всякие чертежи и книги, какие-то фотоальбомы, зачем-то брали цилиндрические кристаллы с разъёмами по краям. Их было полно. А Горский смотрел на диск.   В глазах уже не было веселья, а был сосредоточенный анализирующий взгляд. Взяв себя в руки, Горский стал смотреть на выступы в диске, а потом взял какой-то длиннющий штырь и стал ломать диск.   Как ребёнок он сковырнул все панели резонирующего кольца и стал осматривать при помощи фонаря устройство:

– Выступы – это синхронизаторы, какие-то переходники и синхронизаторы гравитационной энергии. Так, один синхронизатор надо взять. Так бойцы, берём вот этот шеврон. Взять все у нас не получится.

Он подошёл к куче хлама, достал сумку, выкинул оттуда какие-то детские игрушки, и стал при помощи найденных отвёрток и молотка, а так же прочих инструментов, доставать сам шеврон.   Жутко тяжёлый синхронизатор гравитационных волн доставал Горский. Болты скрипели, но, о, чудо, поддались и через полчаса синхронизатор был в его руках.   Главное было отделить огромный разъём с двенадцатью клеммами по кругу, а в центре пустота, через которую должно что-то идти. В центре конструкции был тяжёлый цилиндр, прямо на месте стыка каких-то проводов и трубок.   Фактически гравитационная энергия, как полагал Горский, должна была идти по трубе в синхронизатор.   А потом этот синхронизатор, хотя почему эту хрень называть именно так – не было понятно.   Что делает, главным образом, этот цилиндр.   Провода здесь не зачем, как и этот ящик. Важен именно цилиндр. Горский не удержался и открыл каким-то странным ключом и увидел, разочаровался, с досадой закрыл, но уложил в сумку.   Там просто плескалась какая-то зелёная жидкость. Горский смотрел уже на странную изогнутую спираль, до сих пор прозрачную.   Спираль тянулась от синхронизатора до синхронизатора.   Евгений Петрович тупо всё разглядывал как мальчишка, тихо сопя от тех процессов, чисто физических, что происходят в мозгу, как встречаешь то, что противоречит полностью всему, что известно во всех учебниках мира.   Евгений Петрович заметил и странный ящик рядом с порталом. Открыв его штырём, увидел сеть проводов и уж явно обрадовался, когда увидел розетки и переключатели.   Поняв, что нужно здесь долго капаться, а кислород уже кончается, Горский скомандовал собираться и уходить, и стал на всякий

случай щёлкать тумблеры. Естественно, так как ток в главной линии отсутствовал, то портал не работал. И не заработает уже никогда, так как электричество и гравитационные волны подать нельзя. Хотя почему тут именно гравитационные волны должны подаваться. Почему? Может быть так, что это световые волны, или некая жидкость, которая потом в диске застыла. А может это жидкое время? Материальное время, нет определённо именно материальное время, только как это доказать, если видишь ты только при свете фонарных ламп.

Дико как-то было в душе у Горского, когда он ложился спать. Он ещё раз смотрел детский фотоальбом. Там был класс из какой-то школы, где люди на снимке левитировали. Т.е. они могли зависнуть в воздухе, преодолеть гравитацию и стать свободными, летать как птицы. Было много фоток странной игры в воздушный футбол или что-то подобное. Много прекрасных детей. Какой-то религиозный праздник, связанный с часами. Этот снимок долго не выходит из головы. Странные часы, которыми явно никто не управляет: длинная в пять метров спираль, внутри спирали ось, и стрелка на вершине спирали. Дальше спираль не идёт. Монах, видно главный, кидающий вверх листья бумаги и они так и зависли в воздухе. Безумный страшный вид ребёнка, с выражением из разряда всё кончено. И странная молния, попадающая в башню храма. Странный человек, который идёт, т.е. делает шаг. Вокруг него фиолетово-розовой сияние дуги в одной плоскости. Что самое удивительное, народ на постаменте радуется как взбесившийся ребёнок тому, что время кончилось, а народ кричал на него в гневе и ужасе. Так что какой это религиозный праздник.

– Ключевое здесь, – рассуждал инспектор, – не молния, не спираль, не монахи. Политические интриги этих варваров и причину гибели нашей прародины мы никогда не узнаем, так как это за горизонтом событий. Не знаю почему, но меня интересует именно этот человек, уходящий сам в будущее. Может это посланец истинного Бога, который пытался спасти Фаэтон, но безумие пересилило разум. В любом случае, это телепортация. Человек так таковой вознёсся в будущее, на небо. Хотя просто светится дуга времени. Может камера фиксирует большее, чем оптическое излучение. И у человека так изучается какая-нибудь энергия. Но он не даёт мне покоя. Нет, именно все эти люди на фотографиях, которых на них так светили.

Горский отобрал фотографии, где есть хоть один человек в светящейся дуге. Стал искать фотографии телепорта. Стал искать фотографии той ёлочки. Анализируя немногие фотографии, где были светящиеся люди, Горский понял, что это были разведчики, которые уходили в параллельный мир, чтобы спасти остальных. Странный был народ, почему нельзя было бороться – вот что непонятно. Фотография телепорта была только одна. Огромное здание с зелёными светящимися панелями в стенах. Какая-то очередь. Стоящие в тесной колонне люди. Какие-то люди в фиолетовой форме со знаками отличия. Как бы странно не выглядело, но у них были фиолетовые глаза. Центром композиции был сам телепорт. Самого человека видно в самом диске не было. Диск сверкал волнами света зелёного цвета. Сам силуэт человека всё-таки с трудом можно было распознать. Это просто лучи зелёного цвета, которые исходили как бы вдоль скелета, вдоль всех костей, словно кости светились. Или это иллюзия и эффект какого-то физического процесса. Тело бегущего от марсианской гибели человека, на одну треть уже

проникло в сам диск. Тело погружалось во что-то неизвестного агрегатного состояния. Это особое состояние материального времени. Во всяком случае, так заключил Горский. То, что за диском – увидеть невозможно. Увидеть невозможно тот параллельный мир. Люди уходили, но куда. Удивительно, что вообще при помощи чудного фотоаппарата можно вообще зафиксировать телепортацию. Кажется, что телепортация происходит за доли секунды и поэтому погружённого на одну треть человека в материальное время нельзя зафиксировать. Та самая ёлочка тоже была зафиксирована на этой фотографии и она вся там светилась зелёным цветом. Горский сомневался: не является ли странная ёлочка просто украшением или она регистрирует какие-то события или какое-то поле сама генерирует. Может это просто работающее как украшательство какая-то хрень. Может даже сами синхронизаторы уже не работают, и они испорчены заградительным отрядом, чтобы координаты не узнали. Горскому позвонили прямо сейчас из лаборатории по поводу этой зелёной жидкости, какой-то новый физик, который только что прибыл, буквально на днях:

– А Евгений Петрович, вы ещё не спите?

– Я навряд ли уже усну, уважаемый, – ответил инспектор с досадой и гордостью, – Я навряд ли уже когда-нибудь усну в этом мире, я проснулся, перевернув себя с головы на ноги.

– А, у меня примерно такое же состояние, я понимаю, что это надо засекретить.

– Понимаете, – физик говорил трясучим голосом, с таким волнением, – это нельзя выпускать в мир. Там у всех электронов и протонов происходят такие странные процессы. Конечно, время на квантовом уровне трудно измерить для одной частицы, но жидкость в этом цилиндре, внешне ничем не примечательная, вызывает отклонение квантовых часов. Точное значение величины отклонения описать сложно, потому что отклонение до сих пор меняется. Я пытался измерить временные характеристики, и мне кажется, что эта жидкость продукт распада другой формы материи.

– А почему вы собственно решили, что это продукт распада? Может она и была такой, просто…, – инспектор медленно поднял брови и поправил усы, – Вы состав вещества можете назвать?

– Это сложный полимер, по форме напоминает гигантскую сферу. В центре сферы неизвестные частицы, по-видимому, точно сказать не могу, и вызывающие изменения времени. Я только могу предположить, что там частицы, ну допустим, хронотроны. Т.е. хронотроны прямо у меня сейчас в лаборатории искривляют время и вызывают отклонение. Зафиксировать их можно и нужно только в синхрофазотроне. Могут только определённо сказать, что там цезий в сложнейшей структуре. Да я кристаллы проверил.

– И что там могут уже сказать ваши кристаллы, когда я увидел телепорт в действии.

– Ну, – настала пора двигать бровями и удивляться физику Олегу Вавилову, – эх, да ну вас с таким настроением. Тут есть целые цифровые хранилища! Тут я один кристаллик просканировал, в смысле его решётку. Есть там поле кое-какое. Ну, между атомами есть место, где должен быть электрон. Ну, назовём это ячейкой. И вот слишком разумное заполнение этих ячеек. Чёткая математика здесь есть, вот чувствуется рука человека. Т.е. это файловая система, ну, назовём её аметист. Тем более, что это аметист и есть, т.е. кварц, насколько я знаю геологию и минералогию.

– Где-то я слышал о таких экспериментах, – инспектор Горский ликовал. И его радость и ликование слышал весь этаж. Мало того, в переговорной комнате Горский стал расклеивать слабенькие по смыслу снимки, те, которые не засекретил. Естественно, была устроена фотовыставка и все ликовали, понимая, что началась новая эпоха. На фотография были видны дома, почти такие, как современные. Были видны красоты марса. Странные причудливые растения. Попали фотки боевых действий, каких-то манифестаций. События тех минувших дней, события той эпохи вновь воскресли и люди пытались расшифровать их значение.

Но до правильной трактовки тех событий ещё не дошло время. А сам телепорт находится за горизонтом событий. Вся теория устройства того диска, как уже считал и сам Горский, бессмысленна, но засекречена. Стать пророком и учителем планеты, своеобразным агентом времени инспектор не хотел, а просто лёг спать, выпив мощные таблетки, так как волнение по кругу в сознании.

А люди уже понимали, что здесь под грунтом ещё один город был. И что люди погибли. Они бродили радостные, так как нашли причину всех бед. Фаэтон – причина всех бед и притча во языцех. Народ прекрасно проецировал в Фаэтон причины всех бед. Его не надо заставлять это делать: обвинять фаэтонцов во всём, что угодно. Почему у нас в стране политический кризис? Фаэтон виноват! Их хроноагенты это всё устроили! Почему климат планеты лихорадит? Фаэтон виноват, их климатическое оружие! Т.е. те установки, что есть и у Славянского союза, это не установки отечественного производства и действуют они не по приказу правительства Славянского союза и конкретного президента. Нет, не сам президент виновен в том, что как в политическом кризисе, так и в экономическом кризисе именно он виноват. Его заставили так поступить хроноагенты с того Фаэтона! И как вы не понимаете! Президенты становятся жертвами этих агентов! Они загипнотизировали их! А что касается, извините, того, что лежит на полках магазинов, т.е. что касается той отравы? Как вы не поняли? Это нас не фирмы травят по собственной инициативе, а это фаэтонцы! А что касается кризиса культуры, науки, религии, философии и всего, всего, всего, что только можно нафантазировать? Нет, человек вообще не причастен к самой главной проблемы современности – массовой деградации себя самого! Его заставили фаэтонцы! Т.е. инопланетяне или пришельцы с другого времени сами всё устроили, а мы тупо выполняли. Пришельцы жителей не только города Циолковский, но и именно жителей города Циолковский в особенности, заставляли брать бутылку водки и выпивать её. А ещё устраивать побои, ломать бесценное оборудование, фальсифицировать информацию, шастать без надобности по Марсу и по всяким пещерам в алкогольном состоянии, – всё это пришельцы сделали. В каждой наносекунде жизни человека виновны фаэтонцы, излучая всякие такие поля. Слышали, что сказали психиатры? Мозг – это приёмник и передатчик некой информационной энергии? А вот метафизическая воля, т.е. воля в божественном смысле у человека, у народа, у государства, у планеты, у солнечной звёздной системы, – всё это вообще не существовало, не существует, и не будет существовать! Ни при каких обстоятельствах. Противно да? За то на душе приятно: можно чёрт те чё плести, и тебя согласно такой идеологии списать на Землю нельзя, и творить непотребства ты и дальше будешь. А страшный суд – это как бы параллельно с тобой, в смысле не с тобой, нас

вообще расщеплют на части всю нашу душевную структуру ещё при жизни. Это, надо сказать, правда. Ведь от белочки такой, вот те крест, умирают люди. Живут телами, не спорю, но душа в правду отсутствует.